

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Confined to Library

NEVILL FORBES BEQUEST

Vet.Slav. PG3314.A1.1803 (1)

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА,
Въ Типографіи С. Селивановскаго,
1803.

Съ дозволенія
Московского Гражданскаго Губернатора.

С Т И Х И.

Ч А С Т Ь I.

Содержаніе Перваго Тома.

Стран.

Опышная Соломонова мудрость, или мысли, выбранныя изъ Эккле- зіаста - - - -	1
Волга - - - -	13
Къ Милости - - - -	18
Кладбище - - - -	21
Къ богинѣ здравія - - - -	23
Къ Прекрасной - - - -	25
Раиса, древняя Баллада - - - -	27
Эпиграфи - - - -	31
Молишва о дождѣ - - - -	33
Веселой часъ - - - -	35
Военная пѣснь - - - -	37
Пѣснь мира - - - -	39
Осень - - - -	43
Пѣснь Божеству - - - -	45
Посланіе къ Дмишріеву - - - -	47
Къ Д* - - - -	54
Къ соловью - - - -	56
Филлидѣ - - - -	58
На разлуку съ П** - - - -	60
Прости - - - -	64
Надгробная надпись Боннешу - - - -	66
Любезной, въ день ея рожденія - - - -	67

VI

	<i>Стран.</i>
Справанность любви, или безсон- ница - - - -	68
Весеннее чувшво - - - -	72
Надежда - - - -	74
На смерть Князя Г. А. Хованска- го Декабря 1, 1796 - - - -	77
Къ бѣдному Поэшу - - - -	80
Отставка - - - -	85
Посланіе къ Александру Алексѣе- вичу Плещееву - - - -	88
Отвѣщъ моему пріятелю, кото- рой хотѣлъ, чшобы я написалъ похвальную оду Великой ЕКА- ТЕРИНѢ - - - -	96
Къ ней - - - -	98
Двѣ пѣсни - - - -	99
Приписаніе къ Гжѣ Н, которая желала, чшобъ я списалъ для нее сіи двѣ пѣсни - - - -	102
Соловей, галки и вороны. <i>Басня</i>	103
Прощаніе - - - -	104
Къ самому себѣ - - - -	105
Пѣсня - - - -	108
Время - - - -	110
Къ Мелодору, въ отвѣщъ на его пѣснь любви - - - -	111
Хлоя - - - -	112
Лилея - - - -	113
Гексоръ и Андромаха - - - -	115
Посланіе къ женщинамъ - - - -	124

Графъ Гвариносъ, древняя Гишпанская историческая пѣсня	147
Послѣднія слова умирающаго	154
Любовь и дружба	—
Печаль и радость	155
Страсти и безстрастіе	—
Спорщикъ	—
Любовь ко врагамъ	156
Къ невѣрной	157
Къ вѣрной	165
Долина Иосафатова, или долина спокойствія	171
Эпиграфия	173
Стихи на день рожденія А. А. П—ой, 14 Октября	—
Тріолетъ Алешѣ, въ шопѣ день, какъ ей исполнилось 14 лѣтъ	174
Тріолетъ Лизетѣ	175
Ошвѣтъ на стихи одной дѣвицы, въ которыхъ она клянется Хлоѣ, другу своему, любить ее пламенно и вѣчно, оставляя для Купидона только маленькой уголокъ въ сердцѣ	176
Стихи Графинѣ Р*, которой въ одной святошной игрѣ досталось бытъ Королевою	177
Двумъ молодымъ дамамъ, которыя въ маскахъ подошли къ	

Автору, и хошѣли увѣришь его, что онѣ ихѣ не знаешѣ	-	178.
Делины слова	-	179
Надпись къ дамской табакеркѣ, на которой изображены мраморной столпѣ и увядающій цвѣшокѣ	—	—
Нескромное эхо	-	180
Надпись къ поршрешу жестокой	—	—
Къ лѣсочку Полины	-	—
Дарованія	-	181
Къ Алинѣ на смерть ея супруга	-	202
Къ Лилѣ	-	204
Выборѣ жениха	-	207
Разлука	-	209
Клятва и преступленіе	-	210
Хорѣ и куплешы, пѣшыя вѣ Мар- инской рошѣ друзьями почтен- наго Хозяина, вѣ день именинѣ Его	-	211
Куплешы вѣ честь нѣжной Маше- ри, пѣшыя Ея милымѣ семей- ствомѣ, вѣ уединенномѣ и при- ятномѣ мѣстѣ, которое назы- вается Ея именемѣ: Дарьинымѣ	-	214
Надписи на спашую Купидона	-	216
Два сравненія	-	219
Дурной вкусѣ	-	220
Вопросы и отвѣшы	-	—

Характеръ Нисы	-	-	—
Эпиграмма	-	-	221
Истина	-	-	—
Мысляшъ и не мысляшъ	-	-	222
Надгробіе Шарлатана	-	-	—
Перемѣна цвѣша	-	-	—
Исправленіе	-	-	223
Непостоянство	-	-	226
Покой и слава	-	-	227
Желаніе	-	-	229
Тацитъ	-	-	—
Къ Шекспирову подражашелю	-	-	230
Куплеты изъ одной сельской Ко- медіи, игранный благородными Любишелями Театра	-	-	231
Прошей, или несогласія Сшихо- пворца	-	-	236
Его Императорскому Величеству, АЛЕКСАНДРУ I, Самодержцу Всероссійскому, на восшествіе Его на престолъ	-	-	260
На торжественное коронованіе Его Императорскаго Величества, АЛЕКСАНДРА I, Самодержца Всероссійскаго	-	-	266
Меланхолія, подражаніе Делилю	-	-	274
Гимнъ глупцамъ	-	-	277
Филины и соловей, или просвѣ- щеніе. Басня	-	-	282

Х

	<i>Стран.</i>
Спихи на слова, заданныя мнѣ	
Хлою: мигъ, каршина и дверь	284
Къ Эмилиі	289
Берегъ	295
Къ Добродѣтели	296
Спихи на скоропоспѣжную смерть	
Петра Аванасьевича Пельскаго	302

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ I.

СТИХИ.

Опышная Соломонова мудрость,
или мысли, выбранныя изъ Эк-
клезіаста.

Во цвѣтѣхъ пылкихъ, юныхъ лѣтѣхъ
Я нѣжной страстью услаждался;
Но ахъ! увялѣ прелестный цвѣтѣхъ,
Которымъ взоръ мой восхищался!
Осталась въ сердцѣ пустоша,
И я сказалъ: „любовь мечша!“

I.

1

Любилъ я пышность вълѣсахъ зрѣ-
 лыхъ,
 Богатствомъ, роскошью блисталъ;
 Но вмѣсто щастья, дней веселыхъ,
 Заботы, скуку обрѣшалъ;
 Просился вѣ старости съ мечшою,
 И назвалъ пышность суешою.

Искалъ я къ истинѣ пуши,
 Хотѣлъ узнатьъ всему причину:
 Но намъ ли таинствѣ ключъ найши,
 Измѣришь мудрости пучину?
 Всѣ наши знанія мечша,
 Вся наша мудрость суеша!

Къ чему намъ служишь власть, когда,
 ее имѣя,
 Не властны мы себя щасливыми пво-
 рить;
 И сердца своего покоишь не умѣя,
 Возможемъ ли другимъ спокойствіе
 даришь?

Въ чершгахъ кедровыхъ, среди садовъ
 прекрасныхъ,
 Въ объшяхъ Сиренъ, ко мнѣ любовью
 спрасныхъ,
 Томился и скучалъ я жизнью своею;
 Нѣшь щастья для души, когда оно не
 вѣ ней.

Уныніе мое казалось непонятно
 Наперсникамъ, рабамъ: я вкусъ свой
 пришупилъ,
 Излишней нѣгою всѣ чувствва изну-
 рилъ—
 Ненужное для насъ бываетъ ли при-
 яшно ?

Спирался я узнать людей ;
 Узналъ—и въ горести своей
 Оплакалъ жребій ихъ ужасный.
 Сердца ихъ злобны—и несчастны;
 Они враги врагамъ своимъ,
 Враги друзьямъ, себѣ самимъ.

Тамъ бѣдный проливаетъ слёзы,
 Въ судѣ невинный осужденъ,
 Глупецъ уваженъ и почтенъ ;
 Злодѣй находить въ жизни розы,
 Для добрыхъ терніе расцветъ ;
 Темницей кажешся имъ свѣтъ.

Смогри : невѣрная смѣшся—
 Любовникъ горестью сраженъ—
 Она другому опдаешся,
 Кошорый ею восхищенъ ;
 Но скоро кляшву онъ забудешъ,
 И скоро... самъ обманушъ будешъ.

Ехидны зависти вездѣ, вездѣ шипятъ;
 Достоинство, шланшъ и трудъ безъ
 награжденья.

Творите ли добро, вамъ люди зло шво-
 рятъ.

Ошъ каменныхъ сердець не ждите со-
 жалбнья.

Злословіе свой ядъ на имя мудрыхъ
 льетъ;

Не судишъ ни объ комъ разсудокъ
 непристрастный:

Лишь спраси говоряшъ. — Кто въ
 роскоши живешъ,

Не знаетъ и того, что въ свѣтѣ
 есть несчастный.

Но онъ несчастливъ самъ, не зная,
 ошъ чего;

Желаетъ получить, имѣетъ и ску-
 чаетъ;

Желаетъ новаго — и только что же-
 лаетъ.

Онъ врагъ наслѣднику, наслѣдникъ
 врагъ его.

По грозной влагѣ Океана

Мы всѣ плывемъ на кораблѣ

Во мракѣ бѣри и шумана;

Плывемъ, спѣшимъ приспашъ къ зем-
 лѣ —

Но въспрѣ ярился съ новой силою,
И море . . . служишѣ намѣ могилою.

Умы людей ослѣплены.
Что предковѣ нашихѣ обольщало,
Тѣмѣ самымѣ мы обольщены;
Ученье ихѣ для насѣ пропало:
И наше также пропадешѣ —
Пошомковѣ ша же учасшѣ ждешѣ.

Ничто не ново подѣ луною:
Что есть, то было, будешѣ ввѣкѣ.
И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалѣ человекѣ,
И прежде былѣ онѣ жершвой рока,
Надежды, слабости, порока.

И Царь и рабѣ его, безумецѣ и мудрецѣ,
Невинная душа, пресшупникѣ, извергѣ
злости,
Исчезнушѣ всѣ какѣ тѣнь — и всѣмѣ
одинѣ конецѣ:
На всѣхѣ грозилшѣ смерть, для всѣхѣ
ошвершѣ гробы.

Для шигра, агницы сей лугѣ равно
цвѣтешѣ,
Равно пишашѣ ихѣ. Нещасныхѣ при-
шѣснишѣ

Покоишься въ землѣ какъ бѣдныхъ
 утѣшилъ;
 На хладномъ гробѣ ихъ единый мохъ
 растешъ.

Гордися славою, великими дѣлами,
 И памяшники строй: что пользы? ты
 забышь,
 Какъ скоро нѣтъ тебя, народомъ и
 друзьями;
 Могилы швоея никто не посѣтитъ.

Какъ жизнь для смертнаго мяшежна!
 И мы еще желаемъ жить!
 Какъ власть и слава ненадежна!
 И мы хошимъ мечтамъ служить,
 Любишь, чего любишь не должно —
 Искать, чего найши не можно!

Нещасный, слабый человекъ!
 Ты жизнь проводишь въ огорченьи,
 И кончишь дни свои въ мученьи.
 Ахъ! лучше не родиться ввѣкъ,
 Чѣмъ въ жизни каждый мигъ шерзаться
 И смерти каждый мигъ бояться!

Ничтожество! ты благо намъ;
 Ты лучше капли наслажденій
 И моря спрашныхъ огорченій;
 Ты другъ чувствительнымъ сердцамъ,

Всегда надеждой обольщеннымъ,
Всегда шоскою изнуреннымъ!

Что насъ за гробомъ ждешъ, не знаетъ
и мудрецъ.

Могила, плѣнне всему ли есть конецъ?
Угаснетъ ли душа съ разрушеннымъ
покровомъ,

На небо ль воспаривъ, жить будетъ
въ шѣлѣ новомъ?

Сей шайны изъ людей никто не раз-
рѣшилъ.

И червя произвелъ Творецъ непоспи-
жимый;

Живошныя и мы Его рукой хранимы;
Имъ шакъ же, какъ и намъ, Онъ чув-
ство сообщилъ.

Подобно намъ они родятся, умираютъ:
Гдѣ будешъ ихъ душа? гдѣ будешъ и
швоя,

О бранный человекъ? Въ нихъ чув-
ства исчезающъ,
Изчезнушъ и во мнѣ: увы! что жъ буду я?

Но кто изъ смертныхъ разсуждаешъ?
Скупецъ богатства собираешъ,
Какъ будшо вѣкъ ему здѣсь живъ;
Пловцы сражающъ съ волнами —

За чѣмъ? чтобъ Тирскими коврами
Глаза роскошнаго прельснись.

Предъ мощнымъ слабость шрепешала:
Онъ громъ держалъ въ своихъ рукахъ;
Чело скрывая въ облакахъ,
Гремѣлъ, разилъ — земля пылала —
Но меркнешъ свѣшъ въ его очахъ,
И богъ земный... падешъ во прахъ.

Какъ розы юныя прелесны!
И какъ прелесна красота!
Но что же есть она? мечта.
Темнѣешъ цвѣшъ ея небесный:
Минуша — и прекрасной нѣшъ!
Вздохнувъ, любовникъ прочь идешъ.

Такъ все проходитъ здѣсь — и скоро
гласъ пріятный
Умолкнешъ навсегда для слуха моего;
Свирѣли, звуки арфѣ ему не будутъ
внясны;
Засшынешъ въ жидяхъ кровь опъ хлада
своего.

Исчезнушъ для меня всѣ прелести
земныя;
Ливанское вино прешанешъ вкусу
льснись;

Преклонится ошлѣшъ слабѣющая вы,
И шомною ногой я долженъ въ гробъ
сшупишь.

Подруги нѣжныя, которыхъ ласки были
Блаженствомъ дней моихъ! простите
навсегда!
Уже Судьбы меня съ любовью разлу-
чили;
Весна не разцвѣшешъ для шарца ни-
когда.

А ты, о юноша прелестный!
Спѣши цвѣты весною рвань,
И время жизни, даръ Небесный,
Умѣй въ забавахъ провождать;
Забава есть швоя стихія;
Улыбка краситъ дни младыя.

За чашей свѣшлаго вина
Бесѣдуй съ умными мужами;
Когда же пихая луна
Явился на небѣ съ звѣздами,
Спѣши къ возлюбленной своей, —
Забудь... на время мудрость съ ней.

Люби!... но будь во всемъ умѣренъ;
Поль нѣжный часто намъ невѣренъ;
Любя, умѣй и разлюбить.
Привычки, склонности и спраспи

У мудрыхъ должны быть во власти :
 Не мудрымъ цѣпи ихъ носить.

Намъ все *улотреблять* для щастія воз-
 можно :
Во зло улотреблять не должно ничего ;
 Спокойно разбирай, что истинно, что
 ложно :
 Спокойствіе души зависишь отъ сего.

Самъ Богъ тебѣ велишь пріятнымъ
 наслаждашься,
 Но помнишь своего великаго Творца :
 Онъ нѣжный вамъ отецъ, о нѣжныя
 сердца !
 Какъ сладостно Ему во всемъ пови-
 новашься !

Какъ сладостно предъ Нимъ и пла-
 кашь и вздыхашь !
 Онъ любилъ въ горести несчастныхъ
 утѣшать ,
 И солнечнымъ лучемъ ихъ слезы осу-
 шаетъ ;
 Прохладнымъ вѣтеркомъ ихъ сердце
 освѣжаешь .

Не будь ни въ чемъ излишно строгъ ;
 Щади безумцевъ горделивыхъ ,

Щади невѣждѣ самолюбивыхъ;
 Безъ гнѣва обличай пороки;
 Добро всегда собой прекрасно,
 А зло и гнусно и ужасно.

Прощая слабости другимъ,
 Ты будешь слабыми любимъ:
 Любовь же есть свяшой учитель.
 И кто не падалъ никогда?
 Мудрецъ, народовъ просвѣщитель,
 Бывалъ ли мудръ и швердъ всегда?

Въ какихъ странахъ благословенныхъ
 Сіяетъ вѣчно солнца лучь,
 И гдѣ не видимъ бурныхъ шучь,
 Огнями молній воспаленныхъ?
 Ахъ! самый лучший изъ людей
 Бывалъ игралищемъ страстей.

Не только для благихъ, будь добръ и
 для коварныхъ,
 Подобно какъ Творецъ на всѣхъ дары
 лѣетъ.
 Прекрасно другомъ бытъ сердецъ не-
 благодарныхъ!
 Награды никогда великій мужъ не
 ждетъ.

Награда для него есть совѣсть, духъ
 покойный.
 (Безуміе и злосць всегда враги Уму:

Вниманія его ихъ спрѣлы не достойны;
Онъ ими не явимъ: премудрость
щипъ ему.)

Сіяютъ передъ нимъ безсмертія свѣ-
щилы;
Божественный огонь блещитъ въ
его очахъ.
Ему не страшень видъ опверсшья
могилы:
Онъ шломъ на землѣ, но сердцемъ
въ небесахъ.

В о л г а.

Рѣка священнѣйшая въ мѣрѣ,
Кристалльныхъ водъ царица, мать!
Дерзну ли я на слабой лирѣ
Тебя, о Волга! величать,
Богиней Пѣсни вдохновенный,
Твоею славой удивленный?
Дерзну ль игрою струнъ моихъ,
Подъ шумомъ гордыхъ волнъ швоихъ—
Ихъ шонкой пѣной орошаясь,
Прохладой въ сердца освѣжаясь—
Хвалишь красу швоихъ береговъ,
Гдѣ грады, веси процвѣшающъ,
Поля волнистыя сіяютъ
Подъ тѣнію густыхъ лѣсовъ,
Въ кошорыхъ древле раздавался
Единый спрашный ревъ звѣрей,
И эхомъ вѣкъ не повторялся
Любезный слуху гласъ людей—
Береговъ, гдѣ прежде обитали
Орды златыя племена;
Гдѣ стрѣлы въ воздухъ свисали,
И гдѣ невѣрныхъ знамена
Не рѣдко кровью обагрялись
Свяшихъ, но слабыхъ Хрисціанъ;

Гдѣ враны шрупами питались
 Нещасныхъ древнихъ Россіянъ;
 Но гдѣ щеперь одной державы
 Народы вѣ шишинѣ живущѣ,
 И всѣ одну Богиню чшущѣ,
 Богиню щастія и славы (*) —
 Гдѣ вѣ первый разѣ ошкрылѣ я взорѣ,
 Небеснымѣ свѣтомѣ озарилѣся,
 И чувствомѣ жизни насладилѣся;
 Гдѣ пшичекѣ нѣжныхъ громкій хорѣ
 Воспѣлѣ рожденіе младенца;
 Гдѣ я Природу полюбилѣ, —
 Ей первенцы души и сердца,
 Слезу улыбку, посвятилѣ,
 И росѣ вѣ веселіи невинномѣ,
 Какѣ юный миршѣ вѣ лѣсу пустынно-
 номѣ?

Дерзну ли пѣшь, о мать - рѣка!
 Какѣ ты, красуясь вѣ печеньѣ
 По злату чистаго песка,
 Несешь земли благословенье (**)
 На серебряномѣ хребтѣ своемѣ,
 Вездѣ щедроты разливаешь,
 Вездѣ страны обогащаешь
 Вѣ блистательномѣ пуши швомѣ;
 Какѣ быстро плаваешь безспрашной

(*) Писано вѣ царствованіе ЕКАТЕРИНЫ.

(**) То ешь, суда съ хлѣбомѣ и съ другими
 плодами земли.

Летишь на парусныхъ крылахъ
 Среди пучинъ стихіи влажной,
 Въ швоихъ лазоревыхъ зыбяхъ,
 Хваля свой жребій, милость Неба,
 Хваля благопріятный вѣтръ;
 И какъ, прельщенный свѣщомъ Феба,
 Со дна подвѣмлетъ осетръ,
 Играешь на верьху съ волнами,
 Съ швоими пѣнными буграми,
 И плесомъ разсѣкаешь ихъ? —
 Когдажь подъ шучами со гнѣвомъ,
 Съ ужаснымъ шумомъ, грознымъ ре-
 вомъ,

Начнешь кипѣть въ берегахъ своихъ —
 Какъ вихри воздухъ раздирающъ,
 Какъ громы съ шрескомъ ударяющъ,
 И молніи шипящъ въ волнахъ —
 Когда пловцы, спасшись не чая,
 И къ небу руки просирая,
 Хладъ смерти чувствующъ въ сер-
 дцахъ: —

Какая кисть дерзнешъ предспавищъ
 Великость зрѣлица сего?
 Какая пѣснь возможешъ славить
 Ужасность гнѣва швоего?...
 Едва и самъ я въ лѣсахъ нѣжныхъ,
 Во цвѣтѣ радостной весны,
 Не кончилъ дней въ водахъ мяшежныхъ
 Твоей, о Волга! глубины.

Уже безъ вѣтриль, безъ кормила,
 По безднамъ буря насъ носила;
 Гребецъ отъ страха цѣпенѣлъ;
 Уже зіяла хлябь подъ нами
 Своими пѣнными устами;
 Надежды лучъ въ душахъ блѣднѣлъ;
 Уже я съ жизнію прощался,
 Съ ея прекрасною зарей;
 Въ поскѣ слезами обливался,
 И ждалъ гибели своей...
 Но вдругъ Творецъ изрекъ *спасенье* —
 Ушихло бурное волненье,
 И брегъ съ улыбкой намъ предсталъ.
 Какой восторгъ! какая радость!
 Я землю спрасшно лобызалъ,
 И чувствовалъ всю жизни сладость. —
 Сколь ты въ величїи своемъ,
 О Волга! яростна, ужасна,
 Столь въ благости мила, прекрасна:
 Ты образъ Божій въ мїрѣ семъ!

Теки, Россію украшая;
 Шуми, священная рѣка,
 Свою великостъ прославляя, —
 Доколѣ времени рука
 Не испощитъ твоей пучины...
 Увы! сей горестной судьбины
 И ты не можешь избѣжать:
И ты должна свой вѣкъ скончать!

Но прежде многіе народы
Исплѣюшъ, превращаясь въ прахъ,
И блескъ цвѣтущія Природы
Померкнетъ на твоихъ берегахъ (*).

(*) Мысль, что Природа спарфется, есть не
только пѣщическая мысль; самые Фило-
софы и Натуралисты не отвергаюшъ ее.

Г.

Q

Къ Милости (*).

Что можешь быть Тебя святѣ,
О Милость, дщерь благихъ Небесъ?
Что краше въ мирѣ, что милѣе?
Кто можешь безъ сердечныхъ слезъ,
Безъ радости и восхищенья,
Безъ сладкаго въ крови волненья,
Взирашь на прелести Твои?

Какая ночь не озарится
Ошъ солнечныхъ Твоихъ очей?
Какой мяжежъ не укропишься
Одной улыбкою Твоей?
Речешь, и громы онѣмѣюшъ;
Гдѣ спушишь, тамъ цвѣшны алѣюшъ,
И съ неба льешься благодашь.

Любовь швои стопы лобзаешъ,
И нѣжной Машерью зовешъ;
Любовь Тебя на шронѣ вѣнчаешъ,
И скишпрѣ въ десницу подаешъ
Текушъ, шекушъ земные роды,
Какъ съ горѣ высокихъ бышпры воды,
Подъ сѣнь державы Твоея.

(*) Писано въ царствованіе ЕКАТЕРИНЫ.

Блаженъ, блаженъ народъ живущій
 Въ пространной области Твоей!
 Блаженъ Пѣвецъ, Тебя поющій
 Въ жару, въ огнь души своей! —
 Доколѣ Милоспію будешь,
 Доколѣ права не забудешь,
 Съ кошорымъ чловѣкъ рожденъ;

Доколѣ гражданинѣ довольный
 Безъ страха можешъ засыпашъ,
 И дѣши-подданные вольны
 По мыслямъ жизнь располагаешъ,
 Вездѣ Природой наслаждаешъ,
 Вездѣ наукой украшаешъ,
 И славить прелести Твои;

Доколѣ злота, дщерь Тифона,
 Пребудешъ въ мракъ удалена
 Ошъ свѣтлозлогошаго шрона;
 Доколѣ правда не спрашна,
 И чистый сердцемъ не боится
 Въ своихъ желаніяхъ открьшъся
 Тебѣ, Владычицѣ души;

Доколѣ всѣмъ даешь свободу,
 И свѣта не шемнишь въ умахъ;
 Пока довѣренность къ народу
 Видна во всѣхъ Твоихъ дѣлахъ:
 Дошолѣ будешь свяшо чшима,
 Ошъ подданныхъ богошворима
 И славима изъ рода въ родѣ.

К л а д б и щ е .

Одинъ голосъ.

Спрашно въ могилѣ, хладной и темной! —
Вѣтры шамѣ воюшѣ, гробы шрясушя,
Бѣлыя косши спучашѣ.

Другой голосъ.

Тихо въ могилѣ, мягкой, покойной.
Вѣтры шамѣ вѣюшѣ, спящимѣ прохладно,
Травки, цвѣшочки растушѣ.

Первой.

Червь кровоглавый почитѣ умершихѣ,
Вѣ черепахѣ желшыхѣ жабы гнѣздяшя,
Зміи вѣ кропивѣ шипяшѣ.

Второй.

Крѣпокѣ сонѣ мершвыхѣ, сладоспенѣ,
крошокѣ;
Вѣ гробѣ нѣшѣ бури; нѣжныя пшички
Пѣснь на могилѣ поюшѣ.

Первой.

Тамъ обихаютъ черныя враны,
 Алчныя пщицы; хищныя звбри
 Съ ревомъ копающъ въ землѣ.

Второй.

Маленькой кроликъ въ правкѣ зеленой
 Съ милой подружкой шамъ ошдыхаешъ;
 Голубъ на вѣточкѣ спишъ.

Первой.

Сырость ео мглюю, густо мѣшаясь,
 Плаваюшъ тамо въ воздухѣ душномъ;
 Древо безъ лисъевъ стоишъ.

Второй.

Тамо спруишся въ воздухѣ свѣшломъ
 Паръ благовонный синихъ фіялокъ,
 Бѣлыхъ ясиновъ, лилей.

Первой.

Странникъ боится мершвой юдоли;
 Ужасъ и шрепемъ чувшвуя въ сердцѣ,
 Мимо кладбища спѣшишъ.

Второй.

Странникъ усшальный видишъ обихель
 Вѣчнаго мира—посохъ бросаю,
 Тамъ оштаешся навѣкъ.

Къ богинѣ здравія.

Сойди, сойди богиня,
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣшущая Игея!
Снеси злшый сосудъ
Съ цѣлебнымъ пишемъ!

Ушпа мои завяли,
Въ глазахъ весь огонь погасъ,
И сердце помно бьешся;
Едва дышашь могу—
Едва, едва живу.

И червя оживляешъ
Прохладный вѣшперокъ;
И правку освѣжаешъ
Небесная роса:
Всегда ли мнѣ спрадашь?

Хошя едину каплю,
Посланница боговъ,
Хошя едину каплю
Пролей въ мои ушпа—
И буду исцѣленъ!

Сойди, сойди богиня,
Сойди ко мнѣ съ небесъ,
Цвѣшущая Игея!
Снеси злшый сосудъ
Съ цѣлебнымъ пишемъ!

Къ Прекрасной.

Гдѣ ты, Прекрасная, гдѣ обитаешь?
Тамъ ли, гдѣ пѣсни поешь Филомела,
Крошкая ночи пѣвица,
Сидя на миршовой вѣшви?

Тамъ ли, гдѣ съ шихимъ журчаньемъ
спремишься
Чистый ручей по зеленому лугу,
Душу мою призывая
Къ сладкой дремотѣ покоя?

Тамъ ли, гдѣ юная, пышная роза,
Ушромъ кропимая, нѣжно албешъ,
Скромно съ Зефиромъ лобзясь,
Сладостью воздухъ пишая?

Тамъ ли, гдѣ солнечный лучъ освѣ-
щаетъ
Горъ неприступныхъ хребетъ разно-
цвѣтный (*),

(*) Когда въ хорошій вечеръ, передъ заходе-
ниемъ солнца, изъ нѣкотораго отдаленія
смотришь на высокія, снѣгомъ покрытыя
горы, то верхи ихъ кажутся разноцвѣт-
ными.

Гдѣ обихали издревле
Вышшія Силы и боги?

Гласъ швой божешпвенный часто вни-
маю;
Часто сквозь облако образъ швой ви-
жу —

Руки кѣ нему просшираю —
Облако, воздухъ объемлю!

Р а и с а,

Древняя Баллада.

Во шмѣ ночной ярилась буря;
Сверкаль на небѣ грозный лучь;
Гремѣли громы въ черныхъ шучахъ,
И сильный дождь въ лѣсу шумѣлъ.

Нигдѣ не видно было жизни;
Сокрылось все подѣ вѣрный кровъ.
Раиса, бѣдная Раиса,
Скишалась въ шемношѣ одна.

Нося опчаяніе въ сердцѣ,
Она не чувствуетъ грозы,
И бури спрашный вой не можешъ
Ея степеній заглушить.

Она блѣдна какъ листъ увядшій,
Какъ мертвый цвѣшъ уста ея;
Глаза покрышы шомнымъ мракомъ,
Но сильно бьешся сердце въ ней.

Съ ея открышой бѣлой груди,
Язвимою вѣшьями деревъ,

Текутъ ручьи кипящей крови
На зелень влажныхъ земли.

Надъ моремъ гордо возвышался
Хребешъ гранишныя горы:
Между спремнинъ, по камнямъ ос-
примъ
Раиса всходитъ на него.

(Тутъ бездна яростно кипѣла
При блескѣ огненныхъ лучей;
Громады волнъ неслися съ ревомъ,
Грозя всю землю пощопить.)

Она взираетъ, умолкаетъ;
Но скоро жалкой спонъ ея
Смѣшался вновь съ шумящей бурей:
„Увы! увy! погигла я!

„Кронидъ, Кронидъ, жестокой, милой!
Куда ушелъ ты отъ меня?
Почто Раису оставляешь
Одну среди ужасной тьмы?

„Кронидъ! поди ко мнѣ! Забуду,
Забуду все, прощу себя!—
Но ты найдешь къ Раисѣ бѣдной!...
Почто тебя узнала я?

„Опець и машь меня любили,
И я любила нѣжно ихъ;
Въ невинныхъ радостяхъ, въ забавахъ
Часы и дни мои шекли.

„Когдажъ явился ты какъ Ангелъ,
И съ нѣжнымъ вздохомъ мнѣ сказалъ:
Люблю, люблю тебя, Раиса!
Забыла я ошца и машь.

„Въ восторгѣ, съ шрепешомъ сердеч-
(нымъ)
И съ пламенной слезой любви
Въ швои обѣшя упала,
И сердце ошдала шебѣ.

„Душа моя въ швою вселилась;
Въ шебѣ жила, дышала я;
Въ швоихъ глазахъ свѣшъ солнца зрѣла;
Ты былъ мнѣ образъ Божештва.

„Почшо я жизни не лишилась
Въ обѣшяхъ швоей любви?
Не зрѣла бѣ я швоей измѣны,
И шасшливѣ былъ бы мой конецъ.

„Но рокъ судилъ, чшобъ ты другую
Раисѣ вѣрной предпочелъ;
Чшобъ ты меня навѣкъ ошавилъ,
Когда сномъ крѣпкимъ я спала,

„Когда мечшала о Кронидѣ,
И мнила обнимаешь его!
Увы! я воздухъ обнимала....
Уже далеко былъ Кронидѣ!

„Мечша исчезла, я проснулась;
Звала себя, но ты молчалъ;
Искала взоромъ, но не зрѣла
Тебя нигдѣ передъ собой.

„На холмъ высокой я спѣшила....
Нещасная!... Кронидѣ вдали
Бѣжалъ онъ глазъ моихъ съ Людь-
милой!
Безъ чувствъ тогда упала я.

„Съ сея ужасныя минушы
Крушусь, шоскую день и ночь;
Ищу вездѣ, зову Кронидѣ —
Но ты не хочешь мнѣ внимать.

„Теперь злощасная Раиса
Звала себя вѣ послѣдній разъ...
Душа моя покоя жаждетъ...
Просши!... Будь щасшливѣ безъ меня!“

Сказавъ сии слова, Раиса
Низверглась вѣ море. Грянулъ громъ:
Симъ Небо возвѣстило гибель
Тому, кто погубилъ ее.

Э п и ш а ф і и.

Одна нѣжная мать просила меня сочинить надгробную надпись для умершей двулѣтней дочери ея. Я предложилъ ей на выборъ слѣдующія пять эпитафій; она выбрала послѣднюю, и приказала вырѣзать ее на гробѣ.

1.

Небесная душа на небо возвратилась,
Къ Источнику всего, въ объятія Опща;
Порокомъ здѣсь она еще не омрачилась;
Невинностью своей плѣняла всѣ сердца.

2.

И на землѣ она какъ Ангелъ улыбалась:
Что жъ шамъ, на небесахъ?

3.

Въ объятіяхъ земли покойся милый прахъ!
Небесная душа ликуй на небесахъ!

4.

Едва блеснула въ ней небесная душа,
И къ Солнцу всѣхъ міровъ поспѣшно
возвратилась.

5.

Покойся, милый прахъ, до радостнаго
ушра!

Молишва о дождѣ.

Машь любезная, Природа!
Ошѣ лазореваго свода
Дождь шумящій ниспошли
Оросишь лице земли!

Все помился, унываетъ;
Зелень въ полѣ увядаетъ;
Сохнешъ шравка и цвѣшокъ—
Нѣжный ландышь, василѣкъ
Пылью сбрую покрышы—
Не питаешъ ихъ роса...
Дѣши машерью забышы!

Солнце жжетъ, палишъ лѣса.
Пшички въ рощахъ замолчали;
Ищущъ шолько холодка.
Ручейки журчатъ пресшали;
Испоцилася рѣка.
Агнецъ пици не находить:
Черенъ холмъ и черей долъ.
Конь въ степи печально бродить;
Тоць и слабъ ревущій волъ.

Ахъ! шакой ли ждалъ награды
Земледѣлецъ за шруды?

Гибнушѣ всѣ его плоды!...
 Въ горькой части безѣ ошрады,
 Онѣ перзаеиша поскою;
 За себя, за чадѣ страдаешѣ,
 И блестящею слезою
 Хлѣбѣ изсохшій орошаешѣ.
 Дѣши плачушѣ вмѣстѣ съ нимѣ;
 Игры всѣ не милы имѣ!

Мать любезная, Природа!
 Отѣ лазореваго свода
 Дождѣ шумящій ниспошли
 Оросишѣ лице земли!

Ахѣ! доселѣ ты внимала
 Крику слабаго пшенца,
 И въ печаляхѣ ушѣшала
 Наши помныя сердца:
 Не ужель теперь забудешѣ
 Въ нуждѣ, въ скорби чадѣ своихѣ?
 Не ужель теперь не будешѣ
 Нѣжной матерью для нихѣ?—
 Нѣшѣ, шобою оживяшѣ
 Наши мертвыя поля;
 Вновь украсишѣ земля—
 Пѣсни въ роци возвращашѣ—
 Благодарный оиміамѣ
 Воскуришѣ къ небесамѣ!

Веселой часъ.

Брашья, рюмки наливайте!
Лейся черезъ край вино!
Все до капли выпивайте!
Осушайте въ рюмкахъ дно

Мы живемъ въ печальномъ мѣрѣ;
Всякой горе испыталъ,
Въ бѣдномъ рубищѣ, въ порфирѣ —
Но и радость Богъ намъ далъ.

Онъ вино намъ далъ на радость,
Говоритъ свяшой Мудрецъ:
Спарецъ въ немъ находишь младость,
Бѣдный гореснямъ конецъ.

Кто все плачетъ, все вздыхаетъ,
Вѣчно смотришь Сентябрьремъ:
Топъ науки жишь не знаешь,
И не видишь свѣта днемъ.

Все печальное забудемъ,
Что смущало въ жизни насъ;
Пѣшь и радоваться будемъ
Въ сей пріятной, сладкой часъ!

Да свѣтлѣетъ сердце наше,
Да сіяетъ въ немъ покой,
Какъ вино сіяетъ въ чашѣ,
Осребряемо луной!

Военная пѣснь.

Въ чѣихъ жилахъ льется кровь Ге-
роевъ;
Кто сердцемъ мужъ, кто духомъ Россѣ:
Тотъ презри нѣгу, роскошь, праз-
дность,
Забавы, радость слабыхъ душъ!

Туда, гдѣ знамя брани вѣетъ—
Туда, гдѣ громъ войны гремитъ—
Гдѣ воздухъ шонетъ, солнце мерк-
нетъ,
Земля дымится и дрожитъ;

Гдѣ жизнь блѣднѣетъ и шрепещетъ;
Гдѣ злобы, кляшвы, ада дщерь, —
Гдѣ смерть съ улыбкой пожираетъ
Тьмы жершвъ, и кровь ихъ жадно
пьетъ:

Туда спѣши, о сынъ Россіи!
Разишь безчисленныхъ враговъ!
Какъ столпъ огня, палящій нивы,
Теки, стремись по ихъ рядамъ!

Перуномъ будь, и стрѣлы грома
Бросай на нихъ и всѣхъ губи!
Да въ бурѣ гнѣва гласъ промчится:
Умри, умри Россіи врагъ!

Губи! — Когда же врагъ погибнетъ,
Сраженный храбросью швоей,
Смой кровь съ себя слезами сердца:
Ты ближнихъ, брашій поразилъ!

П ъ с н ь м и р а .

Миръ блаженный, чадо Неба,
Къ намъ съ оливою лешихъ,
И вѣнецъ свѣтлае Феба
На главѣ его блещишь.
Онъ въ дыханіи Зефира
Ниспускается въ нашъ край,
И отъ горнихъ странъ ээира
Въ шьму низноситъ свѣтлый рай.

Х о р ъ .

Бури, громы умолкають;
Тучи черны исчезаютъ;
Исчезаетъ, какъ призракъ,
Ужасъ блѣдный, дымъ и мракъ.
Все въ Природѣ оживаетъ;
Свѣтъ проникъ въ густую шѣнь:
Пышно роза расцвѣщаетъ,
Какъ весною въ красный день;
Лугъ пушился, зеленѣетъ,
Класъ серебрился вдалекъ,
Плодъ златый на древѣ зрѣетъ,
Бальзамъ вѣетъ въ вѣтеркѣ.

Х о р ъ .

Милліоны веселились,
Милліоны обнимались,

Какъ объемятъ брата братъ!
Лобызайтесь всѣ спократъ!

Пшички снова прилешають
Въ наши роци и лѣса;
Снова въ пѣсняхъ прославляютъ
Миръ, свободу, Небеса.
Агнецъ шигра не боишся,
И гуляетъ съ нимъ въ лугахъ;
Все швореніе дружишся,
На землѣ и на водахъ.

Х о р ь.

Милліоны да ликуютъ!
Милліоны торжествуютъ!
Вѣкъ Аспреинъ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!
Въ роцахъ слышны звуки лиры;
На берегахъ кристальныхъ водъ
Нимфы, Фауны, Саширы
Соспавляютъ хоровадъ.
И Силенъ неушомимой
Громкимъ голосомъ поешъ;
Пляшешъ съ Нимфою любимой,
И къ веселью всѣхъ зовешъ.

Х о р ь.

Пойте, пойте духа радость! . .
Лейте, лейте въ сердце сладость! . .
Вѣкъ Аспреинъ оживи!
Съ цѣлымъ міромъ мы въ любви!

Музы, Граціи сплетая
 Цѣпь изъ лавровъ и лилей,
 Ею крылья обвивая
 Бога пихихъ, райскихъ дней,
 Нѣжно всѣ его ласкающъ
 Сь видомъ щасливой любви,
 И вѣ восторгѣ восклицающъ:
 „Вѣчно сь нами, Миръ, живи!“

Х о р в.

Вѣчно сь нами, Миръ прелестной,
 Вѣчно сь нами, сынъ небесной,
 Вѣчно сь нами обитай,
 И блаженствомъ насъ питай!

Полно намъ губишь другъ друга,
 Сирымъ слезы проливашъ!
 И печальная супруга
 Да престанешъ горевашъ!
 Долго смершны не знали,
 Что блаженство есть любовь;
 Щасья вѣ хищности искали,
 И лилась рѣками кровь.

Х о р в.

Смершный нынѣ просвѣтился,
 И ко дружбѣ обратился.
 Вѣкъ Аспреннѣ оживи!
 Сь цѣлымъ міромъ мы вѣ любви!

Цѣпь составьше, миллионы
 Дѣти одного ошца!

1.

4

Вамъ даны одни законы,
 Вамъ даны одни сердца!
 Брашки, нѣжно обнимишесь,
 И клянишесь — любишь!
 Чувствомъ, мыслию клянишесь
 Вѣчно, вѣчно въ мирѣ жишь!

Х о р ъ.

Мы клянемся всѣ сердечно,
 Въ мирѣ съ братьями жишь вѣчно!
 Опче! слышишь клятву чадъ!
 Мы швердимъ ее спокрашъ.

О с е н ь .

Вьютъ осенніе вѣтры
Въ мрачной дубравѣ;
Съ шумомъ на землю валяся
Желтые листьѣя.

Поле и садъ опустѣли;
Съшуютъ холмы;
Пѣніе въ рощахъ умолкло —
Скрылися пшички.

Поздніе гуси спаницей
Къ югу спремяся,
Плавнымъ полешомъ несяся
Въ горнихъ предѣлахъ.

Вьются сѣдые шуманы
Въ тихой долині;
Съ дымомъ въ деревнѣ мѣшаясь,
Къ небу восходящѣ.

Спранникъ, стоящій на холмѣ,
Взоромъ унылымъ
Смогришъ на блѣдную осень,
Томно вздыхая.

Спранникъ печальный утѣшься!

Влетѣтъ Природа

Только на малое время;

Все оживишься,

Все обновишься весною;

Съ гордой улыбкой

Снова Природа возстанетъ

Въ брачной одеждѣ.

Смертный, ахъ! влетѣтъ навѣки!

Спарецъ весною

Чувствуешь хладную зиму

Вешнїя жизни.

Пѣснь Божеству (*).

Господь Природы, — Безконечный,
Мировъ безчисленныхъ Творецъ,
Источникъ бытія всевѣчный,
Ощецъ чувствительныхъ сердецъ:

Всего, что жизнь въ себѣ питаетъ;
Что видишь славу, блескъ небесъ,
Улыбкой радость изъясляешь
И въ скорби льешь попоки слезъ!

Отъ вѣка Самъ въ Себѣ живущій,
Держащій все въ рукахъ Своихъ;
Нигдѣ не зримый, всюду сущій, —
Въ странахъ эфирныхъ и земныхъ!

Блаженство, свѣтъ, душа вселенной,
Свяшый, премудрый, дивный Богъ!
Кшо — сердцемъ, чувствомъ одарен-
ной —
Тебя назовашь мечшою могъ?

(*) Сочиненная на пошъ случай, какъ безумецъ Дюмонъ сказалъ во Французскомъ Конвеншѣ: *nѣтъ Бога!*

Тебя?.. И страшнымъ громомъ неба
 Сей извергъ въ прахъ не обращенъ?
 Огнемъ пылающаго Феба
 Сей злобный смершный не сожженъ?

Но Ты великъ! но Ты не знаешь,
 Какъ мстишь, — наказывашь враговъ;
 Они ничто — Ты ихъ прощаешь;
 Ты зришь въ врагахъ—Своихъ сыновъ,

И льешь на нихъ дары благіе;
 Щадишь безумцевъ жалкихъ кровь. —
 Исчезнешъ шма въ умахъ, и злые
 Твою почувшвующъ любовь.

Любовь!... и съ крошкимъ удивлень-
 емъ, —
 Въ минушу славы, шоржешсва, —
 Съ живымъ сердечнымъ восхищеньемъ
 Падущъ предъ шрономъ Божешсва;

Обнимущъ руку всеблагую,
 Ошцемъ проспершую къ сынамъ;
 Восхваляшъ милость прешвасую —
 Рекушъ: *есть Богъ: мръ Божій храмъ!*

Посланіе къ Дмишріеву.

*Въ отвѣтъ на его стихи, въ которыхъ
онъ жалуется на скоротечность ща-
стливой молодости.*

Конечно такъ—шы правъ, мой другъ!
Цвѣтъ счастья скоро увядаетъ,
И юность наша есть шотъ лугъ,
Гдѣ сей красавецъ расцвѣшаетъ.
Тогда въ эфиръ мы живемъ,
И нектаръ сладостный пиемъ
Изъ полной Олимпійской чаши.
Но жизни алая весна
Есть мигъ — увы! пройдетъ она,
И съ нею мысли, чувства наши
Лишатся свѣжести своей.
Что прежде душу веселило,
Къ себѣ съ улыбкою манило,
Не мило, скучно будетъ ей.
Надежды и мечты злая
Какъ пшички быстро улешашъ,
И тѣни хладныя, густыя
Надъ нами солнце заземняшъ —
Тогда, подобно Иксиону,
Не милую свою Юнону,

Но дымъ увидимъ предъ собой (*)!

И я, о другъ мой! наслаждался
Своею красною весной;
И я мечтами обольщался —
Любилъ съ горячностью людей,
Какъ нѣжныхъ брашій и друзей;
Желалъ добра имъ всей душою;
Готовъ былъ кровію моею
Пожертвовашъ для щасья ихъ,
И въ самыхъ горестяхъ своихъ
Надеждой сладкой веселился
Не бесполезно жить для нихъ —
Мой духъ сей мыслию гордился!
Источникъ радостей и благъ
Ошкрышь въ чувствительныхъ ду-
шахъ;

Плѣнишь ихъ истиной свяшою,
Ея неслѣнной красотою;
Орудіемъ Небеснымъ бышь,
И въ памяти попомсхва живъ,
Казалось мнѣ всего славнѣ,
Всего прекраснѣ, милѣ!
Я жребій свой благословлялъ,
Любуясь прелестью награды —
И тихій свѣтъ моей лампы
Съ звѣздою ушра угасалъ.

(*) Извѣстно изъ Мифологіи, что Иксіонъ,
желая обнять Юнону, обнялъ облако и
дымъ.

Злашое, дневное свѣшило
 Примѣромъ, образцемъ мнѣ было....
 Почто, почто, мой другъ, не вѣкъ
 Обманомъ щасшливѣ человѣкъ?

Но время, опытъ разрушаютъ
 Воздушный замокъ юныхъ лѣтъ;
 Красы волшебства исчезаютъ...
 Теперь иной я вижу свѣтъ,—
 И вижу ясно, что съ Плашономъ
 Республикѣ намъ не учредишь,—
 Съ Пишкакомъ, Фалесомъ, Зенономъ
 Сердецъ жестокихъ не смягчишь.
 Ахъ! зло подъ солнцемъ безконечно,
 И люди будущъ— люди вѣчно.
 Когда несчастныхъ Данаидъ (*)
 Сосудъ наполнился водою,
 Тогда, чудесною судьбою,
 Нашъ шаръ приметъ лучший видъ:
 Сатурнъ на землю возвратишь,
 И шигра съ агнцемъ помирить;
 Богатый съ бѣднымъ подружишь,
 И слабый сильнаго просишь.
 Доложь истина опасна,
 Однимъ скучна, другимъ ужасна;
 Никто не хочеть ей внимать —

(*) Онъ въ подземномъ мѣрѣ любуъ безпре-
 станно воду въ худой сосудъ.

И часто ядѣ шому заплаша,
 Кшо гласомѣ мудраго Сокрапа
 Дерзаетѣ буйству угрожать.
 Гордецѣ не любишѣ наславленья,
 Глупецѣ не шерпишѣ просвѣщенья —
 И шакѣ лампаду угасимѣ,
 Желая доброй ночи имѣ.

Но чшо же намѣ, о другѣ любезный!
 Оспалось дѣлать вѣ жизни сей,
 Когда не можемѣ быти полезны,
 Не можемѣ премѣнить людей?
 Оплакашѣ бѣдныхѣ смертныхѣ долю,
 И мрачный свѣтѣ предашѣ на волю
 Судьбы и Рока: пустьъ они,
 Симѣ миромѣ правя искони,
 И впредѣ шворяшѣ, чшо имѣ угодно!
 А мы, любя дышашѣ свободно,
 Себѣ построимѣ шихій кровѣ,
 За мрачной сѣнію лѣсовѣ,
 Куда бы злые и невѣжды
 Вовѣкѣ дороги не нашли,
 И гдѣ бѣ, безѣ страха и надежды,
 Мы вѣ мирѣ живѣ сѣ собой могли,
 Гнушашѣся *издали* порокомѣ,
 И яснымѣ, шерпѣливымѣ окомѣ
 Взирашѣ на шучи, вихрь суешѣ,
 Отѣ грома, бури укываясь,
 И вѣ чистомѣ сердцѣ наслаждаясь
 Мерцаніемѣ вечернихѣ лѣшѣ,

Оспашкомъ теплыхъ дней осеннихъ.
 Хошя ужъ нѣшъ цвѣшовъ весеннихъ
 У насъ на лицахъ, на устахъ,
 И юный огонь погасъ въ глазахъ;
 Хошя красавицы пресшали
 Меня любезнымъ называть —
 (Зефиры съ нами оыграли!) —
 Но мы не должны уныватьъ:
 Живемъ по общему закону!..
 Ошелло въ старости своей
 Пѣнилъ младую Дездемону (*),
 И вкрался тихо въ сердце къ ней
 Любезныхъ Музъ прелеснымъ даромъ.
 Онъ съ нѣжнымъ, шогашельнымъ жа-
 ромъ

Въ картинахъ ей изображалъ,
 Какъ случай въ жизни имъ игралъ;
 Какъ онъ за дальними морями,
 Небозримыми шепями,
 Между ревущихъ, пѣнныхъ рѣкъ,
 Среди лѣсовъ густыхъ, дремучихъ,
 Песковъ горящихъ и сыпучихъ,
 Гдѣ люди не бывали вѣкъ,
 Безстрашно въ юности скишался,
 Со львами, шиграми сражался,
 Терпѣлъ жестокой зной и хладъ,
 Терпѣлъ усшалость, жажду, гладъ.

(*) Смощри Шекспирову шрагедію Оше лло.

Она внимала, удивлялась;
 Брала участіе во всемъ;
 Въ опасность вмѣстѣ съ нимъ вда-
 валась,

И въ нѣжномъ пламени своемъ,
 Съ блестящею въ очахъ слезою,
 Сказала: *я люблю тебя!*

И мы, любезный другъ, съ шобою
 Найдемъ подругу для себя,
 Подругу съ милою душою.

Она пріятностью своею
 Украситъ западъ нашихъ дней.

Бесѣда опытныхъ людей,
 Ихъ басни, повѣсти и были
 (Насъ лѣша сказкамъ научили!)

Ея вниманіе займутъ,
 Ея любовь приобрѣтутъ.

Любовь и дружба — вошъ чѣмъ можно
 Себя подъ солнцемъ ушѣшать!

Искашь блаженства намъ не должно,
 Но должно — менѣе спрадать;

И кто любилъ, кто былъ любимымъ,
 Былъ другомъ нѣжнымъ, другомъ чщи-
 мымъ,

Тотъ въ мірѣ семъ не даромъ жилъ,
 Не даромъ землю бременилъ.

Пусть громы небо пошрясаютъ,
 Злодѣи слабыхъ угнешають,

Безумцы хвалятъ разумъ свой!
 Мой другъ! не мы шому виной.

Мы слабыхъ здѣсь не угнешали,
 И всѣмъ ума, добра желали;
 У насъ не черныя сердца!
 И такъ безъ шрепеша и страха
 Намъ можно ожидать конца
 И лечь во гробъ, жилище праха.
 Завѣса вѣчности спрашна
 Убийцамъ, кровью обограннымъ,
 Слезами бѣдныхъ орошеннымъ.
 Въ комъ духъ и совѣсть безъ пятна,
 Тотъ съ тихимъ чувствіемъ встрѣ-
 чаетъ

Злашую Фебову стрѣлу (*),
 И Ангелъ мира освѣщаетъ
 Предъ нимъ густую смерти мглу.
 Тамъ—шамъ—за синимъ океаномъ,
 Вдали, въ мерцаніи багряномъ,
 Онъ зришь... но мы еще не зримъ.

(*) Древніе Поэты говорили, что злашая Фе-
 бова стрѣла приноситъ смерть человѣку.

Къ Д*.

„Многіе Барды, лиру наспроивъ,
„Смѣло играющъ, поющъ;
„Звуки ихъ лиры, гласы ихъ пѣсней,
„Мчашся по роцамъ, шумящъ.

„Многіе Барды, тоны возвысивъ,
„Спращныя бишвы поющъ;
„Въ звукахъ ихъ пѣсней слышны удары,
„Споиъ пораженныхъ и смершь.

„Многіе Барды, тоны унизивъ,
„Сельскую радость поющъ —
„Нравы невинныхъ, крошкихъ паспу-
шекъ,
„Вздохи; ушѣхи любви.

„Многіе Барды въ шумномъ восторгѣ
„Намъ воспѣвающъ вино,
„Всѣхъ призывая имъ ушоляши
„Скуку, заботы, печаль.

„Всѣ ли ихъ пѣсни прогающъ сердце,
„Душу приводящъ въ восторгъ?
„Всѣ ли Омиры, Геснеры, Клейсмы?
„Гдѣ Анакреонъ другой?

„Мало осталось Бардовъ великихъ!“ —
 Такъ воспѣвая, вздохнулъ;
 Слезы изъ сердца тихо капяшся;
 Лира упала изъ рукъ.

Быстро Зефиры съ Невскаго берега,
 Быстро несущся ко мнѣ —
 Вѣющъ — вливающъ сладкія пѣсни,
 Нѣжныя пѣсни въ мой слухъ...

Я восхищаюсь! — Въ радости сердца
 Громко зываю, пою:
 „Древніе Барды духъ свой вліяли
 „Въ новаго Барда Невы!“

К ъ с о л о в ъ ю.

Пой во мракъ шихой роши,
Нѣжной, крошкой соловей!
Пой при свѣтѣ лунной ноши!
Гласъ швой милъ душѣ моей.

Но почшо жь рѣкой кашаяся
Слезы изъ моихъ очей,
Чувства ноюшѣ и шомаяся
Отъ гармоніи швоей?
Ахъ! я вспомнилъ незабвенныхъ,
Въ нѣдрахъ хладныхъ земли
Жищной смерщью заключенныхъ;
Ихъ могилы заросли
Всѣ высокою шравою.
Я ошался сирощою, ..
Я ошался вѣ горѣ жищъ,
Тосковашъ и слезы лишъ!...
Съ кѣмъ шеперь мнѣ наслаждащся
Нѣжной пѣсню швоей?
Съ кѣмъ Природой ушѣшашся?
Все печально безъ друзей!
Съ ними духъ нашъ умираешъ,
Радощъ жищни ошлешашъ;

Сердцу скучно одному —
Свѣшъ пусшыня, мракъ ему.

Скоро ль пѣсню свою,
О любезной соловей!
Надъ могилою моею
Будешь шы пѣняшь людей?

Ф и л л и д ъ.

Проснись, проснись, Филлида!
Взгляни на день прекрасной,
Въ которой ты родилась!
Смотри, какъ онъ гордится,
И яркими лучами
На зелени играетъ!
Смотри, какъ вся Природа
Ликуетъ, веселится!—
Взгляни же и на друга,
Которой для прелестной
Принесъ цвѣшовъ прелестныхъ,
И арфу златоспрунну,
Чшобъ радостную пѣсню
Сыграшь на ней Филлидъ,
Въ щастливой день рожденья
Красавицы любезной,
И въ нѣжной мелодіи
Излишь желанья дружбы.

Да будетъ годъ швой красной
Единымъ Майскимъ ушромъ,
Которое пишетъ
Ясины и лилеи,
И духъ ихъ ароматной
Въ Зефирахъ развѣваетъ!

Будь радостна, безпечна,
 Какъ радостенъ, безпеченъ.
 Пѣвецъ весны и утра,
 Віясь подъ облаками!
 Когда жь вздохнушь захочешь —
 Увы! гдѣ свѣтъ безъ тѣни? —
 Да будешь вздохъ швой крошокъ!
 И естли въ нѣжныхъ чувствахъ
 Слезу прольешь изъ сердца,
 Ближай она подобно
 Росѣ на юныхъ розахъ,
 Живящей цвѣтъ ихъ алый!

Въ чудесномъ же искусствѣ,
 Любовію найденномъ,
 Будь въ годъ сей Прометеемъ,
 Жизнь въ мертвое вливая!
 Пиши блестящій образъ
 Земнаго совершенства —
 Представь намъ Аполлона —
 И вдругъ, когда потужишь,
 Что юноша не дышетъ,
 Да оживишься образъ,
 И ставъ передъ шобою — —
 Филлида! я умолкну.

На разлуку съ П* *.

Наспалъ разлуки горькой часъ!..
Прости, мой другъ! Въ послѣдній
разъ
Тебя я къ сердцу прижимаю;
Хочу сказать: *не плачь!* и слезы про-
ливаю!
Но такъ назначено судьбой —
Прости, — и Ангелъ мира
Въ дыханіи Зефира
Да вѣшъ за шобой!

Уже я вижу предъ собой
Весь путь, на коемъ Знапность, Слава
Тебя съ дарами ждушъ. Души пвоей
и нрава
Ничто не премѣнишь; ты будешь
вѣчно ты —
Я въ томъ, мой другъ, увѣренъ.
Не ослабятъ тебя блестяція мечты;
Разсудку, совѣсти всегда пребудешь
вѣренъ —
И видя вокругъ себя пороки, подлость,
лесть,
Кошорыхъ цѣль есть суешная честь,

Ты вспомнишь все сіе, и слезы пока-
 шаясь
 По блѣдному лицу. Ахъ милой, нѣж-
 ной другъ!
 Сіи блаженны дни вѣкъ не возвра-
 шаясь! —
 Невольный шажкій вздохъ колеблеть
 грудь мою...
 Грядеть весна въ нашъ миръ, и холмы
 зеленѣють,
 И ушренный пѣвецъ (*) гласитъ намъ
 пѣснь свою —
 Увы! тебя здѣсь нѣтъ!.. цвѣты вездѣ
 пестрѣють,
 Но сердце у меня въ печали не цвѣ-
 шеть...
 Проси! благій Ощецъ и Геній швой
 съ побою.
 Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить
 съ собою,
 Тотъ радость и любовь во всѣхъ
 странахъ найдеть.

Проси! швой другъ умретъ тебя
 достойнымъ,
 Послушнымъ истинѣ, въ душѣ своей
 покойнымъ.
 Не скажешь вѣкъ объ немъ, чшобъ
 онъ чиновъ искалъ;

(*) Жаворокъ.

П р о с т и .

Кшо могъ любишь такъ спрaсно,
Какъ я любилъ шебя?
Но я вздыхалъ напрасно,
Томилъ, крушилъ себя!

Мучительно пльнишься,
Бышь спрaснымъ одному!
Насильно полюбишься
Не можно никому.

Не знашенъ я, не славенъ:
Могуль кого прельстишь?
Не веселъ, не забавенъ:
За что меня любишь?

Простое сердце, чувство,
Для свѣша ничего.
Тамъ надобно искусство —
А я не зналъ его!

(Искусство величаться,
Искусство ловкимъ бышь,
Умнѣ всѣхъ казаться,
Пряшно говоришь.)

Не зналъ — и ослѣпленный
 Любовію своею,
 Желалъ я дерзновенный
 И самъ любви швоей!

Я плакалъ, ты смѣялась,
 Шутила надо мной, —
 Моею забавлялась
 Сердечною шоской! —

Надежды лучъ блѣднѣетъ
 Теперь въ душѣ моей...
 Уже другой владѣетъ
 Навѣкъ рукой швоей!...

Будь щасплива — покойна,
 Сердечно весела,
 Судьбой всегда довольна,
 Супругу — ввѣкъ мила! —

Во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ
 Я буду жизнь вести,
 Лишь шоки слезъ горючихъ,
 Желашъ конца — проси!

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Б о н н е ш у (*).

Онъ былъ великъ душой своей,
И міру жизнию полезенъ;
Любилъ Природу и людей, —
Природѣ, людямъ былъ любезенъ;
Гремящимъ гласомъ прославлялъ
Величіе Творца вселенной,
И бѣдныхъ смертныхъ утѣшалъ
Надеждой вѣчности блаженной. —
Леманъ (**)! въ зеркалѣ водъ своихъ
Защмился зракъ Его священный;
Но умъ, но духъ Его неслѣбный
Живешь въ швореніяхъ своихъ.

(*) Которая излилась изъ души моей въ самой
шошѣ часъ, какъ и получилъ извѣстіе о
смерти сего незабвеннаго друга человѣче-
ства, сего великаго Философа, сего испи-
наго мудреца, любезнаго моему сердцу.

(**) Женевское озеро. — Боннешъ жилъ на бе-
регу его.

Л ю б е з н о й,

Въ день ея рожденія.

Въ сей день себя Любовь на свѣшъ
произвела,
Красою свѣша бышь, владѣшь людей
сердцами;
Осыпала себя пріяшностей цвѣтами;
Сказала: *будь мила!*...
„Будь щасшлива!“ сказала богиня не
могла.

Справность любви, или безсонница.

Кто для сердца всѣхъ спрашиваетъ?
Кто на свѣтѣ всѣхъ милѣе?
Знаю: милая моя!

„Кто же милая своя?“
Я спыжусь; мнѣ право больно
Справность чувствъ моихъ открыть
И предметомъ шутокъ быть.
Сердце въ выборѣ не вольно!..
Что скажешь? Она... она...
Ахъ! ни мало не важна,
И шансовъ за собою
Не имѣешь никакихъ;
Не блискаетъ острою,
И движеньемъ глазъ своихъ
Не умѣешь извѣсниться;
Не умѣешь восхищаться
Аполлоновымъ огнемъ;
Философовъ не читаешь,
И въ невѣжествѣ своемъ
Всю ученость презираешь.

Знайте также, что она
 Не Венера красошою —
 Такъ худа, блѣдна собою,
 Такъ ээирна и шомна,
 Что безъ жалоспи не можно
 Бросишь взора на нее.
 Спранно!.. я люблю ее!

„Что жь такое думашь должно?
 „Увѣрлюшъ спарики
 „(Въ эшомъ дѣлѣ знашоки),
 „Что любовь любовь раждаетъ, —
 „Сердце нравится любя:
 „Можешъ бышь она плѣняетъ
 „Жаромъ чувствѣ своихъ шебя;
 „Можешъ бышь она на свѣшъ
 „Не имѣешъ ничего
 „Для души своей въ предметъ,
 „Кромѣ сердца швоего?
 „Ахъ! любовь и спрасшь шакая
 „Есть небесная, свяшая!
 „Умъ блестящій, красоша
 „Передъ нею суеша.“

Нѣшъ! . . Къ чему шеперь скры-
 ваться?

Лучше искренно признашся
 Вамъ, любезные друзья,
 Что жешокая моя

Нѣжной, спрасшной не бывала,
 И съ любовью на меня
 Глазѣ своихѣ не успремляла.
 Нѣшѣ въ ея душѣ огня!
 Тщешно пламенемѣ пылаю —
 Въ миломѣ сердцѣ ледѣ, не кровь!
 Такѣ какѣ Эхо (*) изсыхаю —
 Нѣшѣ ошвѣща на любовь!

Очарованѣ я побою,
 Богѣ, играющій судьбою,
 Богѣ коварной — Купидонѣ!
 Ядовитую спрѣлою
 Ты лишилѣ меня покою.
 Какѣ ужасенѣ швой законѣ,
 Мудрыхѣ мудросши лишая,
 И ученый кабинетѣ
 Въ жалкой *Бедламѣ* (**) превращая,
 Гдѣ безуміе живешѣ!
 Щасливѣ, кто не знаешѣ спрасши!
 Щасливѣ хладной человекѣ,
 Не любившій весь свой вѣкѣ!..
 Я завидаю сей часши,

(*) Т. е. Нимфа, которая отѣ любви къ Нарциссу превратилась — въ ничто, и колпорой вздохи слышимѣ мы иногда въ лѣсахѣ и пустыняхѣ, и называемѣ — эхомѣ.

(**) Домѣ сумасшедшихѣ въ Лондонѣ.

И съ Титаніей люблю
Всімъ насмѣшникамъ въ забаву (*)!..
По Небесному успаву
Днемъ зѣваю, ночь не сплю.

(*) Любопытные могутъ прочитать претіе
дѣйствіе, вторую сцену Шекспировой
пѣсы: *Midsummer-night's dream.*

Весеннее чувство.

Пришла весна — цвѣтетъ земля;
Древа шумящѣ въ цвѣтахъ зеленыхъ,
Лучами солнца позлащенныхъ;
Красуются луга, поля;
Спада вокругъ холмовъ играющѣ;
На вѣтвяхъ ппички воспѣваютьъ
Пріятность теплыхъ, ясныхъ дней,
Блаженство участи своей!

И левъ, среди песковъ сыпучихъ,
Любовь и нѣжность ощутилъ;
И хищный шигръ въ лѣсахъ дрему-
чихъ

Союзъ съ Природой заключилъ.
Любовь! вездѣ швоя держава;
Вездѣ швоя сіяетъ слава;
Земля есть швой огромный храмъ.
Тебѣ куришся еиміамъ
Цвѣшовъ и древъ и шравъ душистыхъ,
На сушѣ, на водахъ сребристыхъ, —
Во всѣхъ подсолнечныхъ странахъ,
Во всѣхъ чувствительныхъ сердцахъ!

Но кто дерзаетъ миръ священный,
 Миръ кропкій, миръ блаженный,
 Своею злобой нарушашь?..
 Безсмертный человекъ!.. созданный
 Собой Нашуру украшашь!...
 Любимецъ Божества избранный!
 Вънецъ шворенія и цвѣшъ!

Когда Природа оживаетъ,
 Любовь сердца звѣрей пишаетъ,
 Онъ кровь себѣ подобныхъ льетъ (*):
 Безумства мракомъ ослѣпленный
 И адской желчью упоенный,
 Терзаетъ братій и друзей,
 Ко щастью вмѣстѣ съ нимъ рожден-
 ныхъ,
 Душею, чувствомъ одаренныхъ,
 Отца единого дѣшей!

(*) Начало военныхъ дѣйствій весною.

Надежда.

Il est doux quelquefois de rêver le bonheur.

Среди песковъ, степей ужасныхъ,
Гдѣ солнце пламенемъ горитъ,
Что душу странниковъ несчастныхъ
Оспрадой сладкою живишь?
Надежда — что пруды не вѣчны;
Что степь, пески не безконечны;
Что странникъ въ хижинѣ своей,
Въ прохладѣ нѣжнаго зефира,
Въ объятіяхъ любви и мира,
Жить будешь съ милою семьей.

Надежда! ты моя богиня!
Надежда, лучь души моей!
Мнѣ жизнь печаль, мнѣ свѣтъ пустыня:
Дышу оспрадою твоей!
Хотя помлюся и спрадаю,
Но ты во мнѣ... не умираю!
За тучей вижу я зарю,
И сердце бьется въ ожиданьи:
Живу въ любезнѣйшемъ желаньи —
Вдали возможность счастья зрю!

Еще мы можемъ, Ангелъ милой,
 Другъ друга радостно любишь!
 Въ душѣ моей, шеперь умылой,
 Твой образъ можешъ съ щастіемъ жить!
 Когда? когда? — увы! не знаю;
 Но вѣря чувству, сжидаю,
 Чшо намъ готовишся вѣнецъ;
 Чшо мы навѣкъ соединимся,
 И въ жизни раемъ насладимся:
 Уремъ въ сляніи сердецъ.

Ручей два древа раздѣляетъ,
 Но вѣшви ихъ сплешась распушъ;
 Судьба два сердца разлучаетъ,
 Но вмѣстѣ чувсва ихъ живушъ.
 Препяшствій спрашныхъ миліоны,
 Тиранство рока и законы
 Не могушъ спрашти прохладить:
 Она всего, всего сильнѣе;
 Всего, мой милой другъ, свяшѣе —
 Самъ Богъ велишъ намъ шакъ любишъ!

Онъ влилъ мнѣ въ грудь небесный
 пламень
 Любви, всесильныя любви.
 Могуль сказашъ: „будь, сердце, ка-
 мень, —
 „Угасни огнь въ моей крови?“

Могуль сказать *прости* надеждѣ ?
 Мы видимъ-любимъ, другъ мой, прежде,
 Чѣмъ знаемъ, должно ли любить ;
 Полюбимъ, и въ себѣ не властны ;
 Умолкнешь разумъ безприсрасный--
 Лишь сердце будешь говорить.

Когда жь, о милой другъ! намъ должно
 Въ семъ мірѣ только слезы лишь,
 Въ другомъ, въ другомъ еще возможно
 Нещаснымъ щасливыми быть !
 Клянуся... Небо будь свидѣтель !...
 Любишь свяшую добродѣтель,
 Чшобъ рай въ томъ мірѣ заслужишь,
 Гдѣ все прошедшее забудемъ,
 Гдѣ только милыхъ помнишь будемъ ;
 А рай мой... шамъ съ шобою живъ !

На смерть Князя Г. А. Хованскаго
Декабря 1, 1796.

Друзья! Хованскаго не спало!
Увы! намъ въ гробъ всѣмъ лежать;
На всѣхъ грозится смерти жало:
Лишь шронешъ, должно умирашь!

Иной сидѣлъ въ златой коронѣ,
Какъ Богъ величїемъ сіялъ:
Взгляни... вѣнецъ лежитъ на шронѣ,
Но вѣнценосецъ прахомъ спалъ.

Гроза земли, людей губишель,
Какъ Зевсъ яряся въ бурной мглѣ,
Взывалъ, „я міра побѣдишель!“
Но пуля въ лобъ, Герой въ землѣ.

Нарцисъ гордился красошою,
И жизнь любовью украшалъ;
Но вдругъ скелешъ махнулъ косою...
Проси любовь! Нарцисъ увялъ.

Другой сидѣлъ надъ сундуками,
Ошъ вора золошо сщерегъ;

Но, ахъ! за крѣпкими замками
Себя ошъ смерши не сберегъ!

Она и вѣ пору и не вѣ пору
Велишъ намъ домъ перемѣнять;
Младенцевъ, старцевъ безъ разбору
Спѣшишъ за гробъ переселяшь.

Блаженъ, кто жизнь свою кончая,
Еще надеждою живешъ,
И мѣръ покойно оставляя,
Безъ страха вѣ шемный пушь идешъ!

Друзья! шакъ умеръ нашъ прѣшель.
Онъ вѣрилъ, что ешъ Богъ сердецъ;
Онъ вѣрилъ, что мѣровъ Создатель
И здѣсь и шамъ для насъ Отецъ.

Чего же подъ Его покровомъ
Бояшья добрымъ вѣ смершый часъ?
И шамъ, и шамъ, вѣ жилищѣ новомъ
Найдушья радости для насъ. —

Ничѣмъ Хованскій не былъ славенъ;
Онъ былъ... лишь доброй человекъ,
Вѣ бесѣдахъ дружескихъ забавенъ,
И прожилъ безъ злодѣевъ вѣкъ.

Писалъ стихи, но не пасквили;
Писалъ, но зависши не зналъ;

Его немногіе хвалили:
Онъ всѣхъ охотно прославлялъ.

Богатства Крезовъ не имѣя,
Онъ добрымъ сердцемъ былъ богатъ;
Чѣмъ могъ, дѣлился не жалѣя;
Опдашь послѣднее былъ радъ.

Друзья! пойдѣмъ съ душой унылой
Ему печальный долгъ воздашь:
Поплакашь надъ его могилой.
Намъ шакже будѣшь умирашь!

Къ бѣдному Поэту.

Престань, мой другъ, Поэтъ унылый!
Ропшашъ на скудный жребій свой,
И знай, что бѣдность и покой
Еще бышь могушъ сердцу милы.
Форшуна-мачиха шебя,
За что-то очень не взлюбя,
Пустшой сумою наградила
И въ мірѣ съ клюкою оппустила;
Но истинно-родная мать,
Природа, любишъ награждашъ
Нещасныхъ пасынковъ Форшуны:
Даетъ имъ умъ, сердечный жаръ,
Искусство пѣшь, чудесный даръ
Вливашъ огонь въ злая спруны,
Сердца гармоніей плѣняшъ.
Ты сей безцѣнный даръ имѣешь;
Спихами чистыми умѣешь
Любовь и дружбу прославляшъ;
Какъ пшичка въ бѣломъ свѣшъ воленъ,
Не знаешь клѣпки, ни оковъ —
Чего же больше? будь доволенъ;
Вдыхашъ, ропшашъ, ешь спросашъ
глупцовъ.

Взгляни на солнце, сводъ небесный,
 На свѣжій лугъ, для глазъ прелестный;
 Смотри на быструю рѣку,
 Лещащую съ сребристой пѣной
 По свѣшло-желтому песку;
 Смотри на лѣсъ гусшой, зеленой,
 И слушай пѣсни соловья:
 Поэтъ! Нашура вся швоа.
 Въ ея любезномъ сердцу лонѣ
 Ты царь на велелѣпномъ пронѣ.
 Оставь другимъ носить вѣнецъ:
 Гордися, нѣжныхъ чувствъ пѣвецъ,
 Вѣнкомъ, изъ нѣжныхъ розъ сплешен-
 нымъ,
 Тобой отъ Грацій полученнымъ!
 Тебѣ никто не хочетъ льститьъ:
 Чшо нужды? кто въ душѣ спокоинъ,
 Кто истинной хвалы достоинъ,
 Тому не скучно вѣкъ прожить
 Безъ шума, безъ льстецовъ ковар-
 ныхъ.
 Не можешь ты чиновъ давать,
 Но можешь зернами питатьъ
 Семейство пшичекъ благодарныхъ;
 Онѣ хвалу тебѣ споютъ
 Гораздо лучше стиходѣвъ,
 Тирановъ слуха, лже-Орфеевъ,
 Которыхъ Музы въ одахъ лгутъ
 Нескладно-пышными словами.

Мой другъ! существенность бѣдна:
 Играй въ душѣ своей мечшами,
 Иначе будетъ жизнь скучна.
 Не Крезъ съ мѣшками, сундуками
 Здѣсь можешь веселѣе жить,
 Но пошъ, кто въ бѣдности умѣешь
 Себя богатствомъ веселишь;
 Кто даръ воображаетъ имѣешь
 Въ карманѣ тысячу рублей,
 Копѣйки въ домѣ не имѣя.
 Поэтъ есть хитрый чародѣй:
 Его живая мысль какъ Фея
 Творишь красавицъ изъ цвѣтка;
 На соснѣ розы производишь,
 Въ крапивѣ нѣжный миртъ находишь
 И строишь замки изъ песка.
 Лукуллы въ нѣгѣ ушонченной
 Напрасно вкусъ свой пришупленной
 Хомятъ чѣмъ новымъ усладишь.
 Сашрапъ съ Лаисою зѣваетъ;
 Плашокъ ей бросивъ, засыпаетъ.
 Ихъ жребій: дни считаешь, не живешь;
 Душа ихъ въ роскоши исшлабла,
 Подобно камню онѣмбла
 Для чувства радостей земныхъ.
 Избытокъ благъ и наслажденья
 Есть хладный гробъ воображенья.
 Въ мечтахъ, въ желаніяхъ своихъ
 Мы шолько щасливы бываемъ;

Надежда золото для насъ,
 Призракъ любезнѣйшій для глазъ,
 Въ кошоромъ щасшье лобызаемъ.

Не сышому хвалишь обѣдъ,
 За коимъ Нимфы, Ганимедъ
 Гослямъ амврозію разносятъ,
 И не въ объятіяхъ Лизетъ
 Пѣвцы красавицъ превозносятъ;
 Все лучше кажется вдали.
 Сухими фигами пишась,
 Но въ мысляхъ царски наслаждаюсь
 Дарами моря и земли,
 Зови къ себѣ въ стихахъ игривыхъ
 Друзей любезныхъ и щасшливыхъ
 На сладкой и роскошной пирѣ;
 Сбери красотойъ несравненныхъ,
 Веселымъ чувствомъ оживленныхъ;
 Вели имъ съ нѣжнымъ звукомъ лирѣ
 Пѣшь въ громкомъ и пріятномъ хорѣ,
 Лешать подобно Терпсихорѣ
 При плескѣ радостныхъ гостей,
 И милой ласкою своей,
 Умильнымъ, сладоспращнымъ взоромъ,
 Нѣмымъ, но внятнымъ разговоромъ,
 Сердца къ шому пригошляшь,
 Чего... въ стихахъ не лзя сказашь.
 Или, подобно Донъ-Кишоту,
 Имѣя къ рыцаршву охоту,

Въ шпашакъ и панцырь нарядись,
 На борзаго коня садись,
 Ищи опасныхъ приключеній,
 Волшебныхъ замковъ и сраженій,
 Чшобъ добрымъ Принцамъ помогашь,
 Принцессъ отъ узъ освобождашь.
 Или, Плашоновъ воскрешая,
 И съ ними умъ свой изощряя,
 Законъ Республикамъ давай,
 И землю въ небо превращая.
 Или... но какъ все шо исчислишь,
 Чшо можешъ стихотворецъ мыслишь.
 Въ укромной жиженкѣ своей?

Мудрецъ, кошорой зналъ людей,
 Сказалъ, что мiръ споишь обманомъ;
 Мы всѣ, мой другъ, лжецы:
 Простые люди, мудрецы;
 Непроницаемымъ шуманомъ
 Покрыша истина для насъ.
 Кшо можешъ вымышлять прiятно,
 Стихами, прозой — въ доброй часъ!
 Лишь шолькобъ было вѣроятно.
 Чшо есть Поэшь? искусной лжець:
 Ему и слава и вѣнецъ!

О ш с ш а в к а.

Amour, né d'un soupir, est comme lui léger.

И шакъ вѣ ошсшавку шы уволенъ!...
Чшо дѣлашь, нѣжной паспушокъ?
Взяшь вѣ руки шляпу, посошокъ;
Скажашъ: *спасибо*; я доволенъ!
Ишши, и слезки не пролишь.

Иду, желая милой Хлоѣ
Пріятно съ новымъ другомъ жить.
Свобода дѣло золотое,
Свобода вѣ мысляхъ и вѣ любви.
Минуша чувства воспаляетъ,
Минуша гаситъ огонь вѣ крови.
Сердца любовниковъ смыкаетъ
Не цѣпъ, но шонкой волосокъ;
Дохнешъ ли рѣзвой вѣшерокъ,
Порхнешъ ли бабочка межъ ими...
Всему конецъ, и связи нѣтъ!
Начшо упреками пусшыми
Терзашъ другъ друга? бѣлой свѣтъ
Своимъ порядкомъ вѣвкъ идешъ.
Всѣ любяшъ, Хлоя, разлюбляюшъ;
Клянущя, кляшву прешунаюшъ:

Гдѣ судѣ на вѣщреность сердецѣ?
 Чшо нынѣ взору, чувстввамѣ мило,
 То завтра будешѣ имѣ поштыло.
 Теперѣ вамѣ нравишся мудрецѣ,
 Чрезѣ часѣ понравишся глупецѣ,
 И часто бога Аполлона
 (Чему свидѣшель древній мірѣ)
 Смѣняль вѣ любви лѣсной Саширѣ.
 Подѣ скипшромѣ душегубца Крона (*)
 Какому посшояншву бышь?
 Гдѣ время царѣ, тамѣ все конечно;
 И развѣ вѣ вѣчности вамѣ вѣчно
 Придешся одного любишь!

И такѣ смотри вѣ глаза мнѣ смѣло;
 Я право, Хлоя, не сердишь.
 Шумѣшь мужей несносныхѣ дѣло;
 Любовникѣ видишь, и молчишь.
 Укажущѣ дверь—и онѣ сѣ поклономѣ
 Ее зашворишь за собой;
 Не ссорясь сѣ новымѣ Селадомѣ,
 Пойдешѣ... стихи пишашѣ домой.

Я жилѣ вѣ Аркадіи сѣ шобою
 Не часѣ, но цѣлыхѣ сорокѣ дней!
 Довольно — лучшій соловей
 Поешѣ не долѣ весною...

(*) Сатурна.

Я шакже, Хлоя, пѣлъ шебя!..
 И ты съ восторгомъ мнѣ внимала;
 Рукою... на песокъ писала:
Люблю — люблю — умру любя!

Но *старой* другъ швой не забудешъ,
 Чшо кшо о *старомъ* помнишь будешъ,
 Лишишся глаза какъ Циклопъ (*):
 Пусть, Хлоя, мой обширной лобъ
 Подъ часъ украсишся рогами;
 Лишь шолько былъ бы я съ глазами!

(*) Руская пословица: „кто шарое помянешъ,
 шому глазъ вонъ.“

Посланіе къ Александру Алексѣ-
евичу Плещееву.

Мой другъ! вступаая въ шумный свѣтъ
Съ любезной, искренней душою,
Въ весеннемъ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Ты хочешь съ Музою моею
Въ свободный часъ поговорить
О томъ, чего всѣ ищутъ въ свѣтѣ;
Что вѣчно у людей въ предметѣ;
О чемъ позволено судить
Ученымъ, мудрымъ и невѣждѣ, —
Богатымъ въ золотой одеждѣ
И бѣднымъ въ рубищѣ худомъ, —
На пронахъ, славой окруженныхъ,
И въ сельскихъ хижинахъ смирен-
ныхъ; —
Что въ каждомъ климатѣ земномъ
Надежду смертныхъ составляетъ,
Сердца всечасно обольщаетъ,
Но, ахъ!... не зримо ни въ одномъ!

О щастьи слово. Удалимся
Подъ вѣшви сихъ зеленыхъ ивъ;

Прохладой чувства освѣживъ,
Мы шамъ бесѣдой насладимся
Въ любезной Музамъ пишинѣ (*).

Мой другъ! повѣришь ли ты мнѣ,
Чтобъ *десять тысячъ* было мнѣнй,
Ученыхъ философскихъ прѣнй,
Въ архивахъ древности сѣдой (**)
О средствахъ жишь щасливо въ
свѣшѣ,
О средствахъ обрѣсти покой?
Но почно шакъ, мой другъ; въ семъ
счешѣ

Ошибки нѣшѣ. Фалесъ, Хилонъ,
Пишшакъ, Эпименидъ, Кришонъ —
Біоны, Симми, Спильпоны,
Эскины, Эмми, Зеноны,
Въ Лицеѣ, въ храмахъ и садахъ,
На бочкахъ, шемныхъ чердакахъ,
О благѣ вышнемъ говорили
И смертныхъ къ щасію манили
Своею... нищенской клюкой,
Клянясь священной бородой,

(*) Сіи стихи писаны въ самомъ дѣлѣ подъ
пѣнію ивъ.

(**) Десять тысячъ!! Читайшель можешъ со-
мнѣваться въ вѣрности счеша; но одинъ
изъ древнихъ же Авторовъ пишешѣ, что
ихъ было почно *десять тысячъ*.

Что плодъ земнаго совершенства
 Въ саду ихъ мудрости растеть;
 Что въ немъ неслѣнный цвѣтъъ бла-
 женства

Какъ роза пышная цвѣтетъ.
 Слова казались прекрасны,
 Но только были несогласны.
 Одинъ кричалъ: *стулай туда!*
 Другой: *нѣтъ, нѣтъ, лоди сюда!*
 Чшожь Греки дѣлали? Смѣялись;
 Ученой распрей забавлялись,
 А щасье... называли сномъ!

И въ наши времена о помѣ
 Бываетъ много шуму, спору.
 Не мало новыхъ гордецовъ,
 Кошорымъ часто безъ разбору
 Даютъ названье мудрецовъ;
 Они намъ также обѣщаютъ
 Открышь прямой ко щасью слѣдъ;
 Въ глаза же щасія не знаютъ;
 Живутъ, какъ всѣ, подъ игомъ бѣдъ;
 Живутъ, и горькими слезами
 Судьбѣ шихонько плашатъ сами
 За право умниками слышь,
 О щасьи въ книгахъ говоришь!

Преспанемъ льспить себя мечшою,
 Искать блаженства подъ луною!

Скорбе, другъ мой, ты найдешь
 Чудесный Философскій камень,
 Чѣмъ вѣкъ безъ горя проживешь.
 Япетовъ сынъ эфирный пламень
 Похишилъ для людей съ небесъ,
 Но счастья къ нимъ онъ не принесъ;
 Оно въ удѣлъ намъ не досталось,
 И шамъ, съ Юпитеромъ, оспалось.
 Вздыхай, шужи; но пользы нѣтъ!
 Судьбы рекли: *да будетъ свѣтъ*
Жилищемъ призраковъ, суетъ,
Немногихъ благъ и многихъ бѣдъ!
 Рекли — и Суешы спустились
 На землю шумною толпой:
 Герои въ лашы нарядились,
 Пѣняся Славы красошой;
 Мечемъ махну́ли, полешѣли
 Въ забаву умерщвляшь людей;
 Одни престоловъ захотѣли,
 Другіе самыхъ олшарей;
 Одни шумящими рулями
 Разсѣкли пѣну дальнихъ водъ;
 Другіе мощными руками
 Ошверзли въ землю шемный ходъ,
 Чшобъ взять пригоршни свѣсплой пы-
 ли! . . .

Мечшы всѣмъ головы вскружили,
 А горешъ врѣзалась въ сердца.
 Народовъ сильныхъ побѣдидель

И странѣ безчисленныхъ властителей
 Подъ блескомъ свѣтлаго вѣнца
 Въ душевномъ мракѣ унываетъ,
 И часно самъ того не знаешь,
 На что величія желалъ
 И кровью лавры омочалъ!
 Смѣльчакъ, Америку открывшій,
 Пути къ счастью не открылъ;
 Индѣйцовъ въ цѣпи заключившій
 Цѣпями самъ окованъ былъ,
 Провелъ и кончилъ жизнь въ спра-
 даньб —

А сей вздыхающій скелетъ,
 Кошорой богомъ чшишь спяжанье,
 Среди богашствъ въ шокѣ живетъ!..
 Но кто, мой другъ, въ морской пу-
 чинѣ

Глазами волны перечтешъ?
 И кто представитъ намъ въ картинѣ
 Ничтожность всѣхъ земныхъ суетъ?

Чшожь дѣлать намъ? Ужель со-
 крышься

Въ пустыню Муромскихъ лѣсовъ,
 Въ какойнибудь безвѣстный кровъ,
 И съ міромъ навсегда простишься,
 Когда, къ несчастью, міръ шаковъ?
 Увы! Анахоретъ не будешь
 Въ пустынѣ щастливѣ насъ!

Хошя земное и забудешъ;
 Хошя умолкнетъ спрасши гласъ
 Въ его душѣ уединенной,
 Безмолвнымъ мракомъ огражденной:
 Но сердце спанешъ унывашъ,
 Въ груди холодной посковашъ,
 Не зная, чѣмъ ему заняшся.
 Тогда пустынноику являшся
 Химеры, адскія мечшы,
 Плоды душевной пустошы!
 Чудовищъ грозныхъ миллионы,
 Змѣи лешучія, драконы,
 Надъ нимъ крылами зашумяшъ,
 И спрахомъ умъ его зашмяшъ (*). . .
 Въ поскѣ онъ жизнь свою скончаешъ!

Каковъ ни ешъ подлунный свѣшъ;
 Хошя блаженства въ ономъ нѣшъ;
 Хошя въ немъ горешъ обиаешъ:
 Но мы для свѣша рождены,
 Душей, умомъ одарены,
 И должны въ немъ, мой другъ,
 оспашся.
 Чѣмъ можно, будемъ наслаждашся,
 Какъ можно менѣе шужить,
 Какъ можно лучше, пише жить,

(*) Многіе пустынноики, какъ извѣсно, сходили съ ума въ уединеніи.

Безъ всякихъ суешныхъ желаній,
 Пустыхъ, блестящихъ ожиданій;
 Но что пріятное найдемъ,
 То съ радостью себѣ возьмемъ.
 Въ лѣсахъ унылыхъ и дремучихъ
 Бываетъ краше анемонъ,
 Когда украдкой выдешъ онъ
 Одинъ среди песковъ сыпучихъ;
 Во пѣмъ гусшой, въ печальной мглѣ
 Сверкнешъ лучъ солнца веселѣ:—
 Добра не много на землѣ,
 Но есть оно — и пѣмъ милѣ
 Ему бышь должно для сердець.
 Кшо малымъ можешъ бышь доволенъ,
 Не скованъ въ чувствахъ, духомъ во-
 ленъ,
 Не есть чиновъ, богащства льстець;
 Душею такъ же прямъ, какъ спаномъ;
 Не ищешъ благъ за океаномъ
 И съ моря кораблей не ждешъ,
 Шумящихъ вѣтровъ не робѣшъ,
 Подъ солнцемъ домикъ свой имѣшъ,
 Въ сей день для для сего живешъ
 И мысли вдаль не просиращъ;
 Кшо смотришъ прямо всѣмъ въ глаза;
 Кому несчастнаго слеза
 Оправы въ пищу не вливашъ;
 Кому работа не шрудна,
 Прогулка въ полѣ не скучна

Опѣвѣмъ моему пріятелю, ко-
рой хотѣлъ, чпобы я написалъ
похвальную оду Великой ЕКА-
ТЕРИНѢ.

Мнѣ ли славить пихой лирой
Ту, Кошорая порфирой
Скоро весь обнимешъ свѣшъ?
Лишь безумецъ зажигаешъ
Свѣчку шамъ, гдѣ Фебъ сіяешъ.
Бѣдной чижикъ не дерзнешъ
Пѣшь гремящей Зевса славы;
Онѣ любовь одну поешъ;
Съ нею въ роицѣ живешъ.

Блескъ Россійскія державы
Очи брѣнные слѣпимъ:
Тамъ на первомъ въ свѣшѣ шронѣ,
Въ лучезарнѣйшей коронѣ
Мать ошечешва сидишъ,
Правишъ царствѣ земныхъ судьбами,
Правишъ міромъ и сердцами,
Скиншромъ щастіе даришъ,
Взоромъ бури укрощашъ,
Словомъ милость изливашъ
И улыбкой все живишъ.

Чшо Богинѣ наши оды?
Чшо Великой пѣснь моя?
Ей пѣвцы — Ея народы,
Похвала—дѣла Ея;
Имѣ дивяся, умолкаю
И хвалишь позабываю.

КЪ ней.

Тебѣ ли думаешь, другъ безцѣнный,
Что ешь измѣнники въ любви?
Огонь, шобою воспаленный,
Погаснешь ли когда въ крови?
Погаснешь съ жизнію, не прежде!

И мнѣль непостояннымъ быть?
Мнѣ ль бабочкой порхашь, въ надеждѣ
Другую болѣ любишь?
Я всѣхъ невѣрныхъ презираю,
И съ ними нашъ холодной вѣкъ.
Какъ можешъ въ жизни человѣкъ
Два раза быть влюбленъ, не знаю.
Не спанешъ сердца, милой другъ,
И сила въ чувствахъ ослабѣшъ.
Однажды роза въ годъ алѣешъ,
Однажды красится ей лугъ;
Однажды любимъ всей душою—
Чтобъ щастье райское вкусить,
Или глаза навѣкъ закрытьъ
Со вздохомъ горести, съ шоскою!

Д в ѣ п ѣ с н и.

І.

Мы желали — и свершилось!...

Лиза! Небо любитъ насъ.

Постоянство наградило съ:

Ты моя! — Блаженный часъ!

Бышь щасливѣйшимъ супругомъ,

Бышь любимымъ и любишь,

Бышь любовникомъ и другомъ....

Ахъ! я радъ на свѣшъ жишь!

Радъ шерпѣшь, чего не можно

Въ здѣшней жизни избѣжаешь;

Радъ и плакаешь, ешьли должно

Смершнымъ слезы проливаешь.

Нѣжность горе услаждаешь,

Дружба милою рукой

Слезъ пошоки опираешь

И вселяешь въ грудь покой.

Будь единственнымъ предметомъ

Страсти сердца моего!

Я навѣкъ просилюсь съ свѣшомъ;

Мнѣ наскучилъ шумъ его.

Пусть Прелесты шамъ сiяютьъ
 Блескомъ хитроспей своихъ ;
 Пусть онѣ другихъ прельщаютьъ ;
 Пусть другіе любящъ ихъ !

Было время заблужденій ;
 Я какъ бабочка лешалъ
 Вкругъ блестящихъ привидѣній —
 Сердца въ мраморѣ искалъ !

Сонъ исчезъ — и я увидѣлъ,
 Что игрушкой хитрыхъ былъ ;
 Всѣхъ Прелестъ возненавидѣлъ,
 И невинность полюбилъ.

Ты одна любви достойна ;
 Я нашелъ, чего искалъ,
 И душа моя спокойна.
 Все сбылось, чего желалъ !

Свѣтъ забудешъ насъ съ побою:
 Что намъ нужды, Лиза, въ немъ?
 Мы съ любовію одною
 Вѣкъ безъ скуки проживемъ.

II.

Доволенъ я судьбою,
И милою богашъ.
О Лиза! кто съ тобою
И бѣдности не радъ?

Съ тобою жизни бремя
Меня не шягошишь;
Съ тобою, другъ мой, время
Какъ молнія лешишь.

Не зная, что есть слава,
Я славлю жребій свой.
Труды съ шобой забава;
Въ швоихъ глазахъ покой.

Ты взглянешь — забываю
Суровость мрачныхъ дней;
Въ болѣзняхъ оживаю
Улыбкою швоей.

Когда ты скажешь: *милый!*
Проходишь грусть моя, —
Свѣплбешъ взоръ унылой, —
Спокоенъ, веселъ я!

Тотъ бѣденъ, кто въ семъ мѣрѣ
Живетъ лишь для себя.
Я былъ бы и въ порфирѣ
Нещасливъ безъ шебя.

Но естли рокъ ужасной
 Насъ, Лиза, разлучишь?
 Чшо буду я несчастной?...
 Сырой землей покрывъ!

Двѣ горлицы покажущъ
 Тебѣ мой хладный прахъ;
 Воркуя шомно, скажущъ:
 Онъ умеръ во слезахъ!

Приписаніе къ Гжѣ. N, копорая
 желала, чшобъ я списалъ для
 нее сіи двѣ пѣсни.

Невольникъ въ шягостныхъ цѣпяхъ
 О волѣ милой помышляешъ,
 Спарикъ о юныхъ, красныхъ дняхъ;
 Томимый жаждой, воспоминаешъ
 О свѣшлыхъ, ясныхъ ручейкахъ.
 А я чѣмъ сердце занимаю?
 О щасливой любви мечтаю!

Соловей, Галки и Вороны.

Б а с н я.

Прошедшею весною,
Вечернею зарёю
Въ лѣсочкѣ семѣ пѣвалъ любезный со-
ловей.
Пришла опять весна: гдѣ другѣ души
моей?
Ахъ, нѣшъ его! За чѣмъ онѣ
скрылся? —
За чѣмъ? Въ лѣсочкѣ поселился
Хоръ галокъ и воронѣ. Онѣ и день и
ночь
Кричашъ, усшалости не знаюшъ,
И слухъ людей (увы!) безжалостно
шерзаюшъ!
Чшожъ дѣлашь соловью? — Лешъшь по-
далъ прочъ!
Жестокіе врали и прозой и стихами!
Какому соловью пѣшь можно вмѣстѣ
сѣ вами?

Прощаніе.

Ударилъ часъ — друзья простите!
Иду — куда, вы знаете, ходите?
Въ страну покойниковъ — за чѣмъ? —
Спросишь *тамъ*, для чего мы *здѣсь*,
друзья, живемъ!

Къ самому себѣ.

Проси, надежда!.. и навѣкъ!..
Исчезло все, что сердцу льстило,
Душѣ моей казалось мило;
Исчезло! Слабой человѣкъ!
Что хочешь дѣлать? обливаешься
Рѣкою горькихъ, щещныхъ слезъ?
Спенась во прахъ и шерзашься?..
Что пользы? Рока и Небесъ
Не пронешь ты своей поскою,
И будешь жалокъ лишь себѣ!
Нѣшъ, лучше докажи судьбѣ,
Что можешь быть великъ душою,
Спокоенъ, вопреки всему.
Чего робѣшь? ты самъ съ собою!
Прибѣгни къ сердцу своему:
Оно швой другъ, швоя опрада,
За всѣ нещасія награда —
Еще ты вѣ свѣшъ не одинъ! —
Еще ты міра гражданинъ!..
Смотри, какъ солнце надъ шобою
Сіаетъ славой, красошою;
Какъ ясенъ, чистъ небесный сводъ;
Какъ мирно, шихо все вѣ Природѣ!
Зефиръ шруишъ зеркало водъ,

И ппички вѣ радосной свободѣ
 Поюшѣ: *будь весель, улыбнись!*
 Поюшѣ согласнымѣ, нѣжнымѣ хоромѣ.
 А ты споишь сѣ унылымѣ взоромѣ,
 Сѣ душею мрачной?.. Ободришь,
 И вспомни, что бывалѣ ты прежде,
 Какѣ мудрымѣ вѣ чувствахѣ подра-
 жалѣ,

Сокраща сердцемѣ обожалѣ,
 Сѣ Капономѣ смерть любилѣ, вѣ на-
 деждѣ

Носишь безсмертія вѣнецѣ.
 Житейскихѣ радостей конецѣ
 Да будешѣ для себя началомѣ
 Геройской швердоспи вѣ душѣ!
 Язвимый люшыхѣ бѣдствій жаломѣ,
 Забвенный вѣ шемномѣ шалашѣ
 Всѣмѣ свѣшомѣ, ложными друзьями,
 Умѣй спокойными очами
 На мѣрѣ обманчивый взирашѣ,
 Нещастье сѣ щастьемѣ презирашѣ!

Я столько лѣшѣ мечшой пѣнялся,
 Хотѣлѣ блаженства, восхищался!..
 Вѣ минушу все покрылось шьмой,
 И я ошался лишь сѣ шоской!

Такѣ нѣкій зодчій, созидая
 Огромный, велелѣпный храмѣ
 На диво будущимѣ вѣкамѣ,
 Гордился духомѣ, помышляя

О славѣ дѣла своего;
Но вдругъ огромный храмъ прясется,
Падешъ.... упалъ.... и нѣтъ его!...
Что жъ бѣдный зодчій? онъ клянется
Не спроишь впредь, безопасно жишь — —
А я клянуся... не любишь!

П ъ с н я.

Нѣшѣ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстивъ,
И васѣ, красавицы, забуду.
Нѣшѣ, нѣшѣ! чшо прибыли любивъ?

Любилъ я рѣзвую Плѣниру,
Любилъ веселую Темиру,
Любилъ и сердцемъ и душой.
Онѣ шутили, улыбались,
Моею спрасъю забавлялись;
А я — я слезы лилъ рѣкой!

Нѣшѣ, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстивъ,
И васѣ, красавицы, забуду.
Нѣшѣ, нѣшѣ! чшо прибыли любивъ?

Мнѣ горы золоша сулили;
Надѣйся! взоромъ говорили.
Пришло къ развязкѣ наконецъ....
И чшожь? мнѣ двери указали!
Учись знать шутку, другѣ! сказали —
Онѣ смѣются!... я глупецъ!

Нѣшѣ полно, полно! впредь не буду
 Себя пустой надеждой льспишь,
 И васѣ, красавицы, забуду.
 Нѣшѣ, нѣшѣ! что прибыли любить?

Томѣ ввѣкѣ несчастливѣ будешѣ съ
 вами,

Кто любить прямо, не словами.
 Вамѣ мило головы кружишь,
 Играшь невинными сердцами,
 Даришь насѣ рабствомѣ и цѣпями,
 И шолько для щеславья жишь.

Нѣшѣ, полно, полно! впредь не буду
 Себя пустой надеждой льспишь,
 И васѣ, красавицы, забуду.
 Нѣшѣ, нѣшѣ! что прибыли любить?

Ахѣ! лучше по лѣсамѣ скипаться,
 Съ Лапландцами вѣ снѣгу валяться
 И плавать вѣ лодкѣ по морямѣ,
 Чѣмѣ бышь плаксивымѣ Селадомѣ,
 Твердишь *узы* печальнымѣ шономѣ,
 И ввѣкѣ служишь пошѣхой вамѣ!

Нѣшѣ, полно, полно! впредь не буду
 Себя пустой надеждой льспишь,
 И васѣ, красавицы, забуду.
 Нѣшѣ, нѣшѣ! что прибыли любить?

В р е м я .

Всѣ вещи разрушаетъ время,
И мрачной скукой насъ помитъ;
Оно какъ тягостное бремя
У смертныхъ на плечахъ лежитъ.
Намъ, право, согласишься должно
Ему такимъ же зломъ плашитъ,
И дѣлать все, чѣмъ только можно
Его скорѣе погубитъ.

Х л о я.

Пусть свѣтъ злословный утвер-
ждаетъ,
Что въ Хлоѣ постоянства нѣтъ;
Что Хлоя всякой день мѣняетъ
Любви своей предметъ!
Не правда: Хлоя обожаетъ
Всегда одинъ предметъ;
Его всему предпочитаетъ —
„Кого же? вѣрно не себя?“
Ахъ, нѣтъ!.. себя!

Л и л е я.

Я вижу шамъ лилею:
Ахъ! какъ она бѣла,
Прекрасна и мила!
Душа моя плѣнилась ею.
Хочу ее сорвать,
Держашь въ рукахъ и цѣловашь;—
Хочу—но рокъ меня съ лилеей раз-
лучаетъ:
Ахъ! бѣдна между насъ зияетъ!..
Тоска шерзаетъ грудь мою;
Спою печально, слезы лью.

Взираю издали на нѣжную лилею—
Она сотворена бышь, кажешся, моею,
И шихой вѣщерокъ
Ко мнѣ склоняетъ шебелѣкъ
Ея зеленой, изумрудной;
Ко мнѣ же обращенъ и бѣленькой цвѣ-
шокъ;
Головка снѣжная, ко мнѣ... но рокъ
(Жестокой, безразсудной!)
Сказалъ: *она не для тебя!*
Увянетъ не съ твоей слезою;
I. 10

*Другой сорветъ ее холодною рукою
А ты . . . смотри, терзай себя!*

О Лиза! я съ шобою
Душей дѣлился сошворенъ,
Но бездной разлученъ!

Гекторъ и Андромаха.

Переводъ изъ шестой книги Иліады.

(Во время сраженія Троянъ съ Греками, Гекторъ у ворошъ городскихъ прощается съ Андромахою; подлѣ нее стоишъ кормилица, держа на рукахъ маленькаго сына ихъ. Сія сцена изображена на многихъ картинахъ и эшампахъ.)

Безмолвсшвуя, Герой на милую взираетъ,
И къ сердцу нѣжному супругу прижимаетъ;
Тоска въ ея душѣ, уныніе и страхъ.
„О Гекторъ!“ — говоришъ печальная
въ слезахъ—
„Ты хочешь умереть! оставишь
сирошою
„Младенца бѣднаго, меня навѣкъ вдовою!
„Ахъ! можно ль жить пому, кпо жизни не щадишъ?
„Геройство, храбрый духъ себя не защишишъ.

- „Враги безчисленны: себѣ погибнуть
должно!...
„О боги! есѣли вамѣ спаси его
не можно,
„Пусть прежде я навѣкъ сомкну гла-
за свои!
„Въ печали, въ горести возникли дни
мои:
„Въ печали, въ горести имѣ должно
и скончаться!
„Почто мнѣ въ свѣтѣ жишь? кѣмъ
буду ушѣшаться?
„Всѣ ближніе мои въ сырой землѣ
лежатъ.
„Озлобленный Ахиллѣ разрушилъ сла-
вный градъ,
„Гдѣ царствовалъ нашъ родъ; убій-
ственной рукою
„Лишивъ меня отца, Ахиллѣ почтилъ
слезою
„Его пусынный гробъ, надъ коимъ
царскій щипъ,
„Блестящее копье и шлемъ съ мечемъ
висишь;
„Гдѣ шлѣешь прахъ его подъ пѣню
древъ священныхъ,
„Руками Ореадъ въ семъ мѣстѣ на-
сажденныхъ

- „И брація мои въ невинности своей
 „Погибли на зарѣ цвѣшущихъ, юныхъ
 дней.
 „Зеленые луга ихъ кровью обагрились,
 „Гдѣ съ агнцами они играя весе-
 лились.
 „Смерть въ младости страшна! Оста-
 лась мать моя;
 „Но спрогий, шяжкій плѣнъ былъ
 жребіемъ ея;
 „Когда же наконецъ въ опчизну воз-
 вратилась,
 „Опѣ горести и слезъ въ мѣрѣ шѣней
 преселилась.
- „Но я не сирота, пока супругъ мой
 живъ;
 „И съ Гекшоромъ судьбу мою со-
 единивъ,
 „Родителей, друзей и брашій въ немъ
 имѣю.
 „Въ шебѣ они живутъ: шы смертію
 своею
 „Ихъ снова умершвишь. — Ахъ! сжалъ-
 ся надо мной...
 „Надъ бѣднымъ, плачущимъ, безмол-
 внымъ сиротой!
 „Сей день ужасенъ мнѣ: останься,
 Гекшоръ, съ нами!

„Пусть войны швои сражаются съ
 врагами;
 „Но ты останься здѣсь, и городъ за-
 щищай.
 „Смотри, какъ вождь Апридѣ, какъ
 храбрый Менелай,
 „Аяксъ, Идомей, Ахейскіе Герои,
 „Спрямяшся дерзосно къ врагамъ—
 священной Трои:
 „Будь спражемъ нашихъ спѣнъ; су-
 пругу успокой!“

„Что скажущь обо мнѣ (опвѣст-
 свуетъ Герой)
 Фригійскіе сыны и дщери Иліона,
 Когда укроюсь здѣсь? Не я ль защищ-
 никъ шрона
 Родителей моихъ? — Кшо съ самыхъ
 юныхъ дней
 Учился не робѣшь сверкающихъ ме-
 чей;
 Кшо въ битвахъ возмужалъ, и ды-
 шеть только славой,
 Тому опасности всѣ должны бышь
 забавой.
 Сіянье дѣлъ моихъ зашмишся ль нынѣ
 вдругъ?...
 Погибнешъ не въ спѣнахъ, но въ полѣ
 швой супругъ!

Покоитъ на груди, усмѣшкой весе-
 лишъ.
 Но нѣжная слеза въ очахъ ея бле-
 ститъ;
 Трепещетъ грудь ея, волнуется отъ
 страха. —
 Со вздохомъ Гекторъ ей вѣщаетъ:
 „Андромаха!
 „Ты плачешь?.. Ахъ! почто безвре-
 „менно спрадашь?
 „Не власпенъ у меня врагъ злобный
 жизнь опниашъ,
 „Доколѣ я хранимъ державными бо-
 гами.
 „Назначенъ всѣмъ предѣлъ небесны-
 ми Судьбами,
 „И рано ль, поздно ли, скончаешься
 нашъ вѣкъ;
 „Неустрашимый вождь и робкій чело-
 вѣкъ—
 „Со славой иль стыдомъ — низыдетъ
 въ гробъ безмолвно,
 „Оставя милыхъ, всѣхъ родныхъ, дру-
 зей... Но полно!
 „Поди, любезная! и дома скорбь раз-
 сѣй
 „Трудами нѣжныхъ рукъ. Гласъ тру-
 бный, спукъ мечей
 „Зовешъ меня на брань. Тому, кпо
 всѣхъ славнѣе,

„Быть должно впереди,— быть тамъ,
гдѣ врагъ сильнѣ.“

Герой въ послѣдній разъ на милую
возрѣлъ,
Обшеръ ея слезу... и грозный шлемъ
надѣлъ.
Супруга нѣжная должна повиноваться—
Идешь въ свей тихій домъ слезами
обливаешься —
Взираешь издали на друга своего —
Взираешь.... но уже вдали не зришь
его!
Вздохнувъ, спѣшишь она въ чертогъ
уединенный,
Древями мрачными печально осѣ-
ненный.
Тамъ въ горести своей желаетъ уме-
реть;
Предчувствуя ударъ, оплакиваетъ
смерть
Супруга своего; зришь въ мысляхъ
предъ собою
Его кровавый шрупъ, несомый тихо
въ Трою
На Греческихъ щитахъ ... И солнце
для нее
Ушрашило навѣкъ сіяніе свое.

Послание къ женщинамъ.

The gen'rous God, who wit and gold re-
fines (*),
And ripens spirits as he ripens mines,
To you gave sense, good humour and . . .
a Poet. — *Pope.*

О вы, кошорыхъ мнѣ любезна благо-
склонность,
Любезнѣ всего! кошорымъ сѣ юныхъ
лѣтѣ
Я въ жершву приносилъ, чего дороже
нѣтѣ:

Спокойствіе и вольность; —
Кошорыхъ милые глаза,
Улыбка и слеза
Законъ въ душѣ моей писали,
И мною такъ играли,
Какъ рѣзвый въшерокъ перомъ,
Тогда еще, какъ я гонялся
За пестрымъ мошылкомъ,
Считалъ себя богашырёмъ,
Когда на дерево взбирался
За пшашкинымъ гнѣздомъ . . .

(*) То есть Фебъ или Аполлонъ.

(И все лишь для того, чшобѣ милой,
нѣжной Розѣ,
Красоткѣ нашего села,
Подобной въ самомъ дѣлѣ розѣ,
Подаркомъ угодишь; чшобѣ Роза мнѣ
была

Обязана своей забавой)....

О вы, для коихъ я хошѣлъ враговѣ
разишь(*),
Не сдѣлавшихъ мнѣ зла! хошѣлъ воин-
ской славой
Почщеніе людей, опличность заслу-
жишь,
Чшобѣ съ лавромъ на главѣ предѣ
вашиими очами
Явисься и сказашь: „для васѣ, для
васѣ и вами!
„Возьмите лаврѣ, а мнѣ въ награ-
ду... поцѣлуй!“
Для коихъ послѣ я, въ войнѣ добра
не видя,
Въ чиновныхъ гордецахъ чины возне-
навидя,
Вложилъ свой мечъ въ ножны („Россія
шоржеспвуй,
Сказалъ я, безѣ меня!“)... и, вмѣсто
острой шпаги,

(*).Авторѣ, будучи семнадцати лѣтѣ, думалъ
ѣхашь въ армію.

Взялъ въ руки листъ бумаги,
 Чернилицу съ перомъ,
 Чшобъ бышь писашелемъ, швор-
 цомъ,
 Для васъ, красавицы, пріяннымъ;
 Чшобъ слогомъ чистымъ, сердцу
 вняшнымъ,
 Ошпѣнки вамъ изображашъ
 Сшрасшей щасшливыхъ и неща-
 сныхъ,
 То крошкихъ, шо ужасныхъ;
 Чшобъ вы могли сказашъ:
 „Онъ право милъ, и вѣрно перево-
 дишь
 „Все шемное въ сердцахъ на ясный
 намъ языкъ;
 „Слова для шонкихъ чувствъ на-
 ходишь!“—
 О вы, въ кошорыхъ я привыкъ
 Любишь себя, Природу
 И все, что смертныхъ роду
 Въ предметъ любви дано!
 Я къ вамъ хочу писашъ посланіе сти-
 хами.
 Дамъ волю сердцу: пусть оно
 Съ своими милыми друзьями
 Что хочешъ, говоришь!
 Не нужно думашъ мнѣ: слова шекушь
 рѣкою

Въ бесѣдѣ съ шѣмъ, кого мы любимъ
 всей душою.

Любовь спихи живошворитъ,
 И шарому даешъ видъ новой.

Скажу вамъ, милыя — и чѣмъ другимъ
 начашъ? —

Что вы родитесь свѣшъ моральный
 украшашъ,
 Кошорый бы безъ васъ въ угрюмости
 суровой

Былъ самой *мрачной свѣтъ*.

Нещастный *Мизогинъ* (*) въ Сибири
 вѣкъ живешъ:

Напрасно Фебъ надъ нимъ въ величїи
 сияешъ —

Душа его опъ хлада умираешъ.

Къ сердцамаъ и къ щастїю Судьбой
 вамъ опданъ ключъ;

У васъ въ очахъ блесшишъ небесный,
 шихїй лучъ,

Кошорый показашъ намъ долженъ пушь
 къ блаженшву,

Добру и совершеншву;

Другимъ пушемъ къ шому вовѣки не
 дойдемъ.

Три спрасши правяшъ свѣшомъ:

Одна имбешъ *честь* предметомъ,

(*) То ешъ, *ненавистникъ женскаго пола*.

Другая золото, а прешью живемъ
 Для вашихъ милыхъ глазъ. Ахъ! пер-
 вая доводишь
 Людей до страшныхъ бѣдъ, злодѣевъ
 производишь,
 Жестокихъ, мрачныхъ Силъ
 И яросныхъ Ашпилъ.

Тамъ льется кровь рѣкой, здѣсь градъ
 въ огнѣ пылаешь—
 На что?.... Герой (*) желаешь
 Сказать: „я любилъ,
 „И честь безсмертія геройствомъ за-
 служилъ!“

Но дни побѣдами считаая,
 Пусть скажешь, много ли минувъ бла-
 женныхъ счелъ
 Онъ въ жизни для себя? и лавромъ
осѣняя
 Надменное чело, не часто ли хотѣлъ
 Укрыться въ *сѣнь* лѣсовъ, чшобъ
 жершвъ, его рукою
 Сраженныхъ, не видашь,
 Ихъ вопля не слыхашъ?

(*) То есть ложной Герой, Ашпила и подо-
 бные ему. Истинные Герои сражаются для
 пользы своего опечесства. — Здѣсь Ав-
 торъ представляетъ *честолюбіе* только съ
 дурной стороны; о хорошей — молчишь.

И сей безумный человекъ
 Съ поскою на часахъ проводишь весь
 свой вѣкъ.

Но кто пѣвнишься вами,
 Любезныя мои, какъ милъ бываетъ
 шопъ,
 Какъ нѣженъ сердцемъ, добръ
 дѣлами!
 Природа для него есть зрѣлище кра-
 сотъ.
 Не ищетъ рая онъ въ предѣлахъ,
 намъ безвѣстныхъ, —
 Вверху, за солнцемъ, выше звѣздъ;
 Онъ рай нашелъ въ глазахъ преле-
 стныхъ
 Любовницы своей; и шѣхъ священныхъ
 мѣстъ,
 Гдѣ милая гуляетъ,
 Гдѣ, сидя надъ ручьемъ, о другъ по-
 мышляетъ,
 Не промѣняетъ онъ на вѣчную весну
 Полей блаженныхъ, Елисейскихъ.
 Онъ умеръ — для суетъ житей-
 скихъ;
 Живетъ — лишь для любви, и зритъ
 любовь одну
 Во всемъ швореніи обширномъ;
 Бѣжитъ отъ скуки городской,

Чшобѣ въ сельскомѣ кровѣ мир-
 номѣ
 Пишашъ въ груди своей чувствитель-
 носшь, покой.
 Гдѣ шихо горлицы воркуютъ,
 Другѣ друга съ нѣжностью ми-
 луютъ,
 И гнѣздышко себѣ на юныхъ мирахѣ
 вьетъ;
 Гдѣ двѣ малиновки поютъ;
 Гдѣ всѣ богатства Флоры
 Сіаютъ на лугахъ,
 Какъ пурпуръ, золото Авроры
 Въ часѣ утренній блестятъ на тон-
 кихъ облакахъ:
 Тамъ онѣ, подѣ сѣнью дровъ
 душистыхъ,
 Тамъ онѣ, подѣ шумомъ водъ среб-
 рисыхъ,
 Съ любезною своей въ восторгахъ
 дни ведутъ,
 И только лишь отъ нѣжныхъ
 чувствъ вздыхаетъ,
 И только лишь отъ счастья слезы
 льетъ.
 Вкушая радости, онѣ радость со-
 общаетъ
 Всему вокругъ себя: приближись ль
 къ нему

Печальный во слезахъ? онъ слезы осу-
 шаетъ —
 Убогой ли придешъ? онъ все даетъ
 ему,
 Желая, чтобъ весь міръ съ нимъ вмѣ-
 стѣ наслаждался,
 Любился, восхищался.....
 Велише мнѣ избрать подсолнечной
 царя:
 Кого я изберу, усердіемъ горя .
 Ко щастію людей? Того, кто всѣхъ
 нѣжибе,
 Того, кто всѣхъ страстибе
 Умѣетъ васъ любить — и свѣтъ бы
 щастливъ былъ!
 Ахъ! самой лютой воинъ,
 Который вѣкъ . на ратномъ полѣ
 жилъ,
 (И жизни былъ едваль досто-
 инъ!)
 Смягчается душой, восчувствовавъ
 любовь;
 Услышавъ имя шой, кошорою пылаетъ,
 Щадишь враговъ сраженныхъ
 кровь,
 И мечъ подъяшый... опускаетъ.
 Не рѣдко и скупецъ, чтобъ милой
 угодишь,
 Пріятный взоръ ея, улыбку заслужишь,

Бываетъ сирыхъ другъ и нищихъ
благодѣтель.

Вотъ дѣйствіе любви — вотъ ваша
добродѣтель!

Пусть сурогій мужъ Зенонъ въ угрю-
мости своей

Кричишь, что должно жить намъ въ
свѣтѣ безъ спрасей,

Людьми лишь называешься,

Но камнемъ въ сердца бышь:

Ученію сему въ архивахъ ошавался,

Въ сердцахъ вѣки не входилъ;

Природа, истина его не освятили

Печашю своей. Сей разумъ, коимъ
насъ

Судьбы благія одарили,

О коемъ мудрецы швердятъ намъ
всякой часъ,

Не есть ли щепный даръ безъ склон-
ностей сердечныхъ?

Онъ - то движущъ насъ; безъ нихъ
и умъ молчишь.

Погибель ждетъ пловцевъ безпечныхъ,

Когда ихъ кормщикъ въ бурю спишетъ;

Но кормщику не можно

Безъ вѣтра моремъ плыть. Уму лишь
правишь должно

Кормиломъ жизни сей:

Насъ по морю несетъ шумящій вѣтръ
 спрасей...
 Блаженъ, кто съ вѣющимъ Зе-
 фиромъ,
 Съ любовью въ сердцѣ и въ очахъ,
 Лепитъ на парусныхъ крылахъ
 Къ щасливой приспани, гдѣ съ
 миромъ
 Насъ Геній тихой смерти ждетъ!

„Но часто спрась любви насъ къ
 горестямъ ведешъ!“
 Не часто, — иногда: такъ шихая
 лампада,
 Во тьмѣ для мудраго опрада,
 Бываетъ пагубна для рѣзвыхъ мо-
 шильковъ:
 Уже ли для того во мракъ вечеровъ
 Сидѣшь намъ безъ огня? О бабочкѣ
 вздыхаю,
 Но свѣчку снова зажигаю.
 Злощасный Вершеръ не законъ;
 Тамъ гробъ его: глаза рукою закры-
 ваю...
 Но здѣсь цвѣтами осыпаю
 Тьму брачныхъ олшарей, гдѣ милый
 Купидонъ
 И скромный Гименей навѣкъ соединя-
 юшъ

Не могъ себя ласкать, ласкаемъ
бышь шбой!

Другіе на колѣняхъ
Любезныхъ маперей въ веселіи цвѣли,
А я въ печальныхъ шбняхъ
Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой
земли,

На мохъ швоей могилы!...

Но образъ швой священный, ми-
лый

Въ груди моей напечатлѣнъ,
И съ чувствомъ въ ней соеди-
ненъ!

Твой шихій нравъ ошалея мнѣ въ
наслѣдшво;

Твой духъ всегда со мной.

Невидимой рукой

Хранила шы мое безопышное дѣш-
ство;

Ты въ лѣсахъ юноши меня къ до-
бру влекла,

И совѣстью моей въ часъ слабостей
была.

Я часто шбнь швою съ любовью обни-
маю,

И въ вѣчности себя узнаю!...

Просшите мнѣ, что я о мершвой вспо-
мянулъ,

И съ горестью вздохнулъ!

Подобно какъ въ саду, гдѣ роза съ
нѣжнымъ кринонъ,
Нарцисъ и анемонъ, аврикула съ яс-
миномъ,

И тысячи цвѣтновъ

Песпрѣютъ на берегу кристалльныхъ
ручейковъ,
Не знаешь, что хвалишь, надѣ чѣмъ
оспановишься,

На что смопрѣшь, чему дивишься:

Такъ я шеряюсь въ красотахъ
Прелестныхъ вашихъ душъ. — Хва-
лишь ли въ васъ то чувство,
Которымъ истину находите въ ве-
щахъ (*)

Скорѣ всѣхъ мущинъ? Намъ надобно
искусство,
Трудишься разумомъ, работаешь, раз-
мышляешь,

Чтобъ истину сыскаешь;

Для насъ она живешь въ лѣсахъ, въ
вершепахъ темныхъ
И въ кладезяхъ подземныхъ:

(*) Я нѣсколько разъ имѣлъ случай удивляться
острому понятію женщинъ, которое Ла-
фашеръ называетъ *чувствомъ истины*.
Мущина десять разъ перебъняетъ мысли
свои; женщина остается при *первоиъ чув-
ствѣ*, — и рѣдко обманывается.

Куришся еиміамъ.

У васъ учишься должно намъ,
Какъ ближнему служишь. Я видѣлъ
женъ прекрасныхъ,
Кошорыхъ юный вѣкъ пому лишь
посвященъ,

Чшобъ муки ушляшь несчаст-
ныхъ(*);

Всечасно взоръ ихъ усрмленъ
На шо, чшо душу возмущаетъ:
На скорбь, спраданіе и смершь!

Съ какою кропосью ихъ голосъ
увѣщаетъ
Болящихъ не ропшашъ на Бога, но
шерпѣшь!

Колѣна преклонивъ, одна у Неба про-
ситъ

Имъ здравія, или... спокойнаго конца;
Другая пише цѣлебное разноситъ,
И ласкою живитъ поскующихъ сердца.

Своею красошою

Могли бъ онѣ Царей плѣншатъ;

Но имъ милѣ бышь съ болѣзною, нище-
пою,

Чшобъ бремя ихъ сколь можно
облегчатъ!

(*) Орденъ такъ называемыхъ *сестръ милосердія*, *Sœurs grifes*, кошорыхъ нѣжному челоуколюбію удивлялся я въ Ліонскихъ больницахъ,

Я былъ шому свидѣтель,
 И слезной, пламенной рѣкой
 Излилъ восторгъ души. — Ахъ! бла-
 гось, добродѣтель
 Священнѣ всего являющъ образъ свой
 Въ лицѣ красавицы любезной!

Хвалишь ли васъ, друзья мои, за даръ
 полезной
 Мушинъ развеселять
 Однимъ пріятнымъ взоромъ?
 Безъ васъ что дѣлашь намъ? Другъ
 друга усыплять
 Холоднымъ, скучнымъ разгово-
 ромъ!
 Явись въ обществѣ съ усмѣшкой
 на устахъ,
 И вдругъ во всѣхъ очахъ
 Веселья лучъ сверкнешъ; нашъ разумъ
 оживится;
 Чшобъ милымъ полюбиться,
 Муцина самъ бываешъ милъ...

Но кшобъ исчислилъ все, чѣмъ свѣшу
 вы полезны,
 Чѣмъ сердцу вы любезны,
 Тотъ Эйлеръ бы другой въ наукѣ чи-
 слитъ былъ.
 Довольно, что вы насъ во всемъ, во
 всемъ добрѣ,

Почти во всемъ умнѣ,
И будеше всегда намъ въ нѣжности
примѣрѣ.

Пусть васъ злословишь — лице-
мѣрѣ,
Которой для того красавицѣ пори-
цаешъ,
Что средства нравиться красавицамъ
не знаешъ!

Скажите, что любезенъ онъ —
И страшный Мизогинъ вдругъ будетъ
... Селадонъ!

Положимъ, что найши въ васъ сла-
бости возможно;

Но развѣ опъ того луна ужь не свѣ-
шла,

Что видимъ пятна въ ней? Ахъ, нѣтъ!
она мила,

И крошкой свѣтъ ея Поэтамъ сла-
вишь должно.

Луна есть образъ вашъ: ея сребри-
стый лучъ

Тьму ночи озаряешъ,

А прелесшь ваша намъ отраду въ грудь
вливаешъ

Среди печальныхъ жизни шучь.

Гдѣ только люди просвѣтились,

Жишь, мыслишь научились,

Къ своимъ спранамъ лешяшъ,
 лешяшъ,
 И челоуѣчества любезной половинѣ
 Тамъ вольностьъ возвѣстятъ!...
 Хоръ женщинъ загремитъ: *хвала и*
честь Богинѣ!

Цвѣши, о нѣжный полъ! и сыпъ на
 насъ цвѣши!

Исчезли для меня прелестныя меч-
 шы —

Уже я не могу плѣнять васъ красо-
 тою,

Ни юностью своей: весна моя прошла;
 Зрю осень предъ собою,

А осень, говоряшъ, скучна и не ми-
 ла!

Но все еще вашъ взоръ бываетъ мнѣ
 оспрадой,

И сладкою наградой

За то, что въ жизни я отъ злыхъ му-
 щинъ шерплю;

Но всё, но всё еще люблю

Въ Апрѣлѣ рвать фіяки съ ва-
 ми,

Въ жаръ лѣтній опдыхать въ тѣни
 надъ ручейками,

Въ печальномъ Октябрѣ грустить и
 шосковать,

Зимой передъ огнемъ романы сочи-
 няшь,
 Васъ пѣшишь и спращашь!
 Сказавъ любви: *прости!* я дружбою
 свяшою
 Живу и жишь хочу. Мнѣ рѣзвой Ку-
 пидонѣ
 Опсставку подписалъ — любовникѣ съ
 сѣдиною
 Не можешъ щасливѣ бышь: таковѣ
 Судьбы законѣ —
 Но истинныхъ друзей я въ васъ же
 обрѣшаю.
 Нанина! десять лѣшъ шомъ день бла-
 гословляю,
 Когда тебя, мой другъ, увидѣлъ въ
 первой разѣ;
 Гармонія сердецъ соединила насъ
 Въ единый мигъ навѣкъ. Чшо былъ
 я? сиросою
 Въ проспранномъ мѣрѣ семъ; скучалъ
 самимъ собою,
 Печальнымъ бышиемъ. Никто меня
 не зналъ,
 Никто участвія въ судьбѣ моей не
 бралъ.
 Чувствительность въ груди пи-
 шая,
 Въ сердцахъ у всѣхъ людей я камень
 находилъ.

Среди цвѣтущихъ дней душою увя-
дая,

Не въ свѣтѣ, но въ пустынѣ
жилъ.

Ты дружбой, искренностью милой
Утѣшила мой духъ унылой;

Святой любовью своей

Во мнѣ цвѣтѣ жизни обновила,

И въ горестной душѣ моей

Источникъ радостей открыла.

Теперь, когда я заслужилъ

Улыбку Грацій, Музъ прелест-
ныхъ,

И гордой свѣтѣ меня улыбкою по-
чтилъ;

Не мало слышу я привѣтствій, сер-
дцу лестныхъ,

Отъ добрыхъ, нѣжныхъ душъ. Слав-
нѣйшіе шворцы,

и Фебовы друзья, бессмертные Пѣвцы,

Меня въ любви своей, въ пріязни увѣ-
ряющъ,

И слабый мой шалантъ къ успѣхамъ
ободряющъ.

Но знай, о милый другъ! что друж-
бою швоей

Я болѣе всего горжуся въ жизни сей,

И хижину съ тобою,

Безвѣстность, нищету,

Чертогамъ золотымъ и славѣ пред-
почту.

Что истина своей рукою
Напишешъ надъ моей могилой? Онъ
любилъ;
Онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ дру-
гомъ былъ!

Графъ Гваринось.

*Древняя Гишпанская Историческая
пѣсня.*

**Худо, худо, ахъ Французы!
Въ Ронцевалѣ было вамъ!
Карлъ Великой шамъ лишился
Лучшихъ Рыцарей своихъ.**

**И Гваринось былъ пойманъ
Многимъ множествомъ враговъ;
Адмирала вдругъ плѣнили
Семь Арабскихъ Королей.**

**Семь разъ жеребей бросающъ
О Гваринось Цари;
Семь разъ сряду доснается
Марлошесу онъ на часъ.**

**Марлошесу онъ дороже
Всей Аравіи большой.
„Ты послушай, что я молвлю,
„О Гваринось!“ онъ сказалъ.**

„Ради Аллы, храбрый воинъ,
Нашу вѣру приими!
Все возми, чего захочешъ,
Чшо приглянешся шебѣ.

„Дочерей моихъ обѣихъ
Я Гвариносу ошдамъ;
На любой изъ нихъ женися,
А другую шакъ возьми,

„Чшобъ Гвариносу служила,
Мыла, шила на него.
Всю Аравію приданымъ
Я за дочерью ошдамъ.“

Тухъ Гвариносъ слово молвилъ;
Марлошесу онъ сказалъ:
„Сохрани Господь небесный
И Марія, мать Его,

„Чшобъ Гвариносъ, Христіянинъ,
Магомешу послужилъ!
Ахъ! во Франціи невѣсша
Дорогая ждешъ меня!“

Марлошесъ, пришедши вѣ яросшь,
Грознымъ голосомъ сказалъ:
„Вмигъ Гвариноса окуйте,
Нечесшиваго раба;

„И въ темницу преисподню
Засадише вы его.
Пусть гниѣтъ шамъ понемногу,
И умрѣтъ какъ бѣдный червь!

„Цѣпи сяжки, въ семь сопѣ фуншовѣ,
Возложите на него,
Опѣ плеча до самой шпоры —
Сшрашенѣ въ гнѣвѣ Марлошесѣ!

„А когда настанетъ праздникѣ,
Пасха, Свяжки, Духовѣ день,
Вѣ кровь его тогда сѣкише
Предѣ глазами всѣхѣ людей.“

Дни проходятъ, дни приходятъ
И насталѣ Ивановѣ день;
Христіане и Арабы
Вмѣстѣ празднуютъ его.

Христіане сыплютъ галганшѣ (*);
Миршы мечетъ всякой Маврѣ (**).
Вѣ почестѣ празднику заводитъ
Разны игры Марлошесѣ.

(*) Индѣйское растѣніе.

(**) Вѣ день Св. Іоанна Гишпанцы усыпали улицы галганшомѣ и миршамми.

Онъ высоко цѣль поставилъ,
 Чшобъ попасшь въ нее копьемъ.
 Всѣ свои бросающъ копья,
 Всѣ Арабы мѣшашъ въ цѣль.

Ахъ напрасно! нѣтъ удачи!
 Цѣль для слабыхъ высока.
 Марлошесъ велѣлъ во гнѣвѣ
 Чрезъ Герольда объявишь:

„Дѣшамъ груди не сосати,
 А большимъ ни пишь, ни ѣсшь,
 Естли цѣли сей на землю
 Кшо изъ Мавровъ не сшибешъ!“

И Гвариносъ шумъ услышалъ
 Въ шой шемницѣ, гдѣ сидѣлъ.
 „Машъ Свяшая, чиспа дѣва!
 Что за день шакой пришелъ?“

„Не Король ли нынѣ вздумалъ
 Выдашь за-мужъ дочь свою?
 Не меня ли сѣчь жестоко
 Часъ презлой шеперь насшалъ?“

Спражъ шемничный шо подслушалъ.
 „О Гвариносъ! свадьбы нѣтъ;
 Нынѣ сѣчь тебя не будутъ;
 Трубный звукъ не шо гласишь..“

„Нынѣ праздникъ Іоанновъ;
 Всѣ Арабы вѣ шоржешствѣ.
 Всѣмъ Арабамъ на забаву
 Марлошесѣ посшавилъ цѣль.

„Всѣ Арабы копья мечушъ,
 Но не могушъ вѣ цѣль попасшъ;
 По чему Король во гнѣвѣ
 Чрезъ Герольда объявилъ:

„Пишь и ѣсшь никшо не можешъ,
 Бude цѣли не шшибушъ.“
 Тушъ Гвариносѣ встрепенулся;
 Слово молвилъ онъ сіе:

„Дайше мнѣ коня и сбрую,
 Сѣ коей Карлу я служилъ;
 Дайше мнѣ копье булашно,
 Коимъ я враговъ разилъ.

„Цѣль пошчасѣ шшибу на землю,
 Сколь она ни висока.
 Ешъли жъ я сказалъ неправду,
 Жизнь моя у васъ вѣ рукахъ.“

„Какъ!“ на то шюремщикъ молвилъ:
 „Ты семь лѣшъ вѣ шюрѣмѣ сидѣлъ,
 Гдѣ другіе больше года
 Не могли никакъ прожипъ;

„И еще ты думаешь можешь,
 Что сшибешь на землю цѣль? —
 Я пойду сказать Инфаншу,
 Что шеперь ты говорилъ.“

Скоро, скоро поспѣшаетъ
 Спражъ шемничный къ Корблю;
 Приближается къ Инфаншу,
 И приноситъ вѣсть ему:

„Знай, Гвариносъ Христїянинъ,
 Что въ шюрѣмъ семь лѣпъ сидишь,
 Хочешь цѣль сшибишь на землю,
 Ешьли дашь ему коня.“

Марлошесъ, сіе услышавъ,
 За Гвариносомъ послалъ;
 Царь не думалъ, чтобъ Гвариносъ
 Могъ еще конемъ владѣть.

Онъ велѣлъ принесть всю сбрую
 И коня его сыскашь.
 Сбруя ржавчиной покрыша,
 Конь возилъ семь лѣшъ песокъ,

„Ну, ступай!“ сказалъ съ насмѣшкой
 Марлошесъ, Арабской Царь:
 „Покажи намъ, храбрый воинъ,
 Какъ сильна рука швоа!“

Такъ какъ буря разъярена,
 Къ цбли мчишся сей Герой;
 Мечешъ онъ копые булашно—
 На землѣ вдругъ цбль лежишъ.

Всѣ Арабы взволновались,
 Мечушъ копыя всѣ въ него;
 Но Гвариносъ, воинъ смѣлый,
 Храбро ихъ мечемъ сбчешъ.

Солнца свѣшъ почти зашмылся
 Оцъ великаго числа
 Тѣхъ, которые спремались
 На Гвариноса всѣ вдругъ.

Но Гвариносъ ихъ разсѣялъ,
 И до Франціи достигъ,
 Гдѣ всѣ Рыцари и Дамы
 Съ чesью приняли его.

Послѣднія слова умирающаго.

Богъ далъ мнѣ свѣтъ ума; я исти-
ны искалъ,
И видѣлъ ложь вездѣ — свѣшльникъ
погашаю.
Богъ далъ мнѣ сердце: я срадалъ,
И Богу сердце возвращаю.

Любовь и дружба.

Любовь тогда лишь намъ полезна,
Какъ съ милой дружбою сходна;
А дружба лишь тогда любезна,
Когда съ любовію равна.

Печаль и радость.

Съ печалью радость здѣсь едва ли не
равна:
Надежда съ первою, съ другою больнѣ
дана.

Спрасши и безспрасшіе.
Какъ бѣденъ человекъ! намъ спра-
спи горе, мука;
Безъ спрасши жизнь не жизнь, а ску-
ка:
Люби, и слезы проливай;
Покоенъ будь, и вѣкъ зѣвай!

Спорщикъ.

Какъ страненъ Никодимъ!
Онъ вѣчно ушверждаетъ
Противное другимъ,
И умникомъ себя для спора называетъ!

Любовь ко врагамъ.

Взгляните на меня: я въ двадцать
лѣтъ старикъ;
Весь высохъ какъ скелешъ, едва ша-
скаю ноги;
Смошрю въ очки, ношу парикъ;
Былъ Крезомъ годъ назадъ, шеперь
я Ирѣ убогій.“ —
Какой же адской Духъ съ шобою такъ
сшущилъ? —
„Красавицы: увы! я спрасшно ихъ
любилъ!“ —
Зачшожь, когда онѣ шобѣ врагами бы-
ли? —
„Насъ учащъ, чшобы мы враговъ сво-
ихъ любили!“

Къ невѣрной.

Разсудокъ говоритъ: „все въ мирѣ
естъ мечта!“
Увы! несчастливъ шотъ, кому и сердце
скажетъ:

„Все въ мирѣ естъ мечта!“
Кому жестокий Рокъ по опытомъ до-
кажетъ.

Тогда увянетъ жизни цвѣтъ;
Тогда несносенъ свѣтъ;
Тогда нашъ взоръ унылый
На горестной землѣ не ищетъ ниче-
го:

Онъ ищетъ лишь... могилы!...
Я слышалъ спрашный гласъ, гласъ
сердца моего,
И съ прелестью души, съ надеждою
просился;
Надежда умерла: и такъ могу ли жить?

Когда любви швоей я, милая, лишился,
Могу ли что нибудь, могу ль себя лю-
бить?...

Кшо въ жизни испыталъ всю сладость
нѣжной спрасши,

И нравился тебѣ, потѣ... жилъ, и
 долго жилъ;
 Миѣ должно умереть: такъ рокъ опре-
 дѣлилъ.
 Ахъ! естлибъ было въ нашей вла-
 сти

Вовѣки пламенно любишь,
 Вовѣки въ миломъ сердцѣ живишь,
 Никшобъ не захошѣлъ разсѣяться съ
 здѣшнимъ свѣтомъ;
 Тогда бы человекъ былъ зависиши пред-
 метомъ
 для жишелей небесъ. — Упреками те-
 бѣ
 Скучаешь я не хочу: упреки бесполе-
 зны;
 Насильно никогда не можемъ быть
 любезны.
 Любви покорно все, любовь... одной
 Судьбѣ.

Когда отъ сердца сердце удалишся,
 Напрасно зваешь его: оно не возвра-
 щается.
 Но странникъ въ горестныхъ мѣ-
 стахъ,
 Въ пустынѣ мершвой, на пескахъ,
 Приятности луговъ, долинъ вообра-
 жаешь,
 Чрезъ кои нѣкогда онъ шелъ:

„Тамъ пѣли соловьи, тамъ миршѣ
душистый цвѣль!“
Сей мыслію себя спрадалецѣ лишь пер-
заетшѣ,
Но всѣ нещасные о щасъи гово-
ряшѣ.
Имѣ учасъ... всломинашѣ, щасшли-
вцу... наслаждашѣся;
Я шакже вспомню рай, пишая вѣ сер-
дцѣ адѣ.

Ахъ! было время мнѣ мечшашѣ и за-
блуждашѣся:
Я прожилѣ шридцашѣ лѣшѣ; сѣ цвѣ-
шочка на цвѣшкѣ
Сѣ Зефирами лешалѣ. Киприда свой
вѣнокѣ

Мнѣ часто подавала;
Какѣ рѣзвый вѣшперокѣ рука моя играла
Со флеромѣ на груди прелесшнѣйшихѣ
Цирцей;
Армиды Тасовы, Лайсы нашихѣ дней
Улыбкою любви меня кѣ себѣ мани-
ли,
И сердце юноши бышѣ вѣшренымѣ
учили;

Но я влюблялся не любя.

Когда жѣ узналѣ шебя;
Когда дрожащими руками

Обнявъ другъ друга, все забывъ —
 Двумя горящими сердцами
 Союзъ священный заключивъ —
 Мы небо на землѣ вкусили,
 И вѣчность въ мигъ одинъ вмѣстили:
 Тогда, тогда любовь я въ первый разъ
 узналъ;
 Ея восторгомъ изнуренной,
 Лишился мыслей, чувствъ, и смерти
 ожидалъ,
 Прелестнѣйшей, блаженной!...
 Но Рокъ хотѣлъ меня для горя сохра-
 нить;
 За счастье должно намъ несчастіемъ
 плашиться.

Какая смертная какъ ты была лю-
 бима,

Какъ ты богошворима?
 Какая смертная была
 И столь любезна, столь мила?
 Любовь въ тебѣ пылала,
 И подлѣ сердца моего
 Любовь, любовь въ швоемъ шакъ сильно
 шрепешала!
 Съ небесной сладостью дыханья шво-
 его
 Она лилась мнѣ въ грудь. Что слово,
 шо блаженство;

Что взоръ, шо новый даръ. Я цѣлой
 свѣшъ забылъ,
 Природу и друзей: Природы совершен-
 сшво,
 Друзей, себя, Творца, въ шебъ одной
 любилъ.

Единый часъ разлуки
 Былъ сердцу моему несноснымъ го-
 домъ муки;

Прощаясь съ тобой,
 Прощался я съ самимъ собой...
 И съ чувствомъ обновленнымъ
 Къ шебъ въ объяшя спѣшилъ;
 Въ душевной радости рѣкою слезы
 лилъ;
 Въ блаженствѣ шрепешалъ... не смер-
 шнымъ, богомъ былъ!..
 И прахъ у ногъ швоихъ казался мнѣ
 священнымъ!

Я землю цѣловалъ,
 На кою ты спупала;
 Какъ Некшаръ воздухъ пилъ, копо-
 рымъ ты дышала..
 Увы! опѣ щасшья здѣсь никшо не
 умиралъ,
 Когда не умеръ я!... Оставишь мѣръ
 холодный,
 Кошорый врагъ чувшшвишельнымъ
 душамъ;

Обнявшись перейши въ другой, гдѣ
мы свободны
Жишь съ шѣмъ, что мило намъ;
Гдѣ царствуешь любовь безъ всѣхъ
предразсуждений,
Безъ всѣхъ несчастныхъ заблуж-
дений;
Гдѣ Богъ улыбкой встрѣшишь
насъ...

Ахъ! сколько, сколько разъ
О шомъ въ воспоргѣ мы мечтали,
И вмѣстѣ слезы проливали!...
Я былъ, я былъ любимъ тобой!

Жестокая!... увы! могло ли подо-
зрѣнье
Мнѣ душу омрачить? Ужасною ви-
ной
Почелъ бы я тогда малѣйшее сомнѣнье;
Оплакалъ бы его. Тебѣ невѣрной бышь!
Скорѣ насъ Творецъ забудетъ,
Скорѣ извергъ здѣсь покоенъ ду-
хомъ будетъ,
Чѣмъ милая души мнѣ можешь из-
мѣнишь!
Такъ думалъ я... и что жь? на розѣ
успѣ небесныхъ,
На тайной красотѣ своихъ грудей
предесныхъ

Еще горблѣ, пылалѣ мой страстный
 поцѣлуй,
 Когда сказала ты другому: торжествуй:
Люблю тебя! . . . Еще ты рукѣ не опу-
 скала,

Кошорыми меня лаская обнимала,
 Другой, другой ужь былѣ въ объяті-
 яхъ твоихъ . . .

Иль въ сердцѣ . . . все одно! Безъ шучи
 громъ ужасный

Ударилѣ надо мной. Въ волненьи
 чувствѣ моихъ
 Я вѣришь не хошлѣ глазамъ своимъ,
 несчастный!

И думалѣ на яву, что вижу всё во снѣ;
 Сомнѣніе тогда блаженствомъ бы-
 ло мнѣ —

Но ты, жестокая; холодною рукою
 Завѣсу съ истины сняла! . . .

Ни вздохомъ, ни одной слезою
 Последней дани мнѣ въ любви не при-
 несла! . . .

Какъ можно разлюбишь, что намъ
 казалось мило,
 Кѣмъ мы дышали здѣсь, кѣмъ наше
 сердце жило?

Однажды чувства истощивъ,

Гдѣ новыхъ взяшь для новой стра-
сти?
Тобой оставленъ я; но ахъ! въ моей
ли власпи
Невѣрную забышь? Однажды полю-
бивъ,
Я долженъ вѣкъ любишь; исчезну
обожая.

Тебѣ судьба иная;
Иное сердце у себя —
Блаженствуй! — Самый гробъ меня не
ушѣшаетъ;
И въ вѣчности я зрю пустыню для
себя:
Я буду шамъ одинъ! Душа не уми-
раетъ;
Душа моя и шамъ все будешь поско-
вашь
И шѣни милыя искашь!

Къ вѣрной.

Ты мнѣ вѣрна!... себя я снова обнимаю!...

И сердце милое твое

Опять, опять *мое!*

Къ своимъ ногамъ въ восторгъ упадаю...

Цѣлую ихъ!... Ты плачешь, милой другъ!...

Сладчайшія слова: *души моей супругъ,*
Опять изъ устъ твоихъ я въ сердце принимаю!...

Ахъ! какъ благодарить Творца!...

Все горе, всю шоску навѣкъ позабываю!...

.....

Ты блѣдность своего лица

Показываешь мнѣ — прощаешь! Не держу

Оправдываешь себя:

Заславя мучишься себя,

Прешупникомъ я былъ. Но мнѣ казалось ясно

Нещастіе мое. И ты сама . . . прости . . .
 Воспоминаніе душѣ моей ужасно! . . .
 Къ сей шайнѣ я тогда не могъ ключа
 найши (*).

Теперь, теперь слыжусь, и впредь клянусь
 не вѣришь

Ни слуху, ни глазамъ;

Не вѣришь и своимъ словамъ,
 Когда бы ты сама хотѣла разувѣришь
 Меня въ любви своей. На сердце укажу,
 Взгляну съ улыбкою, и съ швердостью
 скажу:

„Оно, мой другъ, спокойно;

„Оно тебя достойно

„Надежностью своей.

„Испышывай меня!“ — Пусть прелестью
 швоей

Другіе такъ же заразятся!

Для нихъ надежды *цвѣтъ*, а мнѣ — надежды
плодъ!

Изъ нихъ пусть каждый щастья
 ждѣшь:

Я буду щастьемъ наслаждашься.

Ихъ жребій: *милую любить;*

Мой жребій: *милой милымъ быть!*

Хоша при людяхъ намъ не лзя еще
 словами

(*) Темно; можно только догадываешься.

Но... я любилъ тобой: сей мысляю еди-
ной
Унылой мракъ душевныхъ чувствъ
моихъ

Какъ солнцемъ озаришься.

Разлука опытъ намъ:

Кто опыта спрашишься,

Тотъ вѣрно не любимъ, шопъ мало
любилъ самъ;

Прямую спрашь всегда разлука умно-
жаешь —

Такъ буря слабый огонь въ минушу по-
гашаешь,

Но больше силъ огню сильнѣйшему
даешь.

Когда души единственнѣй предметъ

У насъ передъ глазами,

Мы знаемъ то одно, что весело лю-
бишь;

Но чтобъ узнатьъ всю власть его
надъ нами —

Узнашь, что безъ него душъ не мо-
жно жить...

Разспанься съ нимъ!... Любовь пи-
шается слезами,

Отъ горести растетъ;

И чувство, что не лзя преодолѣшь
намъ спраши,

Еще ей болѣе даешъ
Надъ сердцемъ сладкой власти.

Когда нибудь, о милый другъ!

Судьбы жестокия смягчатся:

Два сердца, двѣ руки навѣкъ соеди-
няшся;

Любовникъ... будешъ швой супругъ.
Ахъ! спанемъ жишь; съ надеждой
жизнь прекрасна;

Не намъ, шому она ужасна,

Кшо любишь лишь одинъ, не будучи
любимъ. —

Изчезнушь для меня съ отбышиемъ
швоимъ

Сущешвенность и миръ: въ одномъ
воображеньи

Я буду находить утѣхи для себя;

Далеко отъ людей, въ лѣсу, въ уединен-
неньи,

Построю (*) *домикъ* для шебя,

Для насъ двоихъ, надъ шихою *рѣкою*

Забвенія всего, но шолько не любви;

Скажу шебѣ: „въ семъ *домикъ* живи

„Съ любовью, щасшьемъ и со-
мною:

„Для прочаго умремъ. Прельщаяся шо-
бою,

(*) Въ мысляхъ.

„Я прелести ни въ чемъ иномъ не
нахожу.

„Тебѣ всѣ чувства посвящаю :

„Взгляну ль на что, когда на милую
гляжу ?

„Услышу ль чтонибудь, когда тебѣ
внимаю ?

„Душа моя полна: я въ ней себя вмѣ-
щаю !

„Пусть Богъ вселенную въ пустыню
превратишь;

„Пусть будемъ въ ней мы поль-
ко двое!

„Любовь ее для насъ украсишь, ожи-
вишь.

„Что сердцу надобно? найди, любишь
другое;

„А я нашелъ, хочу съ нимъ вѣчность
провести,

„И свѣшу говорю: *прости!*“

Прелестный *домикъ* сей вдали насъ
ожидаетъ;

Теперь его Судьба завѣсой покрыва-
етъ,

Но онъ явился намъ: въ немъ буду
житьъ съ тобой,

Или мечшу сію... возьму я въ гробъ
съ собой.

Долина Иосафатова,

или

Долина спокойствія.

Долина, гдѣ Судьбы рукою
Хранится таинство сердецъ;
Гдѣ странникъ, жаждущій покою,
Его встрѣчаетъ наконецъ;

Гдѣ взоръ бываетъ вѣчно свѣтелъ,
И сердце дремлетъ въ тишинѣ;
Заботъ печальный вѣспникъ, пѣтелъ,
Не будитъ щастливыхъ во снѣ;

Молчатъ и громы и Бореи,
Не слышенъ грозный ревъ зверей,
И мило-злобныя Цирцеи
Не спавятъ нѣжности сѣтей;

Гдѣ хитрый богъ, любящій слѣзы,
Не мечетъ кипарисныхъ стрѣлъ;
Гдѣ нѣтъ змѣи подъ цвѣтомъ розы —
Гдѣ щастья, истины предѣлъ!

Справа блаженная, святая!
 Когда, когда тебя найду,
 И мирный берегъ благословляя,
 Корабль въ пристанище введу?

Къ тебѣ не рѣдко приближаясь,
 Хочу сплывишь на берегъ но вдругъ
 Съ опливымъ въ море удаляясь,
 Бываю жершвой новыхъ мукъ.

Уже ль во мрачности шумана
 Мнѣ ввѣкъ игрищемъ служишь
 Шумящимъ вѣспрамъ океана,
 Безъ цѣли по волнамъ кружишь?

Довольно я шерпѣлъ, крушился,
 Гонясь сердцемъ за мечшой;
 Любилъ, надѣялся, спрашивался:
 Ахъ! время мнѣ вкусишь покой!

Навѣкъ въ груди угаси пламень!
 Пусть въ ней живешь единый хладъ!
 Пусть сердце превратишь въ камень!
 Его чувствительность мнѣ ядъ.

Справа блаженная, святая!
 Когда, когда тебя найду,
 И мирный берегъ благословляя,
 Корабль въ пристанище введу?

Э п и ш а ф і я.

Онъ жилъ въ семъ мѣрѣ для того,
Чтобъ жить — не зная, для чего.

Спихи на день рожденія А. А.
П — ой, 14 Октября.

Ты въ мрачномъ Октябрѣ родилась —
не весною —
Чтобъ сѣшующій мѣръ ушѣшенъ былъ
шобою.

Тріолетъ Алетъ (*), въ пошъ
день, какъ ей исполнилось 14
лѣтъ.

Чешырнадцати лѣтъ
Бышь Флорой право сшдно:
Въ Апрѣлѣ розы нѣтъ!
Чешырнадцати лѣтъ
Ты лучше всѣхъ Алетъ:
Ахъ! эшо имъ обидно.
Чешырнадцати лѣтъ
Бышь Флорой право сшдно.

(*) Тріолетъ есть игрушка въ стихотвор-
ствѣ. Надобно, чтобы онъ состоялъ изъ ось-
ми стиховъ равной мѣры, и на двѣ риемы;
чтобы четвершой стихъ былъ повторені-
емъ перваго, а седьмой и осьмой повторені-
емъ перваго и втораго.

Тріолешъ Лизешъ.

„Лизеша чудо въ бѣломъ свѣшѣ,“
Вздохнувъ я самъ себѣ сказалъ:
„Красой подобныхъ нѣшъ Лизешѣ;
„Лизеша чудо въ бѣломъ свѣшѣ;
„Умомъ зрѣла въ весеннемъ цвѣшѣ.“
Когда же злосць ея узналъ...
„Лизеша чудо въ бѣломъ свѣшѣ!“
Вздохнувъ я самъ себѣ сказалъ.

Отвѣтъ на стихи одной дѣвицы,
въ копорыхъ она клянется Хлоѣ,
другу своему, любить ее пла-
менно и вѣчно, оставляя для
Купидона только маленькой уго-
локъ въ сердцѣ.

На первой случай всѣмъ доволенъ
Купидонъ;
За шѣсной уголокъ спасибо скажетъ
онъ,
И въ немъ, какъ можешь, помѣ-
стишься.
Но скоро уголокъ его распростра-
нишься;
Любовь весь домъ займешь,
И Хлоя для себя въ немъ мѣста не
найдетъ.

И М - П Р О М П Т У

Графинѣ Р**, которой въ одной
святошной игрѣ досталось быть
Королевою.

Напрасно говоряшѣ, что случай есть
слѣпецъ:
Сю мишушу онѣ вручилѣ тебѣ вънецѣ,
Тебѣ, рожденной быть Царицею сер-
децѣ.
Сей выборѣ доказалѣ, что случай не
слѣпецѣ.

ІМ-ПРОМPTУ

двумъ молодымъ дамамъ , копорыя
въ маскахъ подошли къ Авпору,
и хотѣли увѣришь его , что
онъ ихъ не знаетъ.

Ничто , ничто сокрышь Любeзныхъ
не могло!

На васъ и маска какъ стекло.

Прелестныя глаза Прелестныхъ об-
личающъ:

Подъ маскою они не менѣ сияющъ.

Взглянулъ — и сердце мнѣ

Сказало: вотъ онъ!

Д а р о в а н і я .

Враги Парнасскихъ вдохновеній,
Ума и всѣхъ его швореній!
Молчите, — скройшеса во мглу!
На лирѣ, Музамъ посвященной,
Лучемъ эфирнымъ озаренной,
Я буду имъ гремѣть хвалу.
Ошъ злобы адской шрепещише:
Ихъ слава естъ для васъ позорѣ.
Пѣвца и пѣснь его клянише!
Ужасенъ вамъ мой гласъ и взорѣ.

А вы, которымъ Фебъ прелестный
Льешъ въ душу огонь и свѣтъ небе-
сный!

Приблѣжшесь къ сердцу моему:
Оно любовью къ вамъ пылаешъ.
Одна печашъ на насъ сіяешъ:
Мы служимъ богу одному.
Для васъ беру злапую лиру:
Внимайте, милые друзья!
Подобно нѣжному зефиру
Въ вашъ слухъ проникнешъ пѣснь
моя. — —

Сердца не шаюшѣ, не пылаюшѣ;
 Попрѣбность, сила все рѣшишѣ...
 Едва желанья исчезаюшѣ,
 Предметѣ обьяшій позабышѣ.

Таковѣ былѣ родѣ людей неща-
 сшннй...

Но вдругѣ явился Фебѣ прекрасный
 Съ своею лирою златой,
 Съ лучемѣ небесныхѣ дарованій...
 И силой ихѣ очарованій
 Въ душахѣ разсѣялѣ мракѣ густой:
 Въ нихѣ искры чувства воспылали!
 Насталѣ другой для смертныхѣ вѣкѣ;
 Искусства въ мѣрѣ возсіяли:
 Родился снова человекѣ!

Возсталѣ, возрѣлѣ — и вся Природа,
 Отѣ звѣздѣ лазореваго свода
 До нѣдрѣ земныхѣ, морскихѣ пучинѣ,
 Предѣ нимѣ въ изящности явилась;
 Въ шайнѣйшихѣ связяхѣ обнажилась;
 Рекла: „будѣ мѣра властелинѣ!
 „Мои богатства предѣ шобою:
 „Хвали Творца — будѣ самѣ шворецѣ!“
 И смершннй гордою рукою
 Изѣ рукѣ ея прѣялѣ вѣнецѣ (*).

(*). Чувство *изящнаго* въ Природѣ разбудило
 дикаго человекѣ и промзвело Искусства, ко-

Гдѣ волны шумныхъ океановъ
 Во мракѣ бури и шумановъ
 Несутся съ ревомъ къ берегамъ;
 Гдѣ горы съ вѣчными снѣгами,
 Съ сѣдыми, дикими хребтами
 Главу возносятъ къ облакамъ;
 Гдѣ кедры, дубы вѣковые
 Отъ вихрей гнушя и скрипятъ;
 Лѣса угрюмые, густые
 То тихо дремлютъ, то шумятъ:

Тамъ Геній умственныхъ швореній
 Нашелъ источникъ вдохновеній,
 Нашелъ въ ужасномъ красоте,
 Въ живой картинѣ ихъ представилъ,
 И Бога грознаго прославилъ.
 Но шамъ, гдѣ нѣжныя цвѣты
 Отъ солнечныхъ лучей пестрѣютъ,
 Съ зеленой правкою сплещясь;
 Кристальны ручейки свѣтлѣютъ,
 Среди луговъ журча, вѣясь;

Гдѣ въ рощахъ, какъ въ садахъ Ар-
 миды,
 Порхаютъ рѣзвыя Сильфиды,

шорыя имѣли непосредственное вліяніе на
 общежитіе, на всѣ мудрыя законы его, на
 просвѣщеніе и нравственность. Орфей, Ам-
 фіоны были первыми учителями дикихъ
 людей.

И пшички хорами поюшѣ;
 Плоды древесѣ сіяюшѣ златомѣ,
 Зефиры вѣюшѣ ароматомѣ,
 Сѣ прохладой сладостѣ вѣ душу льюшѣ:
 Тамѣ онѣ Творца воображаешѣ
 Вѣ небесной благости Его,
 И гласомѣ тихимѣ изливаешѣ
 Восторги сердца своего.

Разсудокѣ, чувствомѣ пробужденный,
 Открылѣ порядокѣ неизмѣнный
 Во всѣхѣ подлунныхѣ существвахѣ;
 Во всѣхѣ явленіяхѣ чудесныхѣ,
 Вѣ бездушныхѣ шваряхѣ и словесныхѣ,
 Вѣ различныхѣ года временахѣ;
 Вѣ ничтожномѣ червячкѣ, вѣ былинкѣ
 Печашѣ премудрости узрѣлѣ;
 Вѣ ашомехѣ мершвыхѣ и вѣ песчинкѣ
 Слѣды величія нашелѣ.

Чѣмѣ глубже око пронизало,
 Тѣмѣ болѣ сердце обрѣшало
 Пріятныхѣ чувствѣ вѣ себѣ самомѣ:
 Любовь *моральная*, живая,
 Любовь чистѣйшая, свяшая,
 Мгновенно воспылала вѣ немѣ:
 Надежда, нѣжный страхѣ родились,
 И взорѣ сказалѣ: *твоя навѣкъ* (*).

(*) Надежда и нѣжный страхѣ суть дѣйствія
 благородной душевной любви, неизвѣстной

Сердца и руки сѣдинились —
Вкусилъ блаженство челоѡкѡ.

Отцы и дѣти обнялись (*);
Рѣкою слезы излилися
О жалкихъ, бѣдныхъ сиротахъ,
И слезы бѣдныхъ осушились;
Святыя жертвы воскурились
Благошворенію въ душахъ —
И ты, о дружба, даръ небесный!
Предстала съ крошостью своей;
Твой милый гласъ и взоръ прелестный
Утѣшилъ лучшихъ изъ людей!

Въ лѣсахъ явились верхограды;
При звукѣ лиръ воздвиглись грады,
И мудрость изрекла законъ:
„Жишь вмѣстѣ, вмѣстѣ наслаждаешься,
„Любишь добро и зломъ гнушаешься.“
Возсѣла *опытность* на пронѣ,
Творишь щасливыми народы,
Быть другомъ-Геніемъ земли;
И люди часъ златой свободы
Порядку въ жершву принесли (**).

дикимъ. *Языкѡ взоровѡ* есть также слѣд-
ствіе упомченной нравственности.

(*) Происхождение нравственной любви родите-
лей къ дѣтямъ и дѣшей къ родителямъ —
жалости, благошворенія, благодарности,
дружбы.

(**) Начало общежитія, законовъ, царской вла-
сти.

Ихъ прежде время угнешало:
 Теперь оно крылашымъ спало —
 Лешипъ, и сыплешъ имъ цвѣшы;
 Его --- *желанье* призываетъ,
 Его --- *надежда* озлащаетъ
 И красятъ розою мечшы.
 Труды забава усладила;
 Посредствомъ милыхъ Грацій, Музъ,
Пріятность съ пользой заключила
 Навѣки дружескій союзъ.

И шакъ хвала любимцамъ Феба!
 Хвала милѣйшимъ чадамъ Неба!
 Они шворенія вѣнецъ;
 Они мѣръ шемный просвѣшили,
 И въ садъ пустыню обрашили;
 Они пишаютъ огонь сердецъ,
 Какъ жрицы древле-чшимой Весты
 Пишали въ храмахъ огонь свяшой;
 Покровы Красоты ошверсны
 Для нашихъ взоровъ ихъ рукой.

Они безъ власти, безъ короны
 Даюшъ умомъ своимъ законы;
 Ихъ кисть, рѣзецъ, струна и гласъ
 Играюшъ нѣжными душами,
 Улыбкой, вздохами, слезами,
 И чувство возвышаюшъ въ насъ;

Любовь къ Изящному вливая,
 Изящность сообщающъ намъ;
 Добро Искусствомъ украшая,
 Велящъ его любишь сердцамъ.

Такъ Фидій Кодра воскрещаетъ,
 И въ юномъ воинѣ пылаетъ
 Огонь великихъ, славныхъ дѣлъ:
 Желанье подражанья Герою.
 Такъ кистью нѣжною, живою
 Сбираетъ прелести Апеллъ
 И пишетъ образъ Никофоры
 Въ примѣръ Невинности свяшой,
 Чшобъ юныхъ дѣвъ сердца и взоры
 Нашли въ немъ милый образъ свой.

Такъ голосъ, арфа Тимошеевъ
 Смягчаетъ варваровъ, злодѣевъ,
 И чувство въ хладный камень льетъ.
 Но кто, Поэзія свящая,
 Благаго Неба дщерь благая,
 Твою чудесность воспоешь?
 Ты всѣ Искусства замѣняешь;
 Ты всѣхъ Искусствъ глава, вѣнецъ;
 Въ себѣ всѣ прелести вмѣщаешь —
 Ты богъ чувствъ и вѣщальныхъ сердецъ.

Нашуры каждое явленье
 И сердца каждое движенье

Есть кисти своея предметъ;
 Какъ въ свѣшломъ, явшенномъ кри-
 спалъ

Являешь ты въ своемъ зеркалѣ
 Для глазъ другой прекрасной свѣшъ;
 И часо прелестъ въ подражаньи
 Милбе, чѣмъ въ Природѣ намъ:
 Лѣсокъ, цвѣшочикъ въ описаньи
 Еще пріятнѣ очамъ (*).

Ламберша, Томсона чипая,
 Съ рисункомъ подлинникъ сличая,
 Я мѣръ сей (**) лучшимъ нахожу:
 Тѣнь роши для меня свѣжбе,
 Журчанье ручейка нѣжнѣ;
 На все съ веселиемъ гляжу,
 Чшо Клейшъ, Делиль живописали;
 Спихи ихъ въ памяши храня,
 Гуляю, гдѣ они гуляли,
 И слѣдъ ихъ радуешъ меня!

(*) Всѣ прелести изящныхъ Искусствъ суть
 ничто иное, какъ подражаніе Naturѣ: но
 копія бываетъ иногда лучше оригинала —
 по крайней мѣрѣ дѣлаетъ его для насъ все-
 гда занимательнѣе: мы имѣемъ удовольствіе
 сравнивать.

(**) То есть, мѣръ физической, которой опи-
 сывали Томсонъ и Сп. Ламберъ въ своихъ
 поемахъ.

Картина нравственнаго свѣта
 Еще важнѣе для Поэта;
 Богатство понкихъ чувствъ, идей
 Онъ въ ней искусно разсыпаетъ;
Сердца для глазъ изображаетъ
 Живою кистію своею:
 Приливъ, ошливъ желаній спраш-
 ныхъ,
 Ихъ шѣни, пользу, сладкій ядъ;
 Рай свѣтлый, небо душъ прекрас-
 ныхъ,
 Порока вредъ и злобы адъ.

Кто милыхъ слезъ не проливаетъ,
 Какая грудь какъ воскъ не таетъ,
 Когда любимецъ крошкихъ Музъ
 Поетъ швое, Любовь, блаженство,
 Души земное совершенство,
 Двухъ пламенныхъ сердецъ союзъ,
 Одно другимъ благополучныхъ,
 Нашедшихъ вѣкъ златой въ себѣ,
 Въ несчастьи, въ смерти неразлуч-
 ныхъ,
 На зло и людямъ и судьбѣ?

„Для смертныхъ много бѣдъ ужас-
 ныхъ;
 „На каждомъ шагѣ зримъ несчаст-
 ныхъ;

„Но вѣрный, нѣжный другъ съ тобою :
 „Еще ты можешь щасливѣ бышь!“

И мечъ , поскою изощренный ,
 Къ унылой груди успремленный ,
 Безъ крови изъ руки падешъ ;
 Нещасный съ жизнію миришь ;
 Онъ бышь щасливымъ снова льспиш-
 ся ,
 И друга съ чувствомъ къ сердцу
 жмешъ. —

Такъ жизнь была мнѣ мукой ада ;
 Такъ я глазами измѣрялъ
 Пучину грознаго Левкада . . .
 О Сафѣ страшной размышлялъ . . .

Хотѣлъ . . . но другъ неопѣненной
 Своей любовію священной
 Меня въ семъ мірѣ удержалъ. — —
 Твой гласъ , Поэзія благая ,
 Героевъ добрыхъ прославляя ,
 Всегда число ихъ умножалъ.
 Ты въ Спарнахъ мужество питаешь ;
 Въ груди къ отечеству любовь
 Какъ огонь эфирный развѣваешь ;
 Гремишь . . . пылаешь славой кровъ!

Гремишь: „Къ оружію , Спаршане!
 „Возстанъше, вѣрные граждане!

Любишь свяшую добродѣшель.
 Ахъ! только надобно узнатьъ,
 Скольщасливѣ бѣдныхъ благодѣшель,
 Чшобъ имъ послѣднее отдашь! —

Когда жь съ сердечною слезою
 Поэтъ дрожащею рукою
 Снимаетъ съ слабоспей покровъ,
 Являя гибель заблуждений,
 Ведущихъ къ безднѣ преступлений,
 Змѣю подъ прелестью цвѣшовъ —
 Я въ духъ съ нимъ изнемогаю ...
 Ахъ! кто изъ насъ страшей не рабъ?
 Смотрю на небо, и взываю:
 „Спаси, спаси меня! я слабъ!“

Я слабъ, и слабого прощаю,
 Какъ брата къ сердцу прижимаю;
 Суди другой: спѣшу помочь. — —
 Чшо вижу? въ ужасъ Природа!
 Эфиръ лазореваго свода
 Зашьмила въ день густая ночь;
 Шумятъ лѣса, ярятся воды,
 И... зришель въ сердцѣ охладѣль:
 Злодѣй на сценѣ, врагъ Природы;
 Онъ въ ужасъ ешество привелъ —

Злодѣй, презрѣвшій всѣ уставы;
 Злодѣй, искавшій адской славы

Бичемъ невинныхъ - слабыхъ бышь,
 Слезами ихъ себя пишая.
 Напрасно Благоспъ всесвяшая
 Его хошбла просвѣпшишь,
 И казнь безумца оплагала!
 Онъ гласъ Ея пренебрегалъ.
 „И шакъ спрадай!“ она сказала,
 И Фурий адъ къ нему послалъ....

Глаза свирѣпыхъ засверкали;
 Злодѣю ужасы предспали:
 Въ его власахъ шипяшъ змѣи;
 При свѣшѣ факеловъ кинжалы (*)
 Предъ нимъ блистаютъ какъ зерцалы:
 Онъ видишъ въ нихъ дѣла свои!
 Бѣжитъ — себя не избѣгаешъ:
 Вездѣ съ собой, вездѣ злодѣи!
 Природа гнѣвная вѣщаетъ
 Ему: „спрадай: шы врагъ людей!“

Пресшупникъ, въ сердцѣ развращен-
 ный,
 Такою сценой устрашенный,
 Спѣшишъ сокрышья опъ очей;
 Но Трагикъ въ слѣдъ ему взываетъ,
 И эхо грозно повшораетъ:

(*) Известно, что Фурии изображаются съ факелами и съ кинжалами.

„Будь добрѣ — или сградай, зло-
дѣй!“ —

Я взорѣ печальный опвращаю;
Другой, любезнѣйшій предметѣ
Для сердца, чувства обрѣшаю:
Орфей безсмертіе поетѣ.....

И спонѣ нещасныхѣ умолкаешѣ,
И бѣдный слезы опираешѣ...
„Что жизнь? единый быспрый лучѣ:
„Сверкнешѣ, угаснешѣ — мы хладѣемѣ;
„Но съ шѣломѣ вѣ гробѣ не испѣдемѣ:
„Взойдешѣ свѣшило дня безѣ тучѣ
„Для насѣ вѣ другомѣ и лучшемѣ мѣрѣ;
„Тамѣ будешѣ щаспливѣ, щаспливѣ
вѣвѣкѣ
„И Царѣ чувствительный вѣ порфирѣ,
„И нищій-добрый человекѣ.

„Безсмертѣе, жизни сей опрада,
„За крапкостѣ дней ея награда!
„Твоя небесная печашѣ
„У смерпныхѣ на челѣ сіешѣ!
„Кшо чувствомѣ вѣчностѣ пости-
гаешѣ,
„Не можешѣ съ мигомѣ изчешѣ.
„Чей взорѣ Прирсду обнимаю,
„Открышѣ Творца вѣ швореньи могѣ,—
„Тебя, Премудростѣ всѣсвятая!
„Тотѣ самѣ бышѣ долженѣ полубогѣ.“

Въ спыдливомъ взорѣ дѣвъ священ-
ныхъ,
Въ чертахъ невинности молодой
И спарцевъ, жизнью ушружденныхъ,
Идущихъ въ вѣчность на покой;

Кто любитъ все Свое шворенье,
И съ чувствомъ жизни наслажденье
Соединилъ во всѣхъ сердцахъ;
Кто Эфемеровъ (*) примѣчаетъ,
Имъ пищу, радость посылаетъ
Въ росѣ и солнечныхъ лучахъ;
Кому служишь ешь — бышь щаспли-
вымъ,
Кого гнѣвишь — себя шерзашь,
Любишь ешь — бышь добролюбивымъ
И ближнихъ брашьями считаешь;

Кто насъ за гробомъ ожидаетъ,
И шамъ предъ нами оправдаешъ
Всѣ темные пупи Свои;
Покажешъ ясно... Умолкаю,
И съ шеплой вѣрою зываю:
„Опецъ! добро дѣла Твои!“ —
Се лиры важные предметы,
Се гимновъ слабый образецъ!
Они вовѣки будущъ пѣшы,
Вовѣки новы для сердецъ!

(*) Насѣкомыя, живуція шолько по-нѣсколь-
ку часовъ.

А вы, питомцы Музъ священныхъ,
 Въ своихъ швореніяхъ неплбнныхъ
 Вкушайте вѣчности залогъ!
 Прекрасно жишь въ вѣкахъ позднѣй-
 шихъ
 И бышь любовью душъ нѣжнѣйшихъ.
 Кто лирой пронухъ сердце могъ,
 Тотъ въ храмъ безсмертія спезю
 Хвалы сердечныя войдетъ;
 Попомство сладкою слезою
 Ему данъ чеспи принесетъ.

Вездѣ, во всѣхъ спранахъ вы чшимы,
 Душами добрыми любимы.
 Вражда невѣжды и глупца
 Блескъ вашей славы умножаетъ;
 Ядъ черной зависти шерзаетъ
 Ихъ злыя, хладныя сердца. —
 Таланшы сущъ для васъ богашство;
 Другимъ оставьте прахъ злашой:
 Святое Фебово собратство
 Сідетъ чувства красошой.

Сей идолъ въ капищѣ богашомъ,
 Сей огонь сверкающій надъ блашомъ
 Меня красою не прельститъ;
 Вы, вы краса, корона свѣша;
 Вы солнце въ мірѣ, не планеша,
 Въ кошорой чуждый лучъ блесшитъ.

Невѣжда золопымъ черпогомъ
 Своей души не озлашишь;
 А васъ и въ шалашѣ убогомъ
 Лучами слава озарить.

Пошомство скажетъ: „Здѣсь на лирѣ,
 „На сладкой арфѣ, въ сладкомъ мирѣ
 „Игралъ любезнѣйшій Поэтъ;
 „Въ сей хижинѣ, для насъ священной,
 „Велъ жизнь любимецъ Музъ почтен-
 ной;
 „Здѣсь онъ собою красилъ свѣтъ;
 „Здѣсь будемъ упрямъ наслаждаться,
 „Здѣсь будемъ солнце провожать,
 „Чищать Поэта, восхищаться,
 „И даръ его благословлять.“

Хотя не всѣ, не всѣ народы
 Къ дарамъ щастливѣйшимъ Природы
 Равно чувствительны душой;
 Различны Пѣснопѣвцевъ доли:
 Не всѣ восходятъ въ Капишолій
 Съ вѣнками на главѣ своей,
 При гласѣ шрубѣ, народномъ пле-
 скѣ (*) —
 Опъ насъ, увы! далекъ сей храмъ!

(*) Какъ на примѣрѣ, Петрарка. Такая же честь
 гоговилась Тассу; но онъ умеръ за нѣсколь-
 ко дней до назначеннаго торжества.

Поемъ вѣтѣни, при лунномъ блескѣ,
Подобно скромнымъ соловьямъ;

Но въ самомъ сѣверѣ угрюмомъ,
Подъ грознымъ Аквилонѣ шумѣ,
Есть люди — есть у нихъ сердца,
Которымъ игры Музъ пріятны,
Ошѣнки нѣжныхъ чувствъ понятны:
Отъ нихъ мы ждемъ себѣ вѣнца —
И если грудь красавицъ милыхъ
Въ любезной помноши вздохнешъ
Отъ нашихъ пѣсней, лиръ унылыхъ:
Друзья! намъ въ плескахъ нужды
нѣтъ!

Пусть вѣтры прахъ Пѣвцевъ раз-
вѣютъ!
Насъ вспомнятъ, вспомнятъ, пожа-
лѣютъ:
„Умолкъ Поэтовъ скромный гласъ!
„Но мы любезныхъ не забудемъ,
„Читайшь, хвалишь ихъ пѣсни будемъ;
„Ихъ имя сладостно для насъ!“
Друзья! что лучше, что славнѣе,
Какъ вѣки жить въ своихъ стихахъ?
Но то еще для насъ милѣе,
Что можемъ вѣки жить... въ серд-
цахъ!

Къ Алиѣ на смерть ея супруга.

Супругъ твой слишкомъ щастливъ
былъ :
Не могъ онъ жить въ подлунномъ
свѣтѣ ,
Гдѣ тайный Рокъ въ своемъ совѣтѣ
Сердца на горесть осудилъ ,
А щастью бышь велѣлъ мечшою.
Но кто нечаянной судьбою ,
Украдкой будетъ здѣсь блаженъ ,
Тому *вѣкъ розы* положенъ :
Какъ щастливъ я! едва лишь скажешь ,
Увянешь — и въ могилу ляжешь .
Начто ты Ангельской душой ,
Своей любовью , красою ,
Въ супругъ сердце восхищала ,
Его съ Безсмертными равняла ?
Когда бы жизнью онъ скучалъ
И смерть къ себѣ какъ друга звалъ ,
Тогда бы долго прожилъ съ нами ;
Тогдабъ сѣдыми волосами
Еще онъ . . . слезы опиралъ .
Гдѣ радость есть *Судьбы ошибка* ,
И гдѣ веселая улыбка

Бываетъ рѣдко не обманъ,
Тамъ онъ въ душѣ пивоей прелестной
Нашелъ *блаженства талисманъ*,
Земнымъ спрадальцамъ неизвѣстной;
Нашелъ — и смерть нашла его.
Твоей любовью упоенный,
Въ жару восторга своего
Ударомъ рока пораженный,
Щаспливецъ умеръ какъ заснулъ;
Въ минушу самая кончины
Еще отъ нѣжности вздохнулъ.
Ахъ! кто изъ насъ такой судьбины
Семи вѣкамъ не предпочтетъ?
Не время мило, наслажденье.
Одно щаспливое мгновенье
Не лучше многихъ скучныхъ лѣтъ?

Къ Лилѣ.

Ты плачешь, Лилеша?
Ахъ! плакала и я.
Смѣялась ты прежде,
Я нынѣ смѣюсь.
Мы оба другъ другу
Не должны ничѣмъ.
Есть очередь въ свѣшѣ,
Есть время всему;
Улыбка съ слезами
Въ сосѣдствѣ живешъ.
Ты прежде албла
Какъ роза весной;
Зефиры плѣнялись
Твоей красотой.
Я шакже плѣнился,
Надежду имѣвъ;
Мечталъ о блаженствѣ,
Спрадая въ душѣ!...
Болѣзнь миновалась,
И лѣта прошли
Любовныхъ мечпаній;
Я Лилу забылъ —

И вижу... о Небо!
 Что сдѣлалось съ ней?
 Всѣ алыя розы
 Морозъ умертвилъ.
 Гдѣ прежде Зефиры
 Шептали любовь,
 Подъ сѣнію миршовъ
 Таился Эрошъ
 И пальчикомъ нѣжнымъ
 Съ усмѣшкой грозилъ:
 Тамъ нынѣ все пусто!
 Твоя красота
 Угасла какъ свѣчка;
 Вспорхнула любовь
 И прочь улетѣла;
 Любовники въ слѣдъ
 За нею исчезли.
 Лилеша одна,
 И хочешъ отъ скуки
 Меня заманишь
 Въ старинныя сѣщи!
 Я въ сказкѣ чиналъ,
 Что нѣкогда боги
 Влюбились въ одну
 Прекрасную Нимфу:
 Юпитеръ и Марсъ,
 Непшунъ и Меркурій,
 И Бахусъ и Фебъ.
 Красоткѣ хошѣлось

Ихъ всѣхъ обманушь,
Украшишь рогами
Лбы вѣчныхъ боговъ.
Такъ, шакъ и случилось;
Одинъ за другимъ
Всѣ были рогашы.
Но время прошло;
Красавица спала,
Не шакъ хороша,
И боги сослали
Ее подъ луну,
Гдѣ Нимфа ошъ грусти
Годъ слезы лила,
А послѣ ошъ грусти
Слюбилась — увы! —
Съ рогашымъ Саширомъ.
Онъ былъ не брезгливъ,
И принялъ въ подарокъ
Обноски боговъ. —
Ты можешь быть Нимфой;
Но я не Сапиръ!

Выборъ жениха.

Лиза въ городѣ жила,
Но невинною была;
Лиза, Ангелъ красою,
Ангелъ нравомъ и душою.
Время ей пришло любить...
Всѣмъ любиться въ свѣтѣ должно,
И въ семнадцать лѣтъ не можно
Сердцу безъ другога жить.

Что же дѣлать? гдѣ искать?
И кому *люблю* сказать?
Развѣ въ свѣтѣ появишься,
Всѣхъ пльнишь, *однимъ* пльнишься?
Такъ и сдѣлала она.
Лизу люди окружили,
Лизѣ всѣ одно швердили:
„Ты прельщаешь насъ рождена!“

„Будь супругою моею!“
(Говоритъ богачъ ей)
„Всякой день шебѣ гошovy
„Драгоценныя обновы;
„Спанешь въ золотѣ ходишь;
„Ожерельями, серьгами,
„Разноцвѣтными парчами
„Буду милую даришь.“

Чшожь красавица въ отвѣтъ?
 Чшо сказала? *да иль нѣтъ?*
 Лиза шолько улыбнулась;
 Прочь пошла, не оглянулась. —
 Гордой баринъ ей сказалъ:
 „Будь супругою моею;
 „Будешь знашной Госпожею:
 „Знай, я *полный* Генераль!“

Чшожь красавица въ отвѣтъ?
 Чшо сказала? *да иль нѣтъ?*
 Генералу поклонилась,
 Только чиномъ не плѣнилась;
 Лиза... далѣе идешъ;
 Ищешъ, долго не находишъ....
 „Такъ она и вѣкъ проходишъ!“ ..
 Ошибаешься — найдешъ!

Лизѣ *Суженый* сказалъ:
 „Чиномъ я не Генераль,
 „И богатства не имѣю;
 „Но любишь тебя умѣю.
 „Лиза! будь навѣкъ моя!“ —
 Тужъ прекрасная вздохнула,
 На любезнаго взглянула,
 И сказала: *я твоя!*

Разлука.

(На голосъ: J'entends dans la forêt.)

Любя любимымъ бышь,
Всего для насъ милѣе;
Но съ милой розно жишь,
Всего, всего пошнѣе.
Чшо въ сердцѣ безъ *нее*!
Въ *ней* сердце находило
Все щастіе свое;
Безъ милой все не мило.

Гдѣ щастье? гдѣ *она*?
И день и ночь вздыхаю;
Ошрада мнѣ одна,
Чшо слезы проливаю.
Довольно... такъ и бышь
Когда, мой другъ, съ шобою
Не лзя шеперь мнѣ жишь,
Хочу я жишь съ шоскою.

Клятва и пресупленіе.

Хотѣлъ я не любить: чтожъ дѣлаю?
люблю!

Любя перзаюся, крушу себя, гублю!..
Но пользы нѣшъ въ слезахъ; слеза-
ми я не смою

Того, что злой Судьбѣ желѣзною
рукою

Угодно было начертать:

„Кокешкамъ торговашь сердцами,

„Мужьямъ ходишь съ рогами,

„А Плаксѣ (шо есть, мнѣ) бра-
нишь любовь словами,

„Но сердцемъ обожашь — вѣкъ,
вѣкъ!“ —

Увы! слабъ бѣдной человекъ!

Хоръ и куплеты, пѣтые въ Мар-
тинской (*) роцѣ друзьями по-
чтеннаго Хозяина, въ день имя-
нинъ Его.

Хоръ.

(На голосъ: *Ахъ пошли наши подружки.*)

Какъ шомъ щасливъ, кшо сердцами
Прямо, истинно любимъ;
Кшо не льсшивыми словами,
Но усердіемъ хвалимъ!

I.

(На голосъ: *заря утрення взошла.*)

Кшо Царями награжденъ,
Саномъ знатнымъ опличенъ
За достоинство прямое,
Въ томъ не щастіе слѣное,
Но заслугу люди чшутъ.

(*) Село Мартинъ, въ 30 верстахъ стѣ Москвы.

Хоръ.

Какъ шотъ щасливъ, кшо сердцамаи
— и проч.

2.

Кшо не шолько на войнѣ,
Но и вѣ мирной тишинѣ
Былъ согражданамъ полезенъ,
Тотъ ошечеству любезенъ,
Тотъ есть вѣрный патріотъ.

Хоръ.

Какъ шотъ щасливъ, — и проч.

3.

Кшо предъ прономъ вѣ духѣ швѣрдѣ,
Передъ нижшими не гордѣ,
Съ роднымъ искренно дружишя
И коварныхъ не страшишя,
Тотъ достоинъ всѣхъ похвалъ.

Хоръ.

Какъ шотъ щасливъ — и проч.

4.

Кшо среди заботъ и дѣлъ
Для семейсва живъ умѣлъ:
Быть щасливѣйшимъ супругомъ,
Для дѣшей отцомъ и другомъ,
Тотъ чувствительнымъ рожденъ.

Хоръ.

Какъ шотъ щасливъ — и проч.

5.

Кто покой Москвы блюдя,
 Часъ свободы находя,
 Любишь въ рощахъ прохлаждашься
 И съ друзьями забавляешься,
 Тотъ имѣешь нѣжной вкусъ.

Хоръ.

Какъ пошъ щасливъ — и проч.

6.

Дѣло дѣлать не всегда,
 И веселье не бѣда.
 Пѣсни намъ для щасья нужны;
 Музы съ Мудростію дружны —
 Имянинникъ! будь нашъ Фебъ!

Хоръ.

Какъ пошъ щасливъ — и проч.

7.

Праздникъ сей любезенъ намъ,
 Милъ домашнимъ и друзьямъ;
 Здѣсь и гости не чужіе;
 Здѣсь и гости какъ родные
 Веселятся всѣ съ тобой.

Хоръ.

Какъ пошъ щасливъ, кто сердцами
 Прямо, истинно любимъ;
 Кто не льстивыми словами,
 Но усердіемъ хвалимъ!

Куплеты (на тотъ же голосъ) въ
честь нѣжной Матери, пѣшыя
Ея милымъ семействомъ, въ уеди-
ненномъ и пріятномъ мѣстѣ, ко-
торое называется Ея именемъ:
Дарьинымъ.

Какъ пріятны тѣ мѣста,
Гдѣ Натуры красота
Въ простотѣ своей сіяетъ;
Гдѣ любовь изображаетъ
Имя милое Твое!

Хоръ.

Какъ шотъ щасливъ — и проч.

Прежде именемъ богинь
Украшался мракъ пустынь:
Имя Матери святѣе;
Имя *Дарьино* милѣе
Всѣхъ Гомеровыхъ имянь.

Хоръ.

Какъ шотъ щасливъ — и проч.

Здѣсь любезнѣйшую Машь
Будущѣ дѣши угощашь
Вѣ часѣ вечернїя прохлады;
Здѣсь любовь и дружба рады
Сѣ нею время проводишь.

Хоръ.

Какъ жожъ щасшливѣ — и проч.

4.

*На палецъ, которымъ Купидонъ
грозитъ.*

Награда скромности гонова:
Будь щасливъ — но ни слова!

5.

На руку.

Не вѣрь любовнику, когда его рука
Дерзка.

6.

На крыло.

Амуръ лешаетъ для того,
Чтобъ милую найти для сердца своего:
Нашедши, крылья оставляетъ —
Уже ему въ нихъ нужды нѣтъ —
Лешать позабываетъ
И съ милою живешъ.

7.

*На стрѣлу, которую Амуръ беретъ
въ руку.*

Спрашитель: проспрѣлю!
Но вы отъ раны не умрете;
Лишь шомно взглянете, вздохнете,
И скажете: люблю!

8.

На ногу.

Когда Любовь безъ ногъ? Какъ надобно
иши
Отъ друга милаго, сказавъ ему: *прости!*

9.

На спину.

Спою всегда лицомъ къ красавцамъ
молодымъ,
Спиною къ шарикамъ сѣдымъ.

Два сравненія.

1.

Что наша жизнь? Романъ. — Кто авторъ? Анонимъ.
Читаемъ по складамъ — смѣемся, плачемъ — спимъ.

2.

Что есть жизнь наша? сказка.
А что любовь? ея завязка;
Конецъ печальной иль смѣшной.
Родись, люби — и Богъ съ тобой!

Дурной вкусъ.

Никандръ! ты хвалишь мнѣ свой нѣж-
ной вкусъ напрасно;
Скажу я безприсрасшно,
Что вкусъ и грубъ и дуренъ у тебя:
Ты любишь самого себя!

Вопросы и ошвѣщья.

Что есть любишь?
Тужишь —
А равнодушнымъ бышь?
Не жишь.

Характеръ Нисы.

Для Нисы то бываетъ мило,
Что прежде было ей постыло;
А что шеперь для Нисы мило,
То скоро будетъ ей постыло.

Покой и слава.

„Спокойствіе дороже славы!“

Твердяшъ лѣнивые умы.

Нѣшъ, нѣшъ! они не правы;

Покоемъ не довольны мы:

Въ объятіяхъ его скучаемъ,

И прежде смерти умираемъ.

Жизнь наша шоль бѣдна,

Превратна, не вѣрна;

Дней ясныхъ въ ней такъ мало,

Такъ все мгновенно для сердецъ,

Что удовольствія и щасія начало

Есть удовольствія и щасія конецъ.

Чѣмъ бережно въ шѣни скрываетъ,

Бояшься шороха, бояшься вслухъ ды-

шашъ,

Единственно за шѣмъ, чшобъ жизнью

сучашъ

И смерти праздно дожидашъ:

Не лучше ль чтонибудь

Великое свершишь? Гремящей славы

пушь

Къ безсмертію ведешъ. Душа живешъ

дѣлами,

И наслаждается вѣками
 Въ геройскомъ подвигѣ своемъ.
 Парись съ орломъ подъ небесами,
 Сіяшь эфирными лучами,
 Сгорѣшь шамъ солнечнымъ огнемъ,
 Оставишь пепелъ намъ, милѣе для
 Героя,
 Чѣмъ духомъ онѣмѣшь въ ничто-
 жесствѣ покоя,
 И съ червемъ прахъ лобзашь, до-
 колъ Исполинъ,
 Рокъ, грозный смертныхъ вла-
 спелинъ,
 Его не раздавилъ Гигантскою спо-
 пою.—

Всѣмъ должно бышь землѣю:
 Ты, слабый человекъ!
 Какъ шѣнь, мелькая, исчезаешь;
 Но надпись о другомъ и въ самый
 дальній вѣкъ
 Гласишь: *прохожій стой! Героя поли-
 рась (*).*

(*) Переводъ славнаго Латинскаго надгробія:
 Sta, viator! Heroem calcas.

Исправленіе.

Пора, друзья, за умъ намъ взяшься,
Безпушство кинушь, живь пушёмъ.
Не вѣкъ за бабочкой гоняшься,
Не вѣкъ бышь рѣзвымъ мошылкомъ.

Безпечной юности ушѣха
Есть въ самомъ дѣлѣ спрашной грѣхъ
Мы часо плакали отъ смѣха:
Теперь оплачемъ прежній смѣхъ,

И другу, недругу закажемъ
Кого нибудь въ соблазнѣ вводить;
Прямымъ раскаянемъ докажемъ,
Что можемъ праведными быть.

Простите, скромные диваны,
Свидѣтели нескромныхъ сценъ!
Простите хитроспи, обманы,
Бѣда мужей, забава женъ!

Ошнынъ будетъ все иное:
Чтобъ спрогимъ людямъ угодить,

Мужей оставимъ мы въ покоѣ,
А женѣ начнемъ добру учить —

Не съ шѣмъ, чшобъ нравы ихъ ис-
править —

Такихъ чудесъ не лзя желать —
Но чшобъ красавицъ лишъ засшавишь
Ошъ скуки и шоски зѣвашь.

„Зѣвашь?“ — Конечно; въ наказанье
За наши общія дѣла.

Бывало... Прочь, воспоминанье!
Чшобъ снова не надѣлашь зла.

Искусство нравиться забудемъ,
И съ *лостнымъ* видомъ въ *мясоѣдъ*,
Среди собраній свѣшскихъ будемъ
Ругашь, какъ можно злѣе, свѣшъ;

Бранишь все шо, что сердцу мило,
Но въ чемъ сокрытъ для сердца вредъ;
Хвалишь, что грѣшникамъ посшло,
Но что къ спасенію ведешъ.

Memento mori (*)! велегласно
На балахъ спанемъ восклицашь,
И спшомъ смерши ежечасно
Любезныхъ вѣшреницъ пугашь. —

(*) То есть: *помни смерть*.

Какъ другъ вашъ споль перемѣнился,
Угодноль вамъ, друзья, спросишь?...
Сказашь ли правду?....Я лишился
(Увы!) способности грѣшишь!

Н е п о с ш о я н с ш в о .

Пусть щасье коловратно —
Не лъзя не знашь того;
Но мы еще спократно
Превратише его.

Все новаго желаемъ,
Отъ сшараго бѣжимъ,
И щасье презираемъ,
Когда знакомы съ нимъ.

Любя во всемъ измѣну,
Позволимъ же любить
И щасью перемѣну,
Чшобъ намъ, невѣрнымъ, мстишь!

Мысляшъ и немысляшъ.

Всѣ мысляшъ жишь, но не живушъ;
Не мысля умереть, умрушъ.

Надгробіе Шарлапана.

Я пылъ вѣ глаза пускалъ;
Теперь — я пылью спалъ.

Переменная цвѣща.

Вдругъ спалъ у Лины дурень цвѣшъ:
Конечно вѣ городѣ румянъ хорошихъ
нѣшъ!

Желаніе.

Какъ спранникъ, зноемъ ушомленный,
Въ шѣни желяетъ ошдохнуть :
Такъ бѣдный, скорбью изнурѣнный,
Желяетъ вѣчнымъ сномъ заснуть.

Тацитъ.

Тацитъ великъ; но Римъ, описанный
Тацитомъ,
Достоинъ ли пера его?
Въ семъ Римѣ, нѣкогда геройствомъ
знамениномъ,
Кромъ убійцъ и жертвъ не вижу ничего.
Жальшь объ немъ не должно:
Онъ споилъ люшихъ бѣдъ не-
щасья своего,
Терпя, чего шерпѣшь безъ подлости
не можно!

Къ Шекспирову подражателю.

Ты хочешь бышь, Глупонъ, Шекспировъ подражатель;
Выводишь для шого на сцену мясниковъ,
Башмашниковъ, поршнихъ, чудовищъ и духовъ.
Великій Александръ, земли завоеватель,
Для современниковъ былъ также образцомъ;
Но въ чемъ они ему искусно подражали?
Въ геройствѣ ли души? въ дѣлахъ?
ахъ, нѣшъ! не въ шомъ;
Но шею къ лѣвому плечу, какъ онъ, склоняли (*).
Что дѣлали они, шо дѣлаешь и ты:
Уродство видимъ мы; но гдѣ же красоты?

(*) См. Кв. Курц.

Куплеты изъ одной сельской Ко-
медіи, игранной благородными
Любителями Театра.

Хоръ земледѣльцевъ.

Какъ не пѣшь намъ? Мы щасшливы.
Славимъ барина-опца.
Наши рѣчи не красивы,
Но чувствившельны сердца.
Горожане насъ умѣе:
Ихъ искусство говоришь.
Что жь умѣемъ мы? Сильнѣе
Благодѣтелей любишь.

Сельской любовникъ.

Здѣсь сердца людей согласны
Съ ихъ нельспивымъ языкомъ,
Наши милыя прекрасны
Не раскрашеннымъ лицомъ,
А природными чершами;
Обманушь насъ не хопяшь
Ни глазами, ни словами:
Лишь по чувству говоряшь.

Дѣвушка.

Какъ намъ, дѣвушкамъ, ни больно
 Тайну сердца объявишь,
 Слово вылетишь невольно:
 Скажешь — поздно воропишь!
 Припворяться вѣкъ не можно;
 Всѣ мы созданы любвишь:
 Лишь держаться слова должно;
 Спѣшно, спѣшно измѣнишь.

Сельская любовница.

Я съ любовію играла
 И съ любовію росла;
 Съ нею горе я узнала,
 Съ нею щастіе нашла;
 И надѣюсь безъ искусства
 Сердце друга сохранишь;
 Вѣрность, жаръ и нѣжность чувства
 Мнѣ помогущъ милой бышь.

Городской житель.

Естьли въ городѣ имѣющъ
 Больше средствъ плѣнять мущинъ,
 Лучше здѣсь любить умѣющъ.
 Тамъ любовь есть цвѣтъ одинъ,
 Здѣсь любовь есть цвѣтъ съ плодами.
 Время нравиться пройдетъ,
 И кокешка съ сѣдинами
 Есть завялой пушоцвѣтъ.

Горожанка.

Тотъ живеть благополучно,
 Кто умѣеть жить въ другомъ.
 О себѣ лишь думаетъ — скучно;
 Щастье въ двухъ, а не въ одномъ.
 Кто же бабочкой лешаетъ
 Съ василька на василекъ,
 Тотъ любви еще не знаетъ;
 Кто любилъ, шотъ любитъ вѣкъ.

Горожанинъ.

Естьлибъ было въ нашей власти
 Вѣчно бабочкой лешать,
 Не дивился бы я спраси
 Съ шѣмъ любить, чтобъ разлюблять
 Время крылья подсѣкаетъ,
 И придется сиднемъ быть.
 Поздно вѣтреной узнаеть,
 Каково на вѣшеръ жить!

Госпожа.

Можно въ самомъ шумѣ свѣта
 Съ шихимъ седцемъ вѣкъ прожить,
 Свяшось брачнаго обѣта
 И невинность сохранить.
 Добродѣтель ушѣшаетъ,
 Спрасить къ раскаяню ведетъ.
 Пусть любовникъ насъ плѣняетъ:
 Щастье лишь супругъ даетъ.

Горожанка.

Ахъ! во мракѣ заблужденья
 Щасъе ложная мечша.
 Нѣшѣ для сердца наслажденья,
 Ешъли совѣсѣ нечисша.
 Чшо жена безѣ доброй славы?
 Мужу, дѣшямѣ вѣчной сшъдѣ.
 Какѣ ни дурны вѣ свѣшѣ нравы,
 Всякой добродѣшель чшишѣ.

Староста.

Женихамѣ, невѣсшамѣ должно
 Вѣ пѣснѣ правду обѣявишѣ.
 Вѣвѣкѣ прельщашъся не возможно:
 Чшо же можно намѣ? любитѣ.
 Сѣ другомѣ житѣ, не сѣ красосою;
 Будешѣ молодѣ не всегда.
 Кшо же милѣ душѣ душою,
 Вѣ шомѣ морщина не бѣда.

Бурмистръ.

Будемѣ житѣ, друзья, сѣ женами,
 Какѣ живали вѣ спарину.
 Худо намѣ бышѣ ихѣ рабами;
 Воля портишѣ лишѣ жену.
 Дома имѣ не посидишѣ;
 Все бы, все бы по гостямѣ.
 Эшо право не годишѣ;
 Приберише ихѣ къ рукамѣ.

Вакмистръ.

Нашъ бурмистръ несетъ пустое;
 Не указъ намъ шарина.
 Воля дѣло золошое,
 А законъ любовь одна.
 Руской созданъ прославляшья,
 Государю вѣрнымъ бышь,
 Пули, смерти не бояшья,
 И красавицамъ служишь.

Сорожанка.

Можетъ бышь не безъ причини,
 Ешьли правду говоришь,
 Вы бранише насъ, мущины;
 Но одни хошишелъ жишь?
 Вамъ даны Природой силы,
 Намъ искусство васъ ловишь;
 Мы другъ другу право миль —
 Будемъ споришь и любишь!

Пропей, или несогласія Спихо-
пворца.

(NB. Говорятъ, что Поэты не рѣдко
сами себѣ противорѣчатъ и перемѣ-
няютъ свои мысли о вещахъ. Сочини-
тель отвѣчаетъ:)

Ты хочешь, чшобъ Поэтъ всегда одно
лишь мыслилъ,
Всегда одно лишь пѣлъ: безумный че-
ловѣкъ!
Скажи, кто образы Пропеевы изчи-
слилъ?
Таковъ пишомецъ Музъ, и былъ и бу-
дешъ вѣкъ.
Чувствительной душѣ не сродно ль из-
мѣняться?
Она мягка какъ воскъ, какъ зеркало
ясна,
И вся Природа въ ней съ оштѣнками
видна.
Не лзя ей для себя *единою* казаться
Въ *разнообразіи* естественныхъ чудесъ.

Нимфѣ сельскихѣ хороводѣ, играю-
 щихѣ, поющихѣ,
 Тогда въ душѣ его рождающся мечты
 О *вѣкъ золотомѣ*, въ кошоромѣ людя
 жили
 Какѣ братья и друзья, пасли свои ста-
 да,
 Пишались ихѣ млекоми; не мысля ни-
 когда,
 Чшо есть добро и зло, *по чувству до-*
 бры были,
 А болѣе всего... рѣзвились и любили!
 Тогда онѣ съ Геснеромѣ свирѣлю
 своей
 Изѣ шума городовѣ зовешѣ въ поля
 людей.
 „Оставьше, говоривѣ, жилище скуки
 шомной,
 „Гдѣ все веселіе въ пришворствѣ со-
 стоишѣ;
 „Гдѣ вы находите единый ложный
 видѣ
 „Ушѣхи и забавѣ. Въ сѣни Природы
 скромной
 „Душевный сладкій мирѣ съ весе-
 лостью живешѣ;
 „Тамѣ щастье на лугу съ фіалками
 цвѣшешѣ,

„И смотришься въ ручей съ паспущ-
кою прекрасной.

„О щастьи въ городахъ лишь шолько
говорятъ,

„Не чувствуя его; въ селѣ объ немъ
молчатъ,

„Но съ нимъ проводятъ вѣкъ, какъ
день весенній ясной,

„Въ невинности злашой, въ сердечной
простошѣ.“

Когда жь глазамъ его явишься блескъ
Искусства

Въ чудесности своей и въ полной кра-
сотѣ:

Великолѣпный градъ, картина много-
людства,

Разнообразное движеніе спрасшей,
Подобныхъ бурному волненію морей,

Но дѣйствіемъ ума премудро согла-
шенныхъ,

И къ благу общества закономъ обра-
щенныхъ:

Театръ, гдѣ дѣйствуя лишь для себя
самихъ,

Невольню дѣйствуемъ для выгоды дру-
гихъ;

Машина хитрая, чудесное сцѣпленье
Безчисленныхъ колесъ; ума произве-

денье,

Но, не смотря на то, загадка для
 него!
 Тогда Пѣвецъ села въ восторгѣ уди-
 вленья,
 Забывъ свирѣль, берещъ для гимна
 своего
 Злашую лиру, пѣшь успѣхи просвѣ-
 щенья:
 „Что былъ ты, человекъ, съ Приро-
 дою одинъ?
 „Ничтожный рабъ ея, живущій боя-
 зливо.
 „Лишь въ обществѣ ты сталъ При-
 роды властелинъ,
 „И въ первый разъ взглянулъ на небо
 горделиво,
 „Взглянулъ и прочиталъ тамъ сла-
 вный жребій свой:
 „*Быть въ мѣръ семь царемъ, творенія*
главой.
 „Лишь въ обществѣ душа своя *себѣ*
сказалась,
 „И сердце начало съ сердцами гово-
 рить;
 „Одна во слѣдъ другой идея развива-
 лась,
 „И скоро обняла вселенную ихъ нить.
 „Въ Аркадіи своей ты былъ съ звѣ-
 рями равенъ,

„Но шопъ, кшо былъ всегда примъ-
 ромъ для людей,
 „Среди безчисленныхъ опасныхъ пре-
 шкновений
 „Какъ мраморный колоссъ незыблемо
 стоялъ,
 „Спезею правды шелъ во мракъ за-
 блуждений,
 „Сражался съ каждымъ зломъ, сра-
 жаясь побѣждалъ.
 „Такъ кормчій посреди морей необо-
 зримыхъ
 „Безъ страха видишь гробъ *волнистый*
 предъ собой
 „И слышишь грозный ревъ пучинъ
 неизмѣримыхъ;
 „Тамъ гибельная мѣль, здѣсь камни
 подъ водой:
 „Но съ каршою въ рукахъ, съ магни-
 сомъ предъ очами,
 „Пловецъ въ душѣ своей смѣется надъ
 волнами,
 „И къ присхани спѣшитъ, гдѣ ждетъ
 его покой.“ —

Въ сей хижинѣ живешь питомецъ Эпи-
 клеша,
 Который, истребивъ чувствитель-
 ность въ себѣ,

Надежду и боязнь, престалъ служить
 Судьбѣ
 И бытъ ея рабомъ. Сія царица свѣта
 Опнѣшь, ни дашь ему не можешь ни-
 чего:
 Ничто не веселишь, не трогаешь его;
 Онъ ко всему гошовъ. Представъ ко-
 нецъ вселенной:
 Небесный сводъ прещишь; огромные
 шары
 Лешаешь съ своихъ осей; въ развали-
 нахъ міры...
 Симъ спрашнымъ зрѣлищемъ мудрецъ
 не успрашенной
 Покойно бы сказалъ: „миѣ время оп-
 дохнушь,
 „И въ гробъ Ешества сномъ вѣчно-
 сти заснушь!“
 Поэшь предъ нимъ свои колѣна пре-
 клоняешь,
 И полубога въ немъ на лирѣ просла-
 вляешь.
 „Великая душа! что міръ сей предъ
 тобой?
 „Горсишь пыльные земли. Кшо повели-
 шель швой?
 „Самъ Богъ — или никшо. Ты нужды
 не имѣешь
 „Въ подпорѣ для себя: шверда сама
 собой.

„Безъ счастья бышь всегда счастливою
умбешь,

„Умбѣ презирашь ничтожный блескъ
его;

„Оно безъ глазъ, а ты безъ глазъ и
для него:

„Смѣешься иль грозишь, не видишь
ничего.

„Пусть карлы будутъ имъ велики или
славны:

„Обманчивый призракъ! ихъ слава
звукъ пусшой;

„Въ величїи своемъ они съ землею
равны;

„А ты равна ли съ чѣмъ? съ единою
собой!“

И шю жъ кисшю, съ шѣмъ самымъ
же искусствомъ

Сей нравственный Апелль распишетъ
слабость вамъ,

Для Сшюиковъ порокъ, но сродную
сердцамъ

Зависимыхъ существъ, рожденныхъ
съ нѣжныхъ чувствомъ...

Ахъ! *слабость жить мечтой*, ошъ Рока
ожидашь

Всего, что мыслямъ льстишь, — *на-*
дѣваться, болтаться,

Ошъ удовольствїя и сшраха шрене-
пашь,

- Слезами радости и скорби обли-
вашься!..
- „Хвалишься, мудрецы, безстрастиемъ
своимъ,
- „И будьте камнями на зло самой При-
родѣ!
- „Чувствительность! люблю я быть
рабомъ своимъ;
- „Люблю предпочитать зависимость
свободѣ,
- „Когда зависимость есть дѣйствіе
свое,
- „Свобода жь дѣйствіе холодности
безпечной!
- „Кому пойду открышь спрдаіе мое
- „Въ часѣ люшья шоски и горести
сердечной?
- „Тебѣ ль, Зенонѣ? чшобѣ ты меня
лишь осудилъ,
- „Сказавъ, что виненъ я не властвую
собою?
- „Ахъ! кто нещастія въ сей жизни
не вкусилъ,
- „Кто не былъ никогда перзаемъ злой
судьбою
- „И слабостей не зналъ, въ шомъ со-
жалѣнья нѣтъ;
- „И рѣдко человекъ, который вѣчно
швердѣ,

- „Бываетъ не жестоко. Я къ вамъ пой-
ду съ слезами,
„О нѣжныя сердца! вы плакали и сами;
„По чувству, опыту извѣстна горечь
вамъ.
„Къ спрадавшимъ спраждущей довѣ-
ренность имѣешь;
„Кто падалъ, пошъ другихъ поддер-
живаешь умѣешь.
„Мы вмѣстѣ воскуримъ моленій өи-
міамъ...
„Молитва общая до Вышняго догодна;
„Молитва общая дѣшею Ощущу угодна..
„Онѣ исполненіе съ любовью изречешь;
„Зефиръ съ небесъ для насъ вѣшь
сладкую снесешь;
„Опчаянія мракъ надеждой озарится,
„И мершвыи кипарисъ чудесно рас-
цвѣтеть;
„Кто былъ несчастливъ, вдругъ отъ
щастья прослезится.,,

Богатство, санъ и власть! не ищешь
вашъ Поэтъ;
Но бышь хощя на часъ предметомъ
удивленья
Милбе для него земнаго поклоненья
Безчисленныхъ рабовъ. Ему вѣнокъ
просхой

Дороже, чѣмъ вѣнецъ блистательной
 злашой.
 Съ какою жь ревностью онъ Славу
 прославляетъ,
 И цѣмъ, что любитъ самъ, сердца
 другихъ пѣняетъ!
 Съ какою ревностью онъ служилъ
 эхомъ ей,
 Гремящій звукъ ея вѣкамъ передавая!
 Сынъ Фебовъ былъ всегда хранитель
 оларей,
 На коихъ, память душъ великихъ
 обожая,
 Попомство иміамъ безсмертію ку-
 рилъ.
 „Все славно въ мірѣ семъ, жизнь
 смертныхъ скоропечна,
 „Минушны радости, но слава долго-
 вѣчна:
 „Живите для нее!“ въ восторгѣ онъ
 гласилъ:
 „Достойна жизни цѣль, достойна
 жерствъ награда.
 „Мудрецъ! ищи ее, шрудаясь во шнѣмъ
 ночей:
 „Да искрой истины возженная лам-
 пада
 „Освѣтитъ рядъ вѣковъ, и будетъ
 для людей

- „Источникомъ отрадъ! Творецъ бла-
гихъ законовъ!
„Трудись умомъ своимъ для щастья
милліоновъ!
„Опдай опечеству себя и жизнь,
Герой!
„Для васъ покоя нѣтъ; но есть по-
шомство, слава;
„Исторія для васъ подѣмлетъ гри-
фель свой.
„Вы жершвой будете всемірнаго
устава,
„Низъидете во гробъ, но шолько для
очей:
„Для благодарныхъ душъ дни ваци
безконечны;
„Послѣдствіемъ своимъ дѣла и разумъ
вѣчны:
„Сатурнъ не можетъ ихъ подсѣчь ко-
сой своей.
„Народы, коихъ вы рожденія не зрѣли,
„Кошорыхъ нѣтъ еще шеперь и колы-
бели,
„Васъ будущъ знашь, любить, усер-
дно прославляшь,
„Какъ Геніевъ земли считашь полу-
богами,
„И клясья вашими свяшыми име-
нами!“

Такъ свойственнo Пѣвцу о славѣ вос-
 пѣвашь ;
 Но часто видя, какъ сердца людей
 коварны,
 Какъ души низкія все любящъ уни-
 жашь,
 Какъ души слабыя въ добрѣ неблаго-
 дарны,
 Онъ въ горести гласишъ: „О слава!
 шы мечша,
 „И лишь вдали швои призраки свѣто-
 зарны ;
 „Теряется вблизи ихъ блескъ и кра-
 соша.
 „Могу ли ошѣ шого я бышъ благопо-
 лученѣ,
 „Что скажешъ обо мнѣ народная молва?
 „Щастливо ль сердце шѣмъ, что въ
 лаврахъ голова ?
 „Великій Александръ себѣ былъ въ
 славѣ скученѣ,
 „И въ чашѣ Вакховой забвенія ис-
 калъ (*).
 „Хвалы Орашоровъ Аѣинскихъ онѣ
 желалѣ ;
 „Но острые умы его пересмѣхали :

(*) Извѣстно, что Александръ излишно любилъ
 вино.

- „Въ Аѳинахъ храбреца безумцемъ на-
зываютъ.
- „Ахъ! люди шаковы: въ божествен-
ныхъ душахъ
- „Лишь смошряшъ на порокъ, изящ-
наго не видяшъ;
- „Великихъ любяшъ всѣ... въ рома-
нахъ, на словахъ,
- „Но въ свѣшъ часто ихъ сердечно не-
навидяшъ.
- „Для щасія вѣковъ прудись умомъ
своимъ:
- „Въ награду прослынешъ мечшашелемъ
пустымъ;
- „Будь мудръ, и жди себѣ однихъ на-
смѣшекъ злобныхъ.
- „Глупцамъ пріятнѣе хвалишь себѣ по-
добныхъ,
- „Чѣмъ умныхъ величашъ; глупцовъ
же полонъ свѣшъ.
- „Но справедливость намъ потомство
отдастъ!...
- „Нещасный! что тебѣ до мнѣнія по-
помковъ?
- „Среди могилъ, косшей и гробовыхъ
обломковъ
- „Не будешь чувствовашъ, что ска-
жутъ о тебѣ.—
- „Безуменъ славы рабъ! безуменъ, кто.
Судьбѣ

„За сей *кивальный* звонъ отдастъ
 изъ доброй воли
 „Спокойствіе души, блаженство пи-
 хой доли!
 „Не знаешь счастья, не знаешь пошъ
 людей,
 „Кшо сшавишь ихъ хвалу предметомъ
 жизни всей!“ —

Но въ чемъ сынъ Фебовъ такъ съ
 собою несогласенъ,
 Какъ въ пѣсняхъ о любви? шо ща-
 сшіе она,
 То въ сердце нѣжное на муку вселена;
 То миль ея законъ, шо гибеленъ, ужа-
 сенъ.
 Любовь еснь прелестъ, жизнь чув-
 ствительныхъ сердець;
 Она жь въ Поэзіи начало и конецъ.
 Любви обязаны мы первыми стихами,
 И Феба безъ нее не зналъ бы чело-
 вѣкъ.
 Прощаясь съ ея эфирными мечтами,
 Поэтъ и съ Музами прощается на-
 вѣкъ —
 Или стихи его перяютъ цвѣтъ и
 сладость;
 Злашее время ихъ еснь шолько наша
 младость.

Внимай: Эрошовъ другъ съ веселиемъ
 поешъ
 Щасливую любовь: „Какъ солнце кра-
 ситъ свѣтъ
 „И мѣръ физическій огнемъ одуше-
 вляешъ,
 „Такъ мѣръ чувствительный любовію
 живешъ,
 „Такъ нѣжный огонь ея въ немъ душу
 согрѣваетъ.
 „Она и жизнь даешъ, она и жизни
 цѣль;
 „Училищемъ ея бываешъ колыбель,
 „И въ самой старости, у самых мо-
 гилъ
 „Ея безцѣнные воспоминанья милы.
 „Когда для тайныхъ чувствъ своихъ
 предметъ найдемъ,
 „Тогда лишь прямо жить для щастія
 начнемъ;
 „Тогда узнаемъ мы свое опредѣленіе.
 „Какъ *первый* человекъ нечаянно вку-
 сивъ
 „Плодъ сочный, вдругъ и гладъ и жа-
 жду ушопивъ,
 „Увѣрился, что есть *потребность*, на-
 слаждение,

- „Узналъ ихъ связь, предметъ (*): такъ
люмый человекъ,
„Любящій въ первый разъ, увѣренъ
въ томъ душою,
„Что созданъ онъ любить, жить съ
милою своею,
„Составить съ ней одно. — или по-
мишья вѣкъ.
„Блаженная чета!.. какая кисть опи-
шетъ
„Томъ радостный воспоргъ, когда
любовникъ слышетъ
„Слова: люблю! твол!... одинъ сей рай-
скій мигъ
„Завиднѣе сна лѣшъ, щасливо про-
веденныхъ
„Безъ горя и бѣды, въ избыткѣ благъ
земныхъ!
„Все мило для сердецъ, любовью упо-
енныхъ;
„Гдѣ шерніе другимъ, шамъ розы имъ
цвѣшущъ.
„Въ пущынѣ ль, въ нищешъ ль лю-
бовники живутъ,
„Для нихъ равно; вездѣ, во всемъ
судьбой довольны.
„Неволя самая имъ кажешья легка,

(*) См. въ Бюффонѣ чувспива перваго человекъ.

- „Когда и въ ней оми любишь другъ
друга вольны.
- „Ахъ! жертва всякая для нѣжности
сладка.
- „Любовь въ шерпѣнии находишь ушѣ-
шенье,
- „И въ вѣрности своей за вѣрность
награжденье.
- „Надъ сердцемъ милымъ влась милѣ
всѣхъ властей.
- „Вздыхаешь иногда и лучший изъ Царей:
„Всегда ли можешь онъ намъ власію
своею
- „Блаженство даровать? Въ любви жъ
всегда мы ею
- „И сами щасливы, и щасіе даемъ,
„Словами, взорами, слезой, улыбкой, —
всѣмъ.
- „Минуша съ милою естъ вѣчность на-
слажденья,
- „И вѣкъ покажешь минушой восхи-
щенья!“

Такъ онъ поетъ — и вдругъ, унизивъ
голосъ свой,
Изъ шихо - нѣжныхъ струнъ дрожащею
рукой
Иные звуки онъ для сердца извле-
каешь....

Ахъ! звуки горести, поски! Мой слухъ
внимаетъ:

„Я вижу юношу примѣрной красоты;

„Любовь, сама любовь его образовала;

„Она ему сей взоръ небесный даровала,

„Сии прелестныя любезности черты.

„Для счастья созданъ онъ, конечно бѣ
вы сказали;

„Но поменъ видъ его, и черный крепъ
печали

„Темнишь огонь въ глазахъ. Онъ мед-
ленно идетъ

„Искашь, не алыхъ розъ среди луговъ
весеннихъ—

„И льшо прошекло; цвѣшовъ нигдѣ
ужь нѣтъ—

„Но горестныхъ каршинъ и ужасовъ,
осеннихъ

„Въ унылыхъ рощахъ, гдѣ валился жел-
тый листь

„На желшюю праву, гдѣ слышенъ вѣ-
шровъ свистъ

„Между сухихъ деревьевъ; гдѣ льшомъ
пшички пѣли,

„Но гдѣ уже давно ихъ гнѣзда охладѣ-
ли.

„Тамъ юноша спойтъ надъ шумною
рѣкой;

„И зря печальный гробъ Нашуры предъ
собой,

„Такъ мыслишь: прежде все здѣсь жи-
ло, зеленѣло,

„Цвѣло для глазъ; теперь уныло, по-
мертвѣло! . .

„И я душою цвѣлъ, и я для счастья
жилъ:

„Теперь навѣкъ увялъ, и съ счастьемъ
простился!

„На чтожь мнѣ жизнь? сказалъ. . . въ
волнахъ рѣки сокрылся. . .

„О нѣжныя сердца! сей юноша любилъ;

„Но милый другъ ему коварно измѣ-
нилъ! . . .

„Хошите ли змѣю подъ алой розой ви-
дѣшь;

„Хошите ль жизнь и свѣтъ душой воз-
ненавидѣшь,

„И въ сердцахъ собственномъ найши
себѣ врага:

„Любите! . . . скоро прахъ вашъ будетъ
подъ землёю:

„Ахъ! жизнь чувствительныхъ не мо-
жетъ быть долга!

„Любовь для нихъ есть ядъ: воспор-
гомъ и поскою

Она мерзвиль сердца; воспоргъ есть
мигъ — пройдешь,

„Но душу ошъ другихъ благъ въ мирѣ
опвращаетъ:

„Все будешъ скучно ей — шоска же въ
ней живешъ

„Какъ люшая змѣя; всегда, всегда пер-
заешъ.

„Измѣна, вѣтреносшь, коварство,
злой обманъ...

„Кому изчислишь всѣ причины огор-
чений,

„Всѣ] бѣдствія любви? ихъ цѣлый
океанъ,

„При каплѣ, можешъ бышь, сердеч-
ныхъ наслажденій.

„Когда увидише спраданія чершы

„И блѣдносшь шомную цвѣщуюй кра-
сошы,

„Ахъ! знайте, что любовь шамъ душу
изнуряешъ.

„Кино жь щаспливымъ себя любовью
почитаешъ,

„Тотъ пѣнемъ Сиренъ на время усы-
плѣнъ,

„Но шѣмъ несчастнѣе проснувшись
будешъ онъ!“ —

Противорѣчій сихъ въ порокъ не дол-
жно спавишь

Его Императорскому Величеству,
АЛЕКСАНДРУ I, Самодержцу
Всероссійскому, на восшествіе
Его на престолъ.

Россіи Императоръ новый!
На пронѣ будь благословенъ.
Сердца пылашь Тобой гошовой;
Надеждой духъ нашъ оживленъ.
Такъ милья весны явленье
Съ собой приносишь намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы;
Сердца съ природой расцвѣтающъ,
И плодъ во цвѣтѣ предвкушающъ.
Весна у насъ, съ Тобою мы!

Какъ Ангелъ Божій Ты сіяешь
И благосшью и красошю,
И съ первымъ словомъ обѣщаешь
ЕКАТЕРИНИНЪ вѣкъ злашю,
Дни щасшя, веселья, славы,
Когда премудрые ушавы
Внушри хранили нашъ покой,
А внѣ Россію прославляли;
Граждане мирно засыпали,
И гражданинъ же былъ герой —

Когда Монаршими ушпами
 Вѣщала милость къ намъ одна,
 И правила людей сердцами;
 Когда и самая вина
 Не рѣдко ею отпускалась,
 И власть Монаршая казалась
 Намъ властію любви одной.
 Какое сердцу услажденье
 Имѣшь къ Царямъ повиновенью
 Изъ благодарности свяшой!

Се Твой обѣщъ, о Царь Державный,
 Сильнѣйшій изъ Владыкъ земныхъ!
 Ахъ! Россы вѣрностію славны,
 И вѣнценосецъ святъ для нихъ.
 Любимый и любви достойный,
 На пронѣ Опческомъ спокойный,
 Бреги Ты громы для враговъ,
 Рази единое злодѣйство;
 Россія есть Твое семейство:
 Среди насъ Ты среди сыновъ.

Воспишанникъ ЕКАТЕРИНЫ!
 Тебя Господь Россіи далъ.
 Ты урну наша судьбины
 Для дѣлъ великихъ воспріялъ:
 Еще ихъ много въ ней хранишь,
 И духъ мой сладко веселишь,

Предвидя ихъ блестящій рядъ!
Сколь жребій Твой, **МОНАРХЪ**, ошли-
ченъ!

Предѣлъ добра неограниченъ;
Ты можешь все — еще Ты младъ!

Уже воинской нашей славы
Исполненъ весь обширный свѣшъ;
Предъ нами падали Державы;
ЕКАТЕРИНИНЫХЪ побѣдъ
Вѣнки и лавры не увянушъ;
Потомство, вѣки не преспанушъ
Ея Героевъ величать:
Румянцева искуснымъ, славнымъ,
Суворова — себѣ лишь равнымъ;
Сражашся, было имъ — карашъ.

Давно ль еще, о незабвенный
Суворовъ! съ горстію своихъ
На Альпы Марсомъ вознесенный,
Бросалъ ты громъ съ вершины ихъ,
Который, въ безднахъ раздаваясь,
И горнымъ эхомъ повворяясь,
Гиганшовъ дерзосныхъ разилъ?
Ты богомъ ужаса являлся!...
Тебѣ міръ низкимъ показался,
И ты на небо воспарилъ.

МОНАРХЪ! довольно лавровъ славы,
Довольно ужасовъ войны!

Броды Россійскія Державы
 Тебѣ для щастья вручены.
 Ты будешь Геніемъ покоя;
 Въ Тебѣ увидимъ мы Героя
 Дѣлъ мирныхъ, правоты святой.
 Возьми — не мечъ, — вѣсы Ѡемиды,
 И бѣдный, не спрашась обиды,
 Найдешь безъ злапа вѣкъ злашой.

Когда не всѣ законы ясны,
 Ты намъ ихъ разумъ изъяснишь;
 Когда же въ смыслѣ не согласны,
 Ты ихъ премудро согласишь.
 Законъ бытъ долженъ какъ зеркало,
 Гдѣ бѣ солнце истины сіяло
 Безъ всякихъ мрачныхъ облаковъ.
 Великъ, какъ Богъ, законодатель;
 Онъ мирныхъ обществъ основатель,
 И благодѣтель всѣхъ вѣковъ.

МОНАРХЪ! еще другія славы
 Достоинъ Твой пресвѣтлый пронъ:
 Да царствуютъ благіе нравы!
 Примѣръ Двора для насъ законъ.
 Развратъ, спыдомъ запечашлѣнный,
 Въ чертогахъ у Царя презрѣнный,
 Бываетъ нравовъ шоржешвомъ;
 Царю придворный угождая,

И добродѣтель обожая,
Для всѣхъ послуживъ образомъ.

Есть родъ людей, Царю опасный:
Ихъ рѣчи какъ Идійскій медъ;
Улыбки милы и прекрасны;
По виду — ихъ добрѣ нѣшъ.
Они всегда хвалишь гошovy,
Всегда хвалы ихъ шонки, новы;
Имъ имя — хитрые льщецы;
Снаружи Ангеламъ подобны,
Но въ сердцахъ ядовиты, злобны,
И въ козняхъ адскихъ мудрецы.

Они опечесства не знаютъ;
Они не любятъ и Царей,
Но бышь любимцами желаютъ;
Корысть ихъ богъ: лишь служатъ ей.
Имъ доступъ къ шрону заградися;
Твой слухъ вовѣкъ не обольшинся
Коварной, ложной ихъ хвалой.
Ты будешь окруженъ друзьями,
Россіи лучшими сынами;
Опечесство одно съ Тобой.

Довольно Патріотовъ вѣрныхъ,
Гошовыхъ жизнь ему отдашь,
Друзей добра нелицемѣрныхъ,
Могущихъ истину сказашъ!

У насъ *Пожарскіе* сіяли,
 И *Долгорукіе* дерзали
 ПЕТРУ отъ сердца говоришь;
 Великій соглашался съ ними,
 И звалъ ихъ братьями своими. —
 МОНАРХЪ! Ты будешь насъ любишь!

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья—
 Наукой щасливъ человекъ—
 И блескомъ Твоего правленья
 Осыпанъ будешь новый вѣкъ.
 Се Музы, къ шрону приснупая,
 И черный крепъ съ себя снимая,
 Твоей улыбки милой ждушъ!
 Онъ сердца людей смягчающъ;
 Онъ жизнь нашу услаждающъ,
 И добраго Царя поющъ!

На торжественное коронованіе Его
Императорскаго Величества
АЛЕКСАНДРА I, Самодержца
Всероссійскаго.

Il en est des grands Souverains comme des Dieux. Comblés de leurs bienfaits, nous n'avons pas pour eux des récompenses, mais nous avons des hymnes. — *Thomas.*

Россія! торжествуй со славой!
Се юный Царь, краса людей,
Пріялѣ вѣнецѣ и скиптрѣ съ державой,
Чтобѣ быль примѣромѣ для Царей!
Возстанѣ, ликуй, народѣ великій!
Ближай, веселіе сердецѣ!
Любовью опданѣ сей вѣнецѣ
Гремите, радостные лики:
„МОНАРХЪ и подданный Его
„Вѣ душѣ желаютѣ одного!“

Сколь трудно править самовластно
И Небу лишь отчета давать!

Но сколь велико и прекрасно
 Дѣлами Богу подражать!
 Его вельнѣямъ нѣшѣ препоны;
 Но Онъ шворя благшворищѣ.
 Онъ можетъ все, но свяшо чшишѣ
 Его жѣ премудросши законы —
 И Фебѣ вѣ сїяніи своемъ
 Течешѣ всегда однимъ пушемъ.

МОНАРХЪ Россіи, полусвѣта!
 Ты Самъ Себѣ вѣ добрѣ законѣ.
 Другой, вѣ Твои младыя лѣта
 Возсѣвѣ на велелѣпный Тронѣ,
 Хощѣлѣ бы роскоши цвѣтами
 Свой пушь блестящій успишашѣ
 И дни забавами счишашѣ;
 Но Ты священными прудами.
 Какъ будшо плашишь намъ за власть;
 Вѣ Тебѣ одна ко благу спрашѣ.

Короны блескомъ ослѣпленный,
 Другой вѣ подвласныхъ зришѣ — ра-
 бовѣ;
 Но Ты, душою просвѣщенный,
 Не шерпишь спука ихъ оковѣ;
 Тебѣ одна любовь прелесшна:
 Но можно ли рабу любишь?
 Ему ли благодарнымъ бышь?
 Любовь со спрахомъ не совмѣсна;

Душа свободная одна
 Для чувствъ ея сошворена.

Сколь необузданность ужасна,
 Споль ты, свобода, намъ мила,
 И съ пользою Царей согласна;
 Ты вѣчно славой ихъ была.
 Свобода памъ, гдѣ есть ушавы,
 Гдѣ добрый не боясь живешъ;
 Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣшъ,
 Гдѣ гибнешъ правый и неправый!
 Свобода мудрая свяша,
 Но равенство одна мечша.

Пріятна зрѣнію картина
 Различною игрой цвѣшовъ;
 Для глазъ печальна та равнина,
 Гдѣ нѣшъ ни холмовъ, ни лѣсовъ.
 Сей дубъ, Природой вознесенный,
 Для низкихъ древъ не есть ли щипъ?
 Пусть буря грозная свисшишъ:
 Миршъ слабый, дубомъ осѣненный,
 Расшетъ покойно и цвѣшетъ —
 Такъ въ обществѣ народѣ живешъ.

МОНАРХЪ! Ты ясными чертами
 Права гражданства раздѣлилъ;
 И зрѣлой мудрости плодами
 Ушѣшилъ насъ — и удивилъ.

Ты крашкимъ временемъ правленья
 Умѣль сердца навѣкъ пѣвнишь.
 Уже спокойно можемъ жить
 По волѣ рока, Провидѣнья, —
 Невинныхъ радостей искашь
 И щастье въ мѣръ избирашь!

Покой стихія чловѣка:
 И Ты успѣлъ намъ дать его!
 Ахъ! многіе Цари, полѣвка
 Владѣвъ, не сдѣлали шого.
 Ты дни дарами блага числишь,
 Какъ древле мудрый Антониъ;
 Довольны всѣ — но Ты одинъ
 Предъ образомъ ПЕТРОВЫМЪ мыслишь:
 „МОНАРХЪ, не совершивъ всего,
 „Еще не сдѣлалъ ничего!“ (*)

О радость! о восторгъ!... чишаю
 Я шайнство души швоей,
 И славу Россовъ созерцаю
 Во глубинѣ грядущихъ дней!...
 „Россія, міра половина,
 Ошъ врашъ зимы, Камчатскихъ льдовъ,
 До красныхъ Невскихъ береговъ,
 До странъ Колхиды и Эвксина,
 Во всей обширности своей
 Сіяетъ... щастіемъ людей!

(*) Слова ПЕТРА Великаго.

Моря покрышы кораблями;
 Флагъ Россовъ вѣстѣ на кормахъ;
 Сынъ Маинъ (*) нашими руками
 Сбираетъ дань во всѣхъ странахъ.
 Вездѣ прелестныя картины
 Избытка, сельской красоты,
 Невинной, милой простоты;
 Цвѣтущѣ съ улыбкою долины,
 Блистающѣ класами поля —
 Эдемомъ кажешся земля!

Искусство украшаетъ грады;
 Вездѣ съ богатствомъ виднѣ въ вкусѣ.
 Вездѣ Аѳины — верхограды
 Для Феба и любезныхъ Музъ;
 Вездѣ ихъ блескъ, очарованье,
 Подъ кровомъ мирной тишины
 Врага темницъ отворены,
 Въ судахъ глубокое молчанье,
 И воинъ, опершись на щитъ,
 Главу склонивъ, покойно спитъ.“...

У насъ Астрей! восклицаю:
 Или воскресъ Сатурновъ вѣкъ!...
 Отвѣшу Клии (**) я внимаю:
 „У васъ на Тронѣ — человекъ!

(*) Богъ торговли.

(**) Муза Исторіи.

„Премудрый АЛЕКСАНДРЪ, рожденный
 „Въ вѣнцѣ Ошечеству служишь,
 „Въ сердцахъ и лѣшописяхъ жишь!
 „Во дни Его благословенны
 „Умомъ Россія возрасла,
 „Въ добрѣ и нравахъ процвѣла.

„Онъ зналъ, что Царское правленье
 „Есть царство свѣта, а не пьмы;
 „Имѣлъ о нравахъ попеченье,
 „Сіялъ какъ солнце на умы;
 „Радѣлъ о благѣ воспитанья:
 „Въ началѣ зло искоренялъ;
 „Училъ, и рѣдко прибѣгалъ
 „Къ сѣкирѣ грозной наказанья;
 „Онъ зналъ обязанность Царей,
 „Быть Провидѣніемъ людей!

„Страна, окованная хладомъ,
 „Гдѣ чувство, жизнь усыплены,
 „Являешь прекраснымъ садомъ
 „Ошѣ взора теплыя весны:
 „Такъ все, и самая Природа
 „Въ той щасливой странѣ цвѣтетъ,
 „Въ которой на престолѣ взойдешъ
 „Избранный Мужъ, Отецъ народа...
 „Воззри: сей велелѣпный храмъ
 „Воздвигнушъ въ память всѣмъ въ-
 камъ —

„Се храмъ безсмертія и славы!
 „Тамъ вмѣстѣ съ Истиной свяшой
 „Потомству я пишу уставы!
 „Тиранамъ спрашенъ свитокъ мой,
 „Монархамъ добрымъ онъ любезенъ;
 „Хвалю, клянусь — и гласъ вѣковъ
 „Есть звукъ моихъ священныхъ словъ.
 „Мой судъ народамъ былъ полезенъ:
 „Никто его не избѣжалъ;
 „Онъ часто совѣсь воскресалъ.

„Тамъ — шамъ сіяютъ Антонины;
 „Тамъ долженъ АЛЕКСАНДРЪ сіяшь
 „Между ПЕТРА, ЕКАТЕРИНЫ,
 „И шило *Мудраго* приашь
 „Въ залогъ безсмертія и славы!“ ...
 Да будешь! ... О МОНАРХЪ сердець!
 Россія, Царствъ земныхъ вѣнецъ,
 (Колоссъ почтенный, величавый!)
 Да будешь подъ Твоимъ жезломъ
 Добра и щастія вѣнцомъ!

И будешь! — Медленно Природа
 Готовишь злато и серебро
 Во глубинѣ земнаго свода:
 Увы! зло легче, чѣмъ добро!
 Исторія тому свидѣтель;
 Но Ты ошечествя Опець,

Для подданныхъ вшорый Творецъ,
 Съ Тобою Богъ и Добродѣшель:
 Трудись!... давай уставы намъ,
 И будешь *Первый* по дѣламъ!

МОНАРХЪ! въ послѣдній разъ предъ
 Трономъ

Дерзнулъ я съ лирою предстать;
 Мнѣ сердце было Аполлономъ:
 Люблю хвалишь, но не ласкашь;
 Хвалилъ, гласъ общій повшоря.
 Другіе славные Пѣвцы
 Ошъ Музъ примушъ въ даръ вѣнцы,
 Тебя безъ лести прославляя:
 Я въ храмъ Истории (*) иду,
 И шамъ... дѣла Твои найду.

(*) Авторъ занимается Россійскою Исторіею.

Меланхолія.

Подражаніе Делілю.

Сспрасть нѣжныхъ, крошкихъ душъ,
судьбою угнѣшенныхъ,
Нещасныхъ щасіе и сладость огор-
ченныхъ!
О Меланхолія! шы имъ милѣ всѣхъ
Искусственныхъ забавъ и вѣтренныхъ
ушѣхъ.
Сравнишь ль что нибудь съ швоею
красотою,
Съ швоею улыбкою и съ шихою слезою?
Ты первый скорби врачъ, шы первый
сердца другъ:
Тебѣ оно свои печали повѣряетъ;
Но ушѣшаясь, ихъ еще не забываетъ.
Когда, освободясь отъ ига шяжкихъ
мукъ,
Нещасный отдохнетъ въ душѣ сво-
ей унылой,
Съ любовію ему шы руку подаешь,

Гимнъ Глупцамъ.

Блаженъ — не пошъ, кто всѣхъ умнѣ:
Ахъ нѣтъ! онъ часто всѣхъ грустнѣ —
Но пошъ, кто будучи глупцомъ,
Себя считаетъ мудрецомъ!
Хвалю его! блаженъ спокрашно,
Блаженъ въ безуміи своемъ!
Къ другимъ здѣсь щастіе превратно:
Къ нему всегда споитъ лицомъ.

Ему ли ссориться съ судьбою,
Когда доволенъ онъ собою?
Ему ль чернить сей бѣлой свѣтъ?
По маслу жизнь его печетъ.
Онъ бспѣ пріяшно, дремлетъ сладко;
Ничѣмъ въ душѣ не оскорбленъ,
Какъ ночью кажешся все гладко,
Такъ міръ для глупыхъ совершенъ.

Когда другой съ умомъ обширнымъ
Прославъ Философомъ всемірнымъ,
Вздыхаетъ, чувствуя, сколь онъ
Еще отъ цбли удаленъ;

Какими узкими спезями
 Намъ должно мудрости искашь;
 Какъ трудно слабыми очами
 Неправду съ правдой различашь;

Когда Сократъ, мудрецъ славнѣйшій,
 Но въ славѣ всѣхъ другихъ скромнѣйшій,
 Всю жизнь наукамъ посвятивъ,
 Для нихъ и жизни не щадивъ,
 За шайну людямъ объявляешъ,
 Что все загадка для него,
 И мудрый развѣ по лишъ знаешъ,
 Что онъ — не знаешъ ничего:

Тогда глупецъ въ мечтѣ пріятной
 Намъ хвалишъ умъ свой необъяшной:
 „Ему подобныхъ въ мірѣ нѣтъ!“
 Хошите ль? звѣзды онъ сочешъ
 Вѣрнѣ нашихъ Астрѳономовъ.
 Хошите ль? онъ расскажешъ, какъ
 Сидешъ солнце въ царствѣ Гномовъ,
 И радъ божишься вамъ, что такъ!

Боясь спулишь неоспорожно,
 И зная, какъ упасъ возможно,
 Смиренно смотришъ внизъ мудрецъ:
 Глядишъ спесиво вверхъ глупецъ —
 Спокнелся ль, въ яму упаяя?
 Нѣтъ нужды! вспанешъ безъ стыда;

И грязь съ себя рукой стирая,
Онъ скажешъ: *это не бѣда!*

Съ умомъ въ покоѣ нѣтъ покоя.
Одинъ для имени Героя
Радъ миръ въ могилу обратишь,
Для крестика безъ носа бышь;
Другой, желая громкой славы,
Весь вѣкъ надъ риемами корпншь:
Глупецъ смѣется: „вошъ забавы!“
И самъ—за бабочкой бѣжишь!

Ему нѣтъ дѣла до Правленій,
До шонкихъ, шрудныхъ умозрнй,
Какъ спраспи къ благу обращаешь,
Людей учишь и просвѣщаешь.
Царь крошкй или Царь ужасный
Любезенъ, спрашенъ для другихъ;
Глупцы Нерону не опасны:
Неронъ не спрашенъ и для нихъ.

Другимъ чувспвительность спраданье,
Любовь не даръ, а наказанье:
Кто жъ вѣкъ свой прожилъ не любя?
Глупецъ!.. онъ любитъ лишь себя,
И слѣдственно любимъ неложно;
Не вѣдаешъ измѣны злой!
Другимъ грустить въ разлукѣ должно:
Онъ веселъ—онъ всегда съ собой!

Когда, узнавъ людей коварныхъ,
 Холодныхъ и неблагодарныхъ,
 Душею нѣжный человекъ
 Клянется ихъ забыть навѣкъ,
 И хочетъ лучше жить съ звѣрями,
 Чѣмъ жертвой лицемѣровъ быть:
 Глупецъ считаетъ всѣхъ друзьями,
 И мнишь: „меня ли не любишь?“

Есть шомная на свѣтѣ мука,
 Змѣя сердець; ей имя скука:
 Она лезаетъ по землѣ,
 И плаваетъ на кораблѣ;
 Она и съ дѣломъ и съ бездѣльемъ
 Приходитъ къ мудрымъ въ кабинетъ;
 Ни шумомъ свѣтскимъ, ни весельемъ
 Ошъ скуки умный не уйдетъ.

Но щасливый глупецъ не знаетъ,
 Чшо скука въ свѣтѣ обитаетъ.
 Гремущку въ руки — онъ блаженъ
 Одинъ среди безмолвныхъ стѣнъ!
 Съ умомъ всѣ люди Гераклишы,
 И не жалуютъ слезъ своихъ;
 Глупцы же сердцемъ Демокришы:
 Родъ смертныхъ Арлекинъ для нихъ!

Они судьбу благословляютъ,
 И бышь умнѣе не желаютъ.

Раскроемъ лѣтопись временъ:
Когда былъ человекъ блаженъ?
Тогда, какъ, думашь не умѣя,
Безъ смысла онъ *желудкомъ* жилъ.
Для глухихъ здѣсь всегда Аспрея,
И вѣкъ злашой не проходилъ.

Филины и соловей, или просвѣщеніе.

Басня.

Узнали филины намѣреніе Феба
Ея величество, ночь шемную, согнашь
Съ престола древняго земли и
неба,
И сущки цѣлыя безъ опдыха сіяшь.
„Что! что!“ кричащъ они: „разру-
шить царство ночи,
„Въ которомъ намъ шакъ мило жишь,
„И сонныхъ пшицѣ давишь
„Во мракѣ тихой роци!
„Кто Фебу далъ шакой совѣтъ?“...
„Не вы, друзья мои: не филины, не воры,“
Сказалъ имъ соловей: „не нравится
вамъ свѣтъ:
„Его боляся хищныхъ взоры!
„Я ночью пѣлъ одинъ, и всѣ пѣвнялись
мною;
„Въ день будетъ у меня совмѣстни-
ковъ довольно:
„Ихъ шакже наградашь хвалою...

„Лишишься славы больно,
 „Но ею съ братьями охотно подѣлюсь,
 „И солнцемъ веселюсь,
 „Когда въ его сіяньи
 „Для міра болѣе утѣхъ,
 „Чѣмъ въ горестномъ мерцаньи.
 „Злой мыслишь о себѣ, а доброй обо
 всѣхъ;
 „Злой любишь мракъ густой, а доброй
 просвѣщенье
 „Къ несчастью долженъ я сказать вамъ
 въ утѣшенье,
 „Что въ самой ясной день
 „Для васъ еще найдется тѣнь!“

Спиши на слова, заданныя мнѣ Хло-
ею: мигъ, картина и дверь.

I.

Мигъ.

Какое слово мнѣ дано!...
Оно важнѣе всѣхъ; оно
Есть все!... Конечно; власть и слава,
Печаль, веселье и забава...
Увы! и щастіе сердецъ,
И чувство сладкаго покоя —
И самая любовь, о Хлоя!
Ея начало и конецъ —
Не есть ли *мигъ* единый въ свѣтѣ?
Теперь я, на примѣръ сказать,
Сижу покойно въ кабинетѣ,
Хочу къ тебѣ стихи писать;
Но естли ты въ сей *мигъ* явишься,
Въ меня влюбленной прищворишься,
То въ *мигъ* — спокойствіе прощай!
Стихи въ каминъ!... у ногъ прекрасной
Лежу, горю любовью сраспшной!
Лишь только шупку продолжай:

Я въ *мигъ* смѣлѣе, Хлоя, буду;
 Учдивость, можешь быть, забуду,
 И въ *мигъ*... откроешь обманъ!
 Тогда, какъ хладный истуканъ,
 Душею въ *мигъ* оледенѣю;
 Опъ страсти пылкой исцѣлюсь,
 И въ *мигъ* — съ шобою засмѣюсь.

Такъ вы любезностью своею
 Насъ въ *мигъ* плѣняете всегда,
 Не думая плѣняться нами!
 Но въ *мигъ* же, Хлоя, иногда
 Въ сѣняхъ бываете и сами;
 Кто былъ смѣшенъ, въ *мигъ* станеть
милъ;
 Но *мигъ* — и слѣдъ любви проспыль!

Въ одинъ же *мигъ* — ахъ! мысль ужа-
сна! —
 Дерзнешъ нескромность ушверждашь,
 Что ты была, была прекрасна;
 Но въ *мигъ* — велю ей замолчать!

2.

К а р т и н а.

Картина мнѣ мила въ Природѣ,
 Когда я съ сердцемъ на свободѣ

Гуляю по коврамъ луговъ,
 Смотрю вдали на мракъ лѣсовъ,
 Лучами солнца озлащенныхъ;
 Или на лабиринтѣ ручьевъ,
 Самой Натурой проведенныхъ
 Въ изгибахъ для красоты полей.
 Картина мнѣ мила въ Поэти,
 Когда онъ кистию своею
 Цвѣтши наводитъ на предметъ
 И пишетъ словомъ, какъ рукой.
 Картина мнѣ мила — въ картинѣ,
 Когда волшебною игрою
 Всѣ краски дышутъ на холстинѣ
 И лица говорятъ хосятъ;
 Я, правда, не знашокъ, но радъ
 Всегда Корреджію дивиться,
 И даже — въ полошно влюбиться.
 Но я бызую врагъ картинъ,
 Когда прелестницы желаютъ
 Быть шолько ими для мужчинъ,
 И все другое забываютъ.
 Цвѣтши и краски хороши;
 Но ахъ! въ картинѣ нѣтъ души!

Дверь

Въ златой прекрасной вѣкѣ
 Не вѣдалъ человѣкъ
 Ни *двери*, ни замковъ желѣзныхъ,
 И домъ и сердце открывалъ
 Для братьевъ, ближнихъ и любезныхъ:
 Такъ всѣхъ людей онъ называлъ.

Но время премѣнилось,
 И гибельное зло,
 Увы! къ намъ въ *дверь* вошло,
 Замокъ съ собою принесло,
 И сердце съ домомъ зашворилось.
 Спалъ смертный — Камергеръ съ ключемъ;

Сидишь за *дверью*, и не всѣмъ
 Ее охотно отпираешь;
 По шуку человека знаешь:
 Какъ рыба припаясь молчишь,
 Когда рукою въ *дверь* спучишь
 Досадный кредиторъ, просишь
 Съ бумагою, безъ серебра;
 Или старинный покровишь,
 Въ немилость впавшій у Двора;
 Или любовница съ слезами,
 Уже оставленная нами!
 Нѣтъ дома! вѣрь или не вѣрь:
 Для нихъ не отпереша *дверь*.

Но *двери* настѣшь для случайныхъ,
Для ихъ друзей, извѣстныхъ, шай-
ныхъ,

Для челобитчика съ мѣшкомъ,
Для камердинера съ письмомъ
Отъ женщины, душѣ любезной,
Или другимъ чѣмъ намъ полезной;
Для милвидныхъ подлецовъ
И нашихъ ревностныхъ льстецовъ!

Блаженъ, кто двери запираетъ
Всегда для глупыхъ, злыхъ людей,
И вмѣстѣ съ сердцемъ отворяетъ
Ихъ шолько для своихъ друзей!

К ъ Э м и л и и.

Подруга милая моей судьбы смирен-
ной,
Которою меня Богъ щедро наградилъ!
Ты хочешь, чшобы я, спокойствомъ
усыпленной
Для свѣтна и для Музъ, талантъ мой
пробудилъ,
И людямъ о себѣ напомнилъ бы спи-
хами.
О чемъ же мнѣ писать? Въ душѣ моей
одна,
Одна живая мысль; я разными словами
Могу сказать одно; душа моя полна
Любовію свяшой, блаженствомъ и по-
бою:
Другое кажется мнѣ скучной суешою.
Сказавъ тебѣ: *люблю!* уже я все ска-
залъ.
Любовь и щасшіе въ романахъ говор-
ливы,
Но въ истинѣ своей и въ сердцахъ мол-
чаливы.

I.

25

Непшунныхъ пучинъ, и видишь корабли
 Игралищемъ спихий; желаешь имъ спа-
 сенья,
 Но радъ, что онъ стоишь надежно
 на земли.
 Нѣтъ, нѣтъ, мой милой другъ! сер-
 дечное блаженство
 Желаешь шишины, а Музы любятъ
 шумъ;
 Не истина, но блескъ въ Поэтѣ совер-
 шенство,
 И ложь красивая плѣняетъ свѣтскій
 умъ
 Скорѣе, чѣмъ языкъ простой, нелю-
 бимый,
 Которымъ говорятъ правдивыя сердца.
 Сказавъ, что всякой день, съ начала
 до конца,
 Мы любимъ были одни; что мы другъ
 другу вѣрни
 Во всѣхъ движеніяхъ открыты души;
 Сказавъ, что все для насъ минуши
 хороши,
 Въ которыхъ ничто намъ не мѣшаетъ
 вольно
 Другъ съ другомъ говорить, другъ
 друга цѣловать,
 Ласкаться взорами, задуматься, мол-
 чать;

Сказавъ, что малаго всегда для насъ
 довольно;
 Что мы за все, за все Творца благо-
 даримъ,
 Не просимъ чуждаго, но щасптивы
 своимъ,
 Моля Его, чтобъ Онъ безъ всякихъ
 прибавлений
 Оставилъ все, какъ есть, въ самихъ
 насъ и вокругъ:
 Я вкусу знатока не угожу, мой другъ!
 Гдѣ шумъ Поэзія? гдѣ вымыслъ укра-
 шеній?
 Я истину скажу; но кто повѣритъ ей?
 Когда пылающій любовникъ (часто
 мнимый)
 Стихами говоритъ любовницѣ своей,
 Что для него она предметъ богопво-
 римый;
 Что онъ единственно къ ней спра-
 спію живетъ,
 За нѣжный взоръ ея короны не возъ-
 метъ,
 И прочее: тогда ему иной повѣритъ:
 „Любовникъ, думаютъ, въ любви не
 лицебритъ;
 „Обманываетъ онъ себя, а не другихъ.“
 Но чтобъ супружество для сердца
 было раемъ;

Чтoбѣ въ мирной тишинѣ пріятно-
 сней своихъ
 Оно казалось всегда цвѣшущимъ Маемъ,
 Безъ хлада и грозы; чтoбѣ нѣжный
 Гименей
 Былъ спрасненъ, и еще сильнѣ всѣхъ
 спрасней:
 То люди назовушъ безсовѣстнымъ об-
 маномъ
 Исцорія любви шамъ кажешя рома-
 номъ,
 Гдѣ все романами и дышешъ и живешъ.
 Нѣтъ, милая! любовь супруговъ щакъ
 священна,
 Чшо бышь должна ошъ глазъ нечи-
 стыхъ сокровенна;
 Ей сердце храмъ свяшой, свидѣшель
 Богъ, не свѣтъ;
 Ей щасье другъ, не Фебъ, другъ свѣ-
 ща и пришворшва;
 Она по скромности не любилъ стихо-
 шворшва.

Б е р е г ъ .

Послѣ бури и волненья,
Всѣхъ опасностей пуши,
Мореходцамъ нѣшъ сомнѣна
Въ приспань мирную войши.

Пусть она и неизвѣсна!
Пусть ее на каршѣ нѣшѣ!
Мысль, надежда имъ прелестна
Тамъ избавишь ошѣ бѣдѣ.

Естьли жѣ взоромъ открывающѣ
На берегу друзей, родныхъ,
О блаженство! восклицающѣ,
И лепяшѣ въ объятья ихѣ.

Жизнь! шы море и волненье!
Смерть! шы приспань и покой!
Будешѣ шамъ соединенье
Разлученныхъ здѣсь волной.

Вижу, вижу... вы манише
Насѣ къ мистическимъ брегамъ!...
Тѣни милыя! хранише
Мѣшо подлѣ васѣ друзьямъ!

Къ Добродѣтели.

О ты, которая была
Въ глазахъ моихъ всегда прелестна,
Душѣ моей всегда мила
И сердцу съ юности извѣстна!
Вхожу въ святилище Твое;
Объемлю, чувствомъ вдохновенный,
Твой жершвенникъ уединенный!
Одно усердіе мое
Даетъ мнѣ право не чуждаться
Твоихъ священныхъ олтарей,
И въ пламенной душѣ моей
Твоимъ блаженствомъ наслаждаюсь!

Нѣтъ дѣлъ моихъ передъ Тобой!
Не сыпалъ злапа я на бѣдныхъ:
Мнѣ злапа не дано судьбой;
Но глазъ заплаканныхъ, лицъ блѣдныхъ
Не могъ безъ грусти замѣчать;
Дружился въ сердцахъ съ угнѣвленнымъ,
И жалобамъ его священнымъ
Любилъ съ прискорбіемъ внимать;

Любилъ суды правдивы Рока,
 Невинныхъ, добрыхъ торжество.
 „Есть гробъ, безсмертье, Божество!“
 Я мыслилъ, видя проиъ порока.

Нѣтъ, нѣтъ! я не былъ ослѣпленъ
 Симъ блескомъ, сколь онъ ни прекра-
 сенъ!

Драконъ на время усыпленъ,
 Но самый сонъ его ужасенъ.
 Злодѣй на Эпнѣ строитъ домъ,
 И пепелъ подъ его ногами;
 Тамъ лава услана цвѣтами,
 И въ шипинѣ шайтся громъ.
 Пусть онъ не знаетъ угрызенья!
 Онъ не достоинъ знать его.
 Безчувственность есть адъ того,
 Кто зло творитъ безъ сожалѣнья.

Нѣтъ, въ мысляхъ я не унижалъ
 Твоихъ спрадальцевъ, Добродѣтель:
Жалть объ нихъ я не дерзалъ!
 Въ оковахъ рабъ, въ вѣнцѣ Владѣтель,
 Равно здѣсь щасливы Тобой.
 Твоею силой укрѣпленный,
 на мѣсто казни возведенный,
 Достоинъ зависти Герой:
 У ногъ его лежитъ вселенна!
 Онъ намъ оставитъ нѣбный прахъ,

Но духъ его на небесахъ—
 Душа сама собой блаженна.

Когда мiръ цѣлый шрепешалъ (*),
 Волнуемый спрасьями злыми:
 Мой взоръ знаменъ Твоихъ искалъ:
 Я сердцемъ слѣдовалъ за ними!
 Творилъ обѣщанья... слезы лилъ
 Опъ радости и скорби шайной....
 Кто въ вѣкъ чудесной, чрезвычайной
 Призракомъ не обманушь былъ?
 Когда жъ людей невинныхъ кровью
 Земля дымишься начала,
 Мнѣ свѣтъ казался адомъ зла....
 Свободу я считалъ любовью!....

Я былъ игралищемъ спрасей,
 Родясь съ чувствительной душою:
 Ихъ огонь пылалъ въ груди моей;
 Но сердце съ милою мечшою
 Всегда сливало образъ Твой:
 Прости!... Ахъ! лѣта заблужденій
 Текушь спезею огорченій;
 Намъ спрашенъ въ младости покоя
 И тернiемъ любезны розы!...
 Я жертвой, не шираномъ былъ,
 И въ нѣжныхъ горестяхъ любилъ
 Свои, а не чужія слезы!

(*) Во время Революціи.

Не совѣстью, одной поскою
 Я въ жизни болѣе перзался;
 Виновный шолько предъ собой,
 Сквозь слезы часто улыбался!
 Когда же, сердцемъ увлеченъ,
 Не помнилъ я, въ восшоргахъ спра-
 ши,

Твоей, о Добродѣшель! власти,
 И, блескомъ щасшья ослѣвленъ,
 Спѣшилъ за нимъ на пущь неправый:
 Я былъ загадкой для себя:
 Какъ можно споль любишь Тебя
 И нарушашь Твои усшавы!

Преплывъ обширный океанъ,
 Чрезъ многія пучины, мѣли;
 Собравъ богатштва дальнихъ странъ,
 Пловецъ спремился къ вѣрной цѣли,
 Къ своимъ ошеческимъ брегамъ,
 И взоръ его нешперѣливый
 Уже ошкрылъ сей край щасшливый;
 Онъ мыслишь радосшно: „я шамъ!“...
 Вдругъ буря въ ужасъ все приводитъ —
 Корабль скрывается въ волнахъ!
 Пловецъ не гибнешъ — но въ слезахъ
 Онъ нищимъ на берегъ выходилъ!

Вошъ жребій мой!... Ахъ! я мечталъ
 О шихой пристшани, покоѣ;

Но буря и свирѣпый валъ
 Сокрыли щастіе златое!
 Пристанища въ семъ мірѣ нѣтъ,
 И насъ съ послѣднею волною,
 Въ землѣ подѣ гробовой доскою,
 Къ себѣ червь кровоглавый ждетъ!..
 Бдаженъ, кто не былъ здѣсь свидѣ-
 шель

Погибели своихъ друзей,
 Или въ нещастьяхъ жизни сей
 Тобой ушѣшенъ, Добродѣшель!...

Смотрю на небо: тамъ цвѣтшы
 Въ прелестныхъ радугахъ играютъ;
 Златыя, яркія чершы
 Одна другую пресѣкають,
 И вдругъ, въ пространствахъ высоты,
 Сливаются съ ночнымъ мерцаньемъ...
 Не можно ль съ *сверхънмъ сіяньемъ*
 Сравнять сей жизни красоты?..
 Оно угасло — но блистаетъ
 Еще полярная звѣзда:
 Такъ Добродѣшель никогда
 Во мракъ насъ не оставляетъ!..

Остатокъ радостей земныхъ,
 Дочь милую, кропя слезами,
 Въ восторгѣ нѣжныхъ чувствъ моихъ
 Къ Тебѣ дрожащими руками

Подъемлю, и молю: будь ей
И горемъ здѣсь и утѣшенъемъ,
Безъ щасья вѣрнымъ наслажденьемъ!
Въ послѣдній часъ судьбы моей
Ее ко груди прижимая,
Да обниму я въ ней Тебя!
Да гасну, васъ равно любя,
И милой милую вручая!

Спихи на скоропостижную смерть
Петра Аванасьевича Пельскаго (*).

Вчера въ моемъ уединеньи
Я съ нимъ о жизни разсуждалъ,
О нашемъ горѣ, ушѣшеньи;
Вчера съ друзьями онъ гулялъ
По роцамъ мирнымъ въ вечеръ ясный;
Глазами солнце проводилъ
На западъ тихій и прекрасный,
И виды сельскіе хвалилъ!...
Слѣды его еще не скрылись
На сихъ коврахъ шравы густой;
Еще цвѣтки не распрямились,
Измятые его ногой —
Но онъ навѣкъ отъ насъ сокрылся!..
Едва вздохнулъ — и вдругъ исчезъ!
Съ дѣтьми, съ друзьями не простился!
Мы плачемъ: онъ не видишь слезъ!..
Ахъ! въ гробѣ мертвые спокойны!
Ихъ время горевать прошло....
Смерть только для живыхъ есть зло;
Могилы зависти достойны —

(*) 9 Маѣ онъ обѣдалъ у меня въ деревнѣ и
провелъ вечеръ.....

Ничтожество не спрашно вѣ нихъ!...
 Нашъ другъ былъ веселъ для другихъ
 Умомъ, любезностью своею,
 Но тайно мучился душою. . . .
 Ахъ! онъ умѣлъ боготворить
 Свою любовницу - супругу (*)!
 Оплакавъ милую подругу,
 Кто можешь вѣ жизни щасливѣ бышь?
 Я видѣлъ Пельскаго вѣ жилищѣ
 Усопшихъ, среди могилъ:
 Онъ шамъ рѣкою слезы лилъ!...
 Тамъ было и его гульбище,
 Равно прелестное для насъ,
 Равно любившихъ и любимыхъ,
 Ко гробу сердцемъ приводимыхъ!...
 Тамъ шихъ изъ-подъ камня гласъ
 Ему вѣщали ли вѣ утѣшенъе,
 Что самъ онъ скоро ошдохнешъ
 Ошъ жизни, вѣ коей щасшья нѣшъ?...
 Гдѣ радость есть приготошленъе
 Къ ушрашамъ и печалямъ вновъ;
 Увы! гдѣ самая любовь,
 Нѣжнѣйшихъ душъ соединенъе,
 Готовишъ только сожалѣнъе
 И гаснешъ завсегда вѣ слезахъ,
 Тамъ есть ли вѣ благахъ совершен-
 сшво?...

(*) Она скончалась вѣ прошломъ году.

Мечта прелестная, блаженство!
 Мелькая въ сердцѣ и въ глазахъ,
 Ты насъ желаньемъ упомляешь —
 Приводишь къ гробовой доскѣ,
 Надъ прахомъ милыхъ исчезаешь,
 И сердце предаешь шокѣ!

Теперь супруги не разлучны;
 Въ могилѣ учась ихъ одна:
 Покояся въ жилищѣ сна,
 Или уже благополучны
 Чистѣйшимъ новымъ бытиемъ!...
 А мы во странствіи своемъ
 Еще помимые сомнѣнемъ,
 Печалью, страхомъ и мученьемъ,
 Свой пушь съ шерпѣніемъ свершимъ!
 Надежда смертныхъ утѣшаетъ,
 Что міръ другой насъ ожидаетъ:
 Сей свѣтъ пусыня передъ нимъ!
 Тамъ всѣ, кого мы здѣсь любили,
 Съ кѣмъ въ юности пріятно жили;
 Тамъ, тамъ собраніе вѣковъ,
 Мужей великихъ, мудрецовъ,
 Которыхъ въ лѣтописяхъ славимъ!..
 И съ тѣми, коихъ здѣсь оставимъ,
 Мы разлучимся лишь на часъ.
 Земля гостинница для насъ!

Конецъ Перваго Тома.

Опечатки въ Первомъ Томѣ.

Стран. строк. напечатано: читай:

34	— 18	своихъ	своихъ?
158	— 13	Тасовы	Тассовы
171	— 13	зверей	звѣрей
208	— 15.	бышь	бышь.
233	— 14	разлюбляшь	разлюбляшь.
262	— 15	незабвеный	незабвенный
266	— 15	вънецъ	вънецъ.
274	— 4	угнѣшен- ныхъ	угнешен- ныхъ
283	— 8	просвѣ- щенъе	просвѣ- щенъе.
296	— 19	угнѣшен- нымъ	угнешен- нымъ

Опечатки во Впоромѣ Томѣ.

Стран. строк. напечатано: читай:

20	—	10	чешыре ло-	чешырехѣ
			шади	лошадей
54	—	2	однѣ	одни
93	—	3	судь бы	судьбы
234	—	13	чиснѣйшія	чисѣйшія
281	—	1	воспылаха	воспылала

